

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

*Посвящается 75-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

№ 1 (13) 2020

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2020

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

№ 1 (13) 2020

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

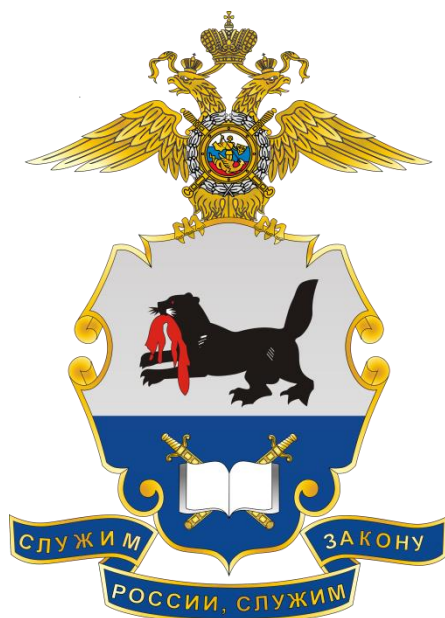
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77—69590 от 02.05.2017

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени
доктора наук, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по каталогу Роспечать 39897. Цена свободная.

Издается с мая 2017 года
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
тел. (3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
<https://вси.мвд.рф/>
e-mail: esiirk-kafkrim@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Грибунов О. П., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Шаевич А. А., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Ответственный секретарь:

Третьякова Е. И., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Варданын А. В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России;

Васюков В. Ф., доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова;

Жакулин А. Б., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова;

Железняк Н. С., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России;

Зайцева Е. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России;

Николюк В. В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия;

Никонович С. Л., доктор юридических наук, доцент, профессор высшей школы бизнеса, менеджмента и права Российского государственного университета туризма и сервиса;

Россинский С. Б., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Степаненко Д. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. В текстах статей сохранено авторское изложение и выполнено лишь необходимое техническое редактирование, в связи с чем редакционная коллегия не несет ответственности за возможные неточности.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях.

Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 27 марта 2020 г. Формат 60 × 84/8

Цена: свободная

Усл. печ. л. 20,8. Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 14

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

FORENSICS: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

№ 1 (13) 2020

The founder of the journal is Federal State Budget Institution
for Higher Education
“East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation”

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

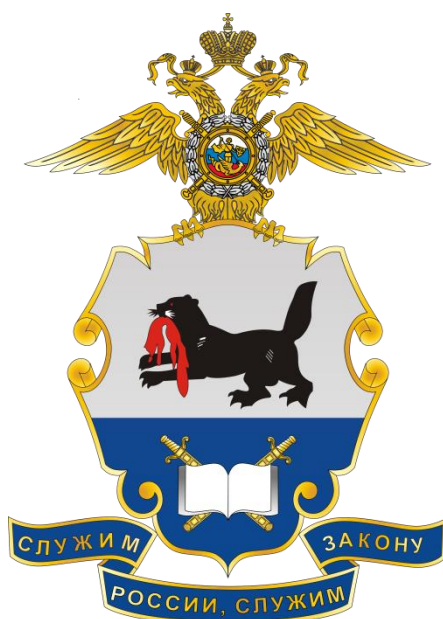
Registration: The Federal service for supervision in the sphere
of mass communications

PI No. FS 77—69590 dated 02 May, 2017

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which
the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published,
for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation.

Subscription index in the Rospechat catalogue 39897. The price of free.

Published since may 2017.
Issued four times a year

Address of the editorial office, publisher:
664074, Irkutsk, Lermontova St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
<https://вси.мвд.рф/>
e-mail: esiirk-kafkrim@mvd.gov.ru

© East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, 2020

Editorial staff

Chief Editor:

Gribunov O. P., Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the MIA of Russia for Science.

Deputy Chief Editor:

Shaevich A. A., Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia.

Executive Secretary:

Tretyakova E. I., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia.

Members of the Editorial Board:

Vardanyan A. V., Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics and Operative Search Activity of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia;

Vasyukov V. F., Doctor of law, Professor of the Department of criminology and preliminary investigation in the police Department of the Orel law Institute of the MIA of Russia named after V. V. Lukyanov

Zhakulin A. B., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of technical and forensic support of disclosure and investigation of crimes of Karaganda Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

Zheleznyak N. S., Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operational-Search Activity of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia;

Zaytseva E. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Volgograd Academy of the MIA of Russia;

Nikolyuk V. V., Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer of the Department of Criminal Procedures Problems, Russian State Justice University;

Nikonovich S. L., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the higher school of business, management and law of the Russian state University of tourism and service;

Rossinsky S. B., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Stepanenko D. A., Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia.

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is free of charge. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 27th of March 2020. Format 60 × 84/8

Price: free

Conventional printed sheets — 20,8. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No. 14.

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

**Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Белицкий В. Ю. Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки.....	9
Боровских Р. Н., Верченко Н. И., Бедренко У. Н. Внутрикorporативные хищения в сфере страхования: криминалистический анализ и противодействие.....	16
Габеев С. В. О взаимосвязи уголовного права и криминалистики	24
Грибунов О. П. Научное наследие профессора Е. Р. Россинской	31
Журавлев С. Ю. Криминалистическая культура правоприменения: содержание и дискуссионные вопросы.....	41
Залескина А. Н. Характеристика и значение документов, отражающих деятельность хозяйствующих субъектов для раскрытия и расследования мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности	47
Земцова С. И. Криптовалюта в незаконном обороте наркотических средств: вопросы деанонимизации и ответственности....	54
Зиненко Ю. В., Бушуев А. И., Сергеева О. В. К вопросу о проблемах назначения и производства комиссионных судебно-медицинских экспертиз	64
Карданов Р. Р. Общая характеристика задач расследования в сложившейся ситуации	72
Куликов А. Г. Особенности оперативно-розыскного противодействия вовлечения лиц в экстремистские религиозные группы в местах лишения свободы.....	79
Лянной Г. Г. Третьякова Е. И. Реестровая (кадастровая) ошибка как способ совершения мошеннических действий с земельными участками	85
Сидорова К. С., Усачев С. И. Использование ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при расследовании мошенничества в сфере автострахования.....	94
Смушкин А. Б. Цели, задачи и функции электронной цифровой криминалистики.....	103
Тимофеев С. В., Арутюнян В. Ф. О некоторых аспектах привлечения специалиста в ходе изъятия электронных носителей информации при проведении оперативно-розыскных мероприятий	108

Уголовный процесс

Абрамов В. А., Никонович С. Л., Гапонова В. Н. Особенности избрания меры пресечения несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому).....	115
Вастьянова О. Д. Эффективность применения запрета определенных действий.....	122
Гаврилин Ю. В., Балашова А. А. Совершенствование процессуального порядка собирания доказательственной информации, содержащейся в сетевых информационных системах	129
Смолин А. В. Гносеологический подход к содержанию доказательств .	138
Стельмах В. Ю. Виды ограничений, применяемых в рамках мер пресечения.....	145
Титов П. М. Частный обвинитель в уголовном судопроизводстве	155
Информация для авторов	161

CONTENTS

Criminalistics. Forensic expertise. Operatively-search activity

Belitskiy V. Y. Conceptual and categorical framework of forensic science... 9	
Borovskikh R. N., Verchenko N. I., Bedrenko U. N. Intra-corporate thefts in insurance: forensic analysis and counteraction 16	
Gabeev S. V. About the relationship between criminal law and forensics 24	
Gribunov O. P. Scientific heritage of professor E.R. Rossinskaya..... 31	
Zhuravlev S. Y. Forensic culture of enforcement: content and discussion issues 41	
Zaleskina A. N. Characteristics and significance of documents that reflect the activities of business entities for the disclosure and investigation of fraud involving deliberate non-performance of contractual obligations in entrepreneurship 47	
Zemtsjva S. I. Cryptocurrency in illicit drug trafficking: issues of deanonymization and liability 54	
Zinenko Yu. V., Bushuev A. I., Sergeeva O. V. On the issue the problems of appointment and obtaining expert opinions..... 64	
Kardanov R. R. Common characteristics of the investigation tasks in the current situation 72	
Kulikov A. G. Features of the operational investigative counteraction of involvement of people in extremist religious groups in prisons..... 79	
Lyannoy G. G., Tretyakova E. I., Register (cadastral) error as a method of committing fraudulent acts with land parcel..... 85	
Sidorova K. S., Usachev S. I. Use of the internet resources in the investigation of fraud in car insurances 94	
Smushkin A. B. Goals, tasks and functions of electronic digital forensics 103	
Timofeev S. V., Harutyunyan V. R. About some aspects of the involvement of a professional in the process of the seizure of electronic data storages during operative search operations..... 108	

Criminal proceeding

Abramov V. A., Nikonovich S. L., Gaponova V. N. Features of applying a measure of restraint for a juvenile suspect (accused) 115	
Vastyanova O. D. Effectiveness of prohibition of certain actions 122	
Gavrilin Yu. V., Balashova A. A. Improvement of procedure for the gathering of evidence contained in data networking systems..... 129	
Smolin A. V. The epistemological approach to the content of evidence 138	
Stelmakh V. Yu. Types of restrictions used in preventive measures..... 145	
Titov P. M. Private prosecutor in criminal proceedings..... 155	
Information for authors 161	

**КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК: 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10001

Владислав Юрьевич Белицкий,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса

Барнаульского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

**ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Аннотация. В статье рассматриваются требования, которым должен соответствовать понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки (единство терминологии, устойчивость, точность и системность), а также раскрывается содержание каждого из них. Обосновывается проблема отсутствия единства, точности и системности при употреблении различных криминалистических терминов, понятий и категорий, а также влияние данного фактора на формирование криминалистических знаний и практики их применения.

Ключевые слова: язык криминалистики, требования к научной терминологии.

Vladislav Yurevich Belitskiy,

Deputy head of the Department of Criminal Procedure

of the Barnaul law institute of the MIA of Russia,

Candidate of Law, Assistant Professor

**CONCEPTUAL AND CATEGORICAL FRAMEWORK
OF FORENSIC SCIENCE**

Abstract. The article discusses the requirements that the conceptual and categorical framework of forensic science should meet: the unity of terminology, stability, accuracy and consistency, as well as the content of each of them is revealed. The problems of the lack of common understanding, accuracy and consistency in the use of various forensic terms, concepts and categories, as well as the influence of this factor on the formation of forensic knowledge and the practice of their application are justified.

Keywords: the language of forensic science, requirements to scientific vocabulary.

Советский энциклопедический словарь определяет науку как «сферу человеческой деятельности, функция которой — выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности; одна из форм общественного сознания; включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат» [15, с. 877].

Научные знания характеризуются тем, что они не только констатируют и описывают факты, но и объясняют, осмысливают их в системе понятий и определений конкретной науки.

По мнению А. А. Саламатова, «понятие является формой мышления, отражающей определенный объект мысли, существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений, и указывающей на их взаимосвязи с другими объектами, как входящими в один класс с ним, так и относящимся к другим классам» [14, с. 100—101].

В определении конкретного понятия раскрываются его сущность, содержание и характерные признаки, отличающие его от иных объектов, предметов и явлений.

Под термином принято понимать «употребляемое с оттенком специального научного знания» название того или иного понятия в виде слова или словосочетания [15, с. 1336].

На страницах научной литературы обоснованно отмечается, что «каждая наука имеет свои терминологию и понятийно-категориальный аппарат, усвоение и пользование которым является свидетельством профессионализма в той или иной области знания» [13, с. 20; 14, с. 101], а равно и то, что «сформированность понятийно-терминологического аппарата науки является одним из показателей, характеризующим ее качественное состояние на текущий момент времени» [5].

Не является исключением и криминалистическая наука, также обладающая своей «системой понятий и их определений, а также обозначающих их терминов и знаков» [10, с. 43], в совокупности именуемых языком криминалистики.

В криминалистической энциклопедии, подготовленной проф. Р. С. Белкиным, под языком криминалистики понимается «система общих и частных понятий криминалистики, выражаемых определениями и обозначениями (знаками, терминами)» [2; с. 273].

Полагаем, можно утверждать, что язык криминалистической науки является ее смысловым ядром, поскольку позволяет как передавать основную, содержательную информацию, понимать друг друга в процессе общения и передачи информации, так и упорядочивать научные знания. Именно на терминах, понятиях, категориях строится любая система подачи информации.

В связи со сказанным и учитывая, что «язык криминалистики предназначен для придания большей точности и однозначности употребляемым спе-

циальным терминам» [2, с. 273; 8, с. 95], следует согласиться с А. А. Бессоновым, который обращает внимание на то, что язык криминалистической науки, как и любой иной сферы научного знания, «должен быть точным и все используемые термины определены однозначно» [4, с. 139].

Прав М. Е. Игнатъев, отмечающий, что «для того, чтобы понятие активно участвовало в познавательной деятельности, оно должно быть правильно и точно определено... На определения, как на существенные основания, опираются все субъекты расследования преступлений, т. к. они определяют и дисциплинируют обоснованное криминалистическое мышление» [9]. «Однозначное толкование введенных криминалистикой понятий, установленных в процессе научного исследования явлений, предметов и процессов имеет важное значение для всей познавательной деятельности в науке и практике» [8, с. 95; 9, с. 127—134].

Анализ научной литературы позволил выделить основные требования, которым, по мнениям ученых, должен соответствовать язык науки или ее понятийно-категориальный аппарат. В числе данных требований или правил употребления терминов, понятий и категорий следующие: 1) единство терминологии; 2) точность; 3) устойчивость; 4) системность.

Под единством терминологии необходимо понимать использование терминов, понятий и категорий в прямом и непосредственном значении, не допускающем двусмысленности при толковании.

Под точностью терминологии следует понимать четкость употребляемых терминов, однозначность их понимания, соответствие слова или словосочетания содержанию обозначаемого понятия.

Разделяем мнение М. Е. Игнатъева, который обоснованно обращает внимание на важность точности и «однозначности толкования» или единства терминологии. Несоблюдение названных требований к терминологии неизбежно приведет к непониманию друг друга учеными, практиками, которые станут использовать одни и те же термины, понятия и категории, наполняя их различным содержанием, вкладывая в них различное смысловое значение.

Вместе с тем анализ научной литературы, результатов проведенных криминалистических исследований, методик расследования и пр. позволяет утверждать, что на сегодняшний день, к сожалению, среди ученых-криминалистов нет единства толкования и обозначения определенных криминалистических терминов и понятий. Например, нередко в литературе под способом совершения преступления, авторы понимают не только само деяние, непосредственно направленное на выполнение объективной стороны преступления, но и действия преступника по подготовке и сокрытию преступления [более подробно см., напр.: 1, с. 13—15; 11 и др.], как полноструктурного способа преступления. Говоря другими словами, термин «способ совершения преступления» используется как синоним более широкого по смыслу «способ-

ба преступления», что, полагаем, неверно и противоречит требованиям единообразия, точности и системности терминологии.

В приведенном примере отмечаем как отсутствие единства терминологии, так и точности в употреблении данного термина.

Под устойчивость терминологии следует понимать постоянство употребления, недопустимость неоправданного, необоснованного научной необходимостью замены одних терминов, понятий и категорий другими.

При этом не исключено появление новых терминов, понятий и категорий, что обусловлено научно-техническим прогрессом и развитием научного знания.

В совокупности понятийно-категориальный аппарат науки криминалистики должен отвечать требованию системности, как взаимосвязи и непротиворечивости содержащих его терминов, понятий и категорий.

Системность языка криминалистики означает единство, точность, однозначность, определенность терминологии, отсутствие противоречий в значении и употреблении содержания конкретных терминов, понятий и категорий.

К сожалению, в настоящее время, думается, нельзя говорить о соблюдении названных требований или правил. В частности, на неоднозначность употребления терминов «криминалистическая идентификация», «криминалистическая диагностика» и ряда иных криминалистических понятий и категорий обращает внимание А. А. Бессонов [4, с. 135—140].

Проведенный автором настоящей статьи анализ диссертационных исследований, посвященных разработке частных методик расследования мошенничеств, также свидетельствует об отсутствии системности в понятийно-категориальном аппарате криминалистической науки.

Например, раскрывая структуру и содержание криминалистической характеристики мошенничеств, исследователями по-разному именованы ее элементы. Проиллюстрируем сказанное на примере такого элемента криминалистической характеристики, как обстановка преступления. В изученных диссертациях данный элемент был назван как: «обстоятельства совершения мошенничества» (Г. В. Бембеева, А. Л. Пермяков), «основные обстоятельства совершения преступления» (А. Ф. Лановой), «обстоятельства, при которых готовилось и было совершено преступление» (Д. В. Березин, А. В. Шаров), «комплекс пространственно-временных, финансовых, административно-управленческих, психологических факторов, доминирующих преступное поведение рассматриваемого вида» (И. И. Звезда), «данные об обстоятельствах, при которых было совершено преступление» (А. Н. Розин), «механизм и обстановка совершения преступления» (Э. Д. Нугаева), «обстановка совершения преступления, его пространственно-временной континуум» (В. В. Коломинов) и др.

Перечень примеров можно продолжить. В частности, «обстоятельства, способствовавшие совершению мошенничества»; названы также «криминалистически значимые сведения о типичных причинах и условиях, способствующих совершению преступления» (С. И. Бедрин), «обстоятельства и условия, способствующие совершению мошенничества» (О. В. Волохова), «обстоятельства способствовавшие совершению мошенничества, а также облегчившие их совершение и сокрытие» (Е. Н. Дерябкина-Чистякова), «причины и условия, способствующие совершению преступления» (В. В. Малыгина) и пр.

Справедливо заметим, что нередко различия касаются не только наименования, но и содержания рассматриваемых элементов. В частности, если речь идет об обстановке преступления, то мнения ученых разнятся. Различия кроются как в формулировке определения данного понятия, так и в количестве факторов, включаемых в его содержание. Например, Г. В. Бембеева рассматривает «обстоятельства совершения мошенничества» как более широкое, по отношению к обстановке понятие, включая в него, помимо непосредственно обстановки, так же время и место совершения преступления [3, с. 17—20]. Аналогичной точки зрения придерживается С. Р. Низаева, выделяя в структуре криминалистической характеристики мошенничества «время, место и обстановку совершения преступления» [12, с. 19]. По мнению другой группы авторов, время и место преступного деяния включаются в содержание обстановки преступления [см., напр.: 8, с. 125; 16, с. 78—83; 17, с. 75 и др.].

Очевидно, что вопрос об определении понятия обстановки преступления, равно как и его содержания, требует более глубокого научного анализа и не является предметом настоящего исследования. Сказанное касается иных элементов криминалистической характеристики преступления, наименование и содержание которых требует самостоятельного исследования.

Особо подчеркнем, что автор настоящей статьи не критикует уважаемых им исследователей, а приводит используемую ими терминологию, лишь констатируя факт отсутствия ее единства, точности и системности.

Вполне возможно, что авторы вводят в научный оборот новые наименования понятий, которые, как им представляется, наиболее полно отражают их содержание.

Различные научные подходы к содержанию тех или иных понятий, прослеживаются и в иных науках, что, однако, не влияет на единый взгляд на понятийно-категориальный аппарат науки.

Сказанное касается в том числе такого требования к понятийно-категориальному аппарату, как системность, проявляющегося во взаимосвязи и непротиворечивости терминов, понятий и категорий, его составляющих.

На примере элементов криминалистической характеристики мошенничества поясним, что нередко исследователи одни и те же обстоятельства

включают либо в качестве отдельного элемента криминалистической характеристики преступления, либо включают в содержание иного элемента. Например, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, включаются в обстановку совершения преступления либо рассматриваются в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики мошенничества. Аналогично можно говорить и о следах преступления и механизме следообразования, которые рассматриваются в структуре способа преступления либо в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики преступления. Так, из 56 диссертационных исследований, посвященных методике расследования мошенничеств, в 30-ти диссертациях (54 %) следы преступления и механизм следообразования были включены в способ преступления. В то же время в 26-ти диссертаций (46 %) они выделены в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений.

Таким образом, очевидно отсутствие единства и точности, как в употреблении различных криминалистических терминов, понятий и категорий, так и в системности криминалистической терминологии, что, полагая, не способствует правильному и единообразному их пониманию, а равно затрудняет развитие криминалистической науки.

Полагаем, прав О. П. Грибунов, отмечая, что криминалистическая наука есть системное явление, и исследование того или иного ее элемента может быть успешным только «при условии задействования ее многочисленных связей с устоявшимися криминалистическими категориями, позволяющими дать „насыщение специфическим содержанием“ методико-криминалистические рекомендации» [7, с. 209].

Разделяем мнение приведенных в настоящей статье и иных ученых, утверждающих, что «язык науки должен быть точным и все используемые в ней термины определены однозначно» [4, с. 140].

Считаем, что в криминалистической науке, как и в иных областях научного знания, необходимо стремиться к воплощению требований фиксированного содержания научных терминов, понятий и категорий, единообразию и однозначности понятийно-категориального аппарата, его точности, четкости, устойчивости, а в целом — системности, т. е. взаимосвязи и непротиворечивости.

В связи со сказанным видятся актуальными и практически значимыми исследования, посвященные как в целом изучению понятийно-категориального аппарата криминалистической науки, так и отдельных ее понятий и категорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белицкий В. Ю. К вопросу об использовании понятия «Способ совершения преступления» в криминалистике (на примере мошенничеств) // Актуальные проблемы совре-

- менности: междунар. науч. журн. — Караганда: РИО «Болашак-Баспа», 2015. — № 4 (10). — С. 13—15.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. — М.: Изд-во БЕК, 1997. — 342 с.
3. Бембеева Г. В. Тактические и психологические особенности расследования мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Волгоград, 2001. — 188 с.
4. Бессонов А. А. Криминалистические стандарты как содержание парадигмы криминалистики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2018. — № 3 (21). — С. 135—140.
5. Берестенев М. А. Криминалистическая характеристика преступления: терминологические подходы, содержания понятия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 3—2. — С. 176—185.
6. Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. — М.: МГУ, 1984. — 143 с.
7. Грибунов О. П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма слеодообразования: философские и теоретические аспекты // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 446. — С. 207—211.
8. Игнатъев М. Е. Категориальные понятия криминалистической теории причинности // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2018. — Т. 9. — № 1. — С. 93—102.
9. Игнатъев М. Е. Язык криминалистики и понятия криминалистической теории причинности // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сб. науч. ст. по мат-лам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посв. 20-летию каф. криминалистики / Отв. ред. Г. М. Меретуков. Изд-во: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина. — 2019. — С. 127—134.
10. Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. — М.: Изд-во НОРМА, 2001. — 990 с.
11. Лановой А. Ф. Первоначальный этап расследования мошенничества, совершаемого на объектах железнодорожного транспорта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — М., 2008. — 234 с.
12. Низаева С. Р. Расследование мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. — Уфа, 2017. — 245 с.
13. Павленок П. Д. О понятийно-категориальном аппарате социологии // Социологические исследования. — 2003. — № 4. — С. 19—24.
14. Саламатов А. А. Проектирование понятийно-категориального аппарата диссертационного исследования // Педагогическое образование и наука. — 2012. — № 12. — С. 100—103.
15. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — 4-е изд. — М.: Сов. энцикл., 1989. — 1632 с.
16. Трубкина О. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования, совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. — Иркутск, 2015. — 226 с.
17. Якимов И. Н. Криминалистика: Уголовная тактика. — М.: Изд-во нар. комиссариата внутр. дел РСФСР, 1929. — 312 с.

УДК: 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10002

Роман Николаевич Боровских,

профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности
Новосибирского государственного университета экономики и управления,
доктор юридических наук;

Надежда Игоревна Верченко,

заведующая кафедры уголовного права и национальной безопасности
Новосибирского государственного университета экономики и управления,
кандидат юридических наук, доцент;

Ульяна Николаевна Бедренко,

аспирант Новосибирского юридического института (филиала)
Томского государственного университета.

ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫЕ ХИЩЕНИЯ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Аннотация. В статье рассмотрена криминалистическая характеристика внутрикорпоративных хищений — присвоений и растрат, — совершаемых в сфере страхования. Рассматриваемые преступления совершаются профессиональными субъектами страхового дела — штатными сотрудниками страховой организации, страховыми агентами и иными лицами, выполняющими посреднические функции, а также сотрудниками из состава руководящего звена страховых организаций. На основе изучения правоприменительной практики в статье рассматриваются типичные способы совершения данных преступлений, особенности личности типичного преступника, иные криминалистически релевантные особенности их совершения, расследования и предупреждения.

Ключевые слова: страхование, присвоение и растрата, мошенничество в сфере страхования, страховые агенты, внутрикорпоративные хищения, организованная преступная деятельность, криминалистический анализ, расследование, предупреждение.

Roman Nikolaevich Borovskikh,

Professor of Criminal Law Rights and National Security
of Novosibirsk state university economies and managements,
Doctor of Law;

Nadezhda Igorevna Verchenko,

Head of the Department of Criminal Law and National Security
of Novosibirsk state university economies and managements,
Candidate of Law, Assistant Professor;

Ulyana Nikolayena Bedrenko,

Graduate student of Novosibirsk university law institute (branch)
Tomsk state university.

INTRA-CORPORATE THEFTS IN INSURANCE: FORENSIC ANALYSIS AND COUNTERACTION

Abstract. The article deals with the criminalistic characteristics of intra-corporate thefts: misappropriation and embezzlement committed in insurance. The offences in question are committed by professional subjects of the insurance business — full-time employees of the insurance organization, insurance brokers and other persons performing mediation function, as well as senior management of insurance organizations. By exploring of law enforcement practice, the article considers typical ways of committing these crimes, the personality characteristics of a typical criminal, and other criminally relevant features of their commission, investigation and prevention.

Keywords: insurance, misappropriation and embezzlement, insurance fraud, insurance brokers, intra-corporate thefts, organized criminal activity, forensic analysis, investigation, prevention.

Страхование в России представляет собой динамично развивающуюся сферу экономической деятельности.

Так, объем страховых премий, собранных российскими страховщиками по итогам 2018 г., составил 1479,5 млрд руб.; темп годового роста — 15,7 %. Указанные показатели, по данным Национального рейтингового агентства, являются лучшими за последние шесть лет. Объем страховых выплат также вырос на 2,5 % и составил по итогам 2018 г. 522,47 млрд руб.¹. Значительные финансовые потоки, «протекающие» в сфере страхования, закономерно представляют интерес со стороны криминально ориентированных субъектов: как самостоятельно действующих «дилетантов», так и высокоорганизованных преступных групп.

Анализ криминалистических исследований показывает, что сложившаяся практика выявления и расследования преступлений в сфере страхования в основном ориентирована на борьбу с разнообразными типами мошенничества, совершаемого различными участниками отношений страхования (как гражданами-потребителями услуг страхования, так и профессиональными субъектами страхового дела). При этом проблематика мошенничества и иных хищений, совершаемых «внутри» страхового бизнеса, значительно менее освещена в научных исследованиях [1, с. 4—5]. Речь идет о преступлениях, совершаемых сотрудниками страховых организаций, страховыми агентами, другими посредниками в сфере страхования, посягающими на имущественные интересы страховых организаций. Назовем их внутрикорпоративными

¹ Национальное рейтинговое агентство // Аналитический обзор. Страховой рынок России в 2018 году [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ra-national.ru/ru/node/63350> (дата обращения: 16.01.2020).

хищениями. Они совершаются в форме присвоений, растрат, а также мошенничества [5].

В данной статье будут рассматриваться криминалистически значимые особенности присвоения и растраты, совершенные в сфере страхования.

При этом возьмем за основу подход Р. Н. Боровских, который широкую группу преступлений в сфере страхования предложил разделить на три основные криминалистических типа: простое преступление (преступление «дилетанта»), групповое преступление (преступление «группы дилетантов»), организованное преступление [2, с. 64; 3, с. 123].

Принимая данный подход за основу, вышеуказанные внутрикорпоративные хищения в сфере страхования разделим на три типа:

- 1) преступление «дилетанта»;
- 2) групповое преступление «дилетантов»;
- 3) организованные преступления.

Тип 1. Присвоение и растрата — преступление «дилетанта».

Пример присвоения и растраты в сфере страхования данного типа состоит в том, что сотрудник страховой организации либо страховой агент (иной посредник), получив деньги в виде страховой премии от страхователя, не вносит денежные средства в кассу или не перечисляет на расчетный счет страховой организации, присваивая их. При этом преступник не сдает договор страхования и квитанцию о получении страховой премии в бухгалтерию — таким образом, у страховой организации отсутствует информация о заключении договора и получении от страхователя денежных средств. В результате факт хищения раскрывается при проведении проверки службой безопасности страховщика либо еще позднее — при обращении страхователем за страховой выплатой. Вследствие последнего факта у преступника остаются значительные возможности для сокрытия следов совершенного преступления, а также для продолжения серии аналогичных преступлений. Укажем, что преступление «дилетанта» совершается в большинстве случаев сотрудниками «низового» или, реже, «среднего» звена штата страховщика — сотрудниками страховой организации, страховыми агентами и иными посредниками, являющимися материально ответственными лицами.

Рассмотрим типичный пример.

Д., работая страховым агентом, реализуя умысел на хищение денежных средств страховой организации, получил страховые премии от страхователей в качестве оплаты по полисам обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) и страховому полису добровольного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ДСАГО) на общую сумму 402 тыс. 984 руб. Указанные денежные средства Д. на расчетный счет страховой организации не внес, а присвоил, причинив ей (организации) ущерб в крупном размере. Приговором Киржачского районного суда Владимирской области Д. признан винов-

ным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ и осужден к наказанию в виде лишения свободы на один год условно¹.

Таким образом, присвоение или растрата, совершаемые «дилетантами», совершаются единолично, характеризуются несложным низкотехнологичным и однотипным способом совершения и сокрытия преступления, отсутствием у преступника необходимости применять высокопрофессиональные знания страхового дела.

Изучение правоприменительной практики показало, что субъектом присвоения и растраты могут быть и сотрудники более высокого звена — руководители агентств, филиалов, отделов страховой компании (их заместители). Например, в 2019 г. директор известной страховой компании привлечена к ответственности за хищение страховых премий по заключенным договорам страхования. В настоящее время приговор суда еще не вступил в законную силу. Преступные деяния квалифицированы судом как присвоение и мошенничество с использованием служебного положения в крупном размере. Ущерб от преступной деятельности бывшего директора составил около 500 тыс. руб.².

Приведем еще один пример из судебной практики.

Приговором Советского районного суда г. Брянска С. осужден по ч. 4 ст. 160 УК РФ за присвоение денежных средств в особо крупном размере при следующих обстоятельствах³.

С. работал заместителем директора филиала страховой организации, выполнял организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, связанные с организацией и контролем партнерских продаж в страховой организации. В должностные обязанности С. входило в том числе распоряжение денежными средствами, полученными филиалом в результате страховой и финансово-хозяйственной деятельности, принятие страховых взносов и перечисление их на расчетный счет страховой компании, получение бланков строгой отчетности, необходимых для заключения договоров страхования, и подписание отчетов об их использовании. Используя свое служебное положение, С. получал страховые взносы от подчиненных страхо-

¹ Приговор Киржачского районного суда Владимирской области по делу № 1-97/2015 от 29.07.2015 // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». [Электронный ресурс]. — URL: <http://bit.do/e8oqf> (дата обращения 16.01.2020).

² Новгородский суд отправил в колонию экс-главу филиала страховой компании [Электронный ресурс]. — URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2703291.html> (дата обращения: 16.01.2020); Экс-директору Боровичского филиала СК «Согласие» дали реальный срок за присвоение полумиллиона рублей [Электронный ресурс]. — URL: <https://news.novgorod.ru/news/eks-direktoru-borovichskogo-filiala-sk-soglasie-dali-realnyy-srok-za-prisvoenie-polumilliona-rublej--171728.html> (дата обращения: 16.01.2020).

³ Приговор Советского районного суда г. Брянска по делу № 1-195/17 от 04.12.2017 года // Государственная автоматизированная системы РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. — URL: www.clck.ru/J3orq (дата обращения: 16.01.2020).

вых агентов, полученных от страхователей при заключении договоров страхования, для последующего внесения на расчетный счет страховой организации и частично присваивал их себе, распорядившись по своему усмотрению. Преступными действиями С. страховой организации был причинен имущественный ущерб в размере 2 млн 873 тыс. 136 руб. С. вину в инкриминируемом деянии не признал. С. признан судом виновным в присвоении имущества, вверенного виновному, совершенном с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере и осужден к наказанию в виде лишения свободы сроком на три года со штрафом в размере 200 тыс. руб. с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Необходимо отметить, что способ совершения преступления руководителями агентств, филиалов является во многом идентичным способу совершения преступления страховыми агентами, а также менеджерами и иными штатными сотрудниками страховой компании. Отличительной особенностью является тот факт, что виновное лицо совершает хищение денег: либо полученных непосредственно от страхователя при заключении договоров страхования, либо от подчиненных сотрудников и посредников, уполномоченных на заключение договора со страхователем.

Преступление «дилетанта» в некоторых случаях бывает ситуативным — совершается лицом, находящимся в «трудном материальном положении», преступник рассчитывает вернуть деньги в кассу страховой организации, когда решит свои материальные проблемы, но не может сделать этого и совершает не один, а несколько эпизодов хищений.

Так, приговором Шпаковского районного суда Ставропольского края менеджер офисных продаж страховой организации привлечена к ответственности за присвоение страховых взносов, полученных от страхователей. Она совершила преступление вследствие сложной жизненной ситуации — требовались денежные средства на операцию ребенка. Похищенные денежные средства собиралась вернуть, но не смогла ввиду тяжелого материального положения¹.

Изучение правоприменительной практики показывает, что во многих случаях рассматриваемые преступления совершаются субъектами не в условиях тяжелого материального положения, а исключительно из корыстного интереса, с целью обогащения, при этом такие преступления характеризуются многоэпизодностью, длительностью преступной деятельности, причинением крупного ущерба страховой компании [4, с. 98; 6, с. 118]. Нередко страховщик не желает предавать огласке проблемы внутрикорпоративных хищений и не инициирует уголовное преследование по выявленным инцидентам. Зачастую все ограничивается увольнением сотрудника и некой «дисквалифи-

¹ Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края по делу № 1-131/2017 от 28.11.2017 // Государственная автоматизированная системы РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. — URL: www.bit.do/e8oLi (дата обращения: 16.01.2020).

кацией» в профессиональном сообществе, когда данный дискредитировавший себя сотрудник оказывается в «черном списке». Данная особенность порождает у преступников чувство безнаказанности и все более способствует совершению рассматриваемых преступлений.

Еще одна особенность заключается в том, что преступник рассчитывает, присвоив сумму страховых взносов, полученных от страхователей, скрыть факт заключения договора и получения денежных средств, не предоставив в страховую организацию отчетность о своей деятельности и соответствующую документацию. Но данный расчет преступника часто является заблуждением — в страховой организации ведется строгая отчетность бланков страховых полисов, и их недостача и недостача денежных средств в кассе страховой организации будет выявлена — либо при обращении страхователя в страховую организацию за страховой выплатой, либо при проведении плановых и внеплановых проверок службы безопасности страховой компании.

Тип 2. Присвоение и растрата — преступление «группы дилетантов».

На практике примеров совершения присвоения и растраты в страховой сфере группового типа выявлено не было. Считаем, что этому могут способствовать следующие обстоятельства:

Первое. К ответственности, как правило, привлекаются непосредственные исполнители преступлений — сотрудники «низового» звена — лица, которым вверены бланки строгой отчетности и которые уполномочены на заключение договоров со страхователями: страховые агенты, менеджеры продаж, консультанты страховой организации. Непосредственно членам преступной цепи, занимающим руководящие должности в страховой компании, удается избежать ответственности ввиду недостаточности доказательств причастности к преступлению, недостаточно организованной работы сотрудников правоохранительных органов и службы безопасности страховой компании.

Второе. Как уже говорилось ранее, есть нежелание страховой компании разглашать информацию о хищении со стороны руководства и наносить урон деловой репутации страховой организации. В результате деяния преступника маскируются под дисциплинарные нарушения, нарушения положений внутрикорпоративных актов страховой организации.

Тип 3. Присвоение и растрата в сфере страхования, совершенные организованной группой.

Указанная категория преступлений характеризуется крайне высокой общественной опасностью [7, с. 281; 8, с. 93; 9, с. 11].

К числу характеризующих данный тип преступлений признаков относятся высокая латентность, высокоорганизованный характер преступной деятельности членов группы с разделением ролей, а также масштабность иму-

ущественного ущерба, причиняемого страхователям, страховой компании и государству в целом.

При изучении правоприменительной практики примеров привлечения к уголовной ответственности лиц за совершение преступления организованной группой выявлено не было. Считаем, что «преступные цепочки» корнями уходят в деятельность преступных формирований, возглавляемых высокопоставленными сотрудниками страховых организаций под прикрытием коррумпированных сотрудников правоохранительных органов. Примером может служить следующий резонансный случай.

В 2019 г. в отношении владельца нескольких страховых компаний гражданина К. было возбуждено уголовное дело о хищении в особо крупном размере, преступные действия квалифицированы по ст. 160 ч. 4 УК РФ. К. инкриминировалось хищение денежных средств одной из принадлежащих ему страховых компаний «В.» в размере 63 млн руб. Преступная схема заключалась в следующем. Центральным банком была отозвана лицензия страховой организации. Согласно информации, размещенной на официальном сайте МВД РФ¹, злоумышленники были осведомлены о предстоящем отзыве лицензии у страховой компании и последующем включении ее ликвидных активов в конкурсную массу для выплаты кредиторам. В 2016 г. преступниками были подготовлены фиктивные документы о выходе из состава страховой компании одного из учредителей (коммерческой организации, подконтрольной злоумышленникам) с условием выплаты действительной стоимости доли в уставном капитале. Таким образом, на счета аффилированной подозреваемым фирмы были незаконно перечислены денежные средства компании в сумме более 67 млн руб. Преступная деятельность осуществлялась не единолично К., а организованной группой лиц. Одним из эпизодов преступной деятельности К. является перечисление собранных страховых премий под видом перестрахования в Португалию на счета иностранной организации². По данным Центробанка, ущерб от деятельности каждой из подконтрольных гражданину К. страховых компаний (в настоящее время находящихся в процедуре банкротства) составил от 1 до 4,2 млрд руб.³. В настоящее время завершается расследование данного уголовного дела⁴.

¹ Официальный сайт МВД Российской Федерации. Новости [Электронный ресурс]. — URL: [МВД.РФ /news/item/18087572](https://mvd.fed.ru/news/item/18087572) (дата обращения: 16.01.2020).

² Экс-владельца одного из крупнейших страховщиков ОСАГО обвинили в хищениях [Электронный ресурс]. — URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/215344644> (дата обращения: 16.01.2020).

³ МВД возбудило дело против экс-владельца одного из лидеров рынка ОСАГО // Ежедневная деловая газета РБК. 27.08.2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rbc.ru/society/27/08/2019/5d653a399a794757b9ebac86?from=from_main (дата обращения: 16.01.2020).

⁴ К страховщику зашли из Крыма // Коммерсант [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4073761> (дата обращения: 16.01.2020).

Необходимо отметить, что прецеденты привлечения к уголовной ответственности высокопоставленных сотрудников страховой организации за совершение внутрикорпоративных хищений крайне редки. Для успешного расследования данных преступлений и пресечения деятельности организованных преступных формирований необходимо обеспечить должное взаимодействие следственных и оперативно-розыскных мероприятий, повышение квалификационного уровня и профессиональных знаний сотрудников правоохранительных органов, использование в расследовании сообщений о преступлениях из различных источников — со стороны добросовестных страховщиков, страхователей, налоговых органов, средств массовой информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алгазин А. И. Методика расследования преступлений, совершаемых с целью получения страховой выплаты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2000 — 23 с.
2. Боровских Р. Н. Криминалистическая характеристика и принципы методики расследования преступлений в сфере страхования: моногр. / Под науч. ред. Ю. П. Гармаева. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 166 с.
3. Базовая криминалистическая методика расследования преступлений в сфере страхования: моногр. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. П. Гармаева. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 325 с.
4. Боровских Р. Н., Бедренко У. Н. Особенности криминалистической характеристики присвоения и растраты, совершенных в сфере страхования // Закон и право. — 2017. — № 5. — С. 98—107.
5. Варданян А. В., Грибунов О. П., Трубкина О. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования: моногр. — Иркутск: ВСИ МВД России, 2016. — 152 с.
6. Верченко Н. И., Брашнина О. А. Признаки специальных видов хищений // Современное право. — 2015. — № 11. — С. 118—122.
7. Зыков Б. А. Криминализация отношений на рынке страхования как угроза экономической безопасности // Бизнес в законе. — 2012. — № 3. — С. 281—284.
8. Махова И. В. Методика расследования мошенничества в сфере страхования // Расследование отдельных видов мошенничества: учеб. пособ. / Под ред. проф. А. Г. Филиппова, доц. Л. Е. Чисовой. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 280 с.
9. Уразбахтин М. М. Криминалистическая методика расследования мошенничества в области автострахования: дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д., 2013. — 198 с.

УДК 343.98

343.211

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10003

Сергей Валерьевич Габеев,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России.

О ВЗАИМОСВЯЗИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь уголовного права и криминалистики, особая роль уголовного права для криминалистической науки. Отмечаются межпредметные зависимости уголовного права и криминалистики. Акцентируется значение состава преступления для уголовного права и криминалистики. Указаны проблемы развития юридической науки.

Ключевые слова: реформа науки, юридическая наука, уголовное право, криминалистика, состав преступления.

Sergey Valeryevich Gabeev,

Senior lecturer at the of the Department of Criminal Law and Criminology
East-Siberian Institute of the MIA of Russia

ABOUT THE RELATIONSHIP BETWEEN CRIMINAL LAW AND FORENSICS

Abstract. The article analyzes the relationship between criminal law and forensics, the special role of criminal law for forensic science. There are cross-curricular dependency of criminal law and forensics. The importance of content of crimes for criminal law and forensics is emphasized. The problems of the development of legal science are identified.

Keywords: science reform, legal science, criminal law, forensics, content of crimes.

Уголовное право является базовой наукой для наук криминального цикла. Если теория права и государства является фундаментальной наукой (основой) для всех юридических отраслевых наук, то уголовное право является тем же самым для криминологии, уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и др. Уголовное право, будучи классической отраслью права, постепенно с развитием юридической науки дало жизнь другим наукам, направленным на противодействие преступности. С уголовным правом органически связаны уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, криминология, криминалистика и целый ряд других наук и специальных юридических дисциплин.

Особое место в системе наук криминального цикла занимают взаимоотношения уголовного права и криминалистики. Большинство криминалис-

тов очень трепетно относится к науке уголовного права, указывая на ее приоритет, «материнскую сущность» по отношению к криминалистической науке.

Ганс Гросс в своем труде «Руководство для судебных следователей как система криминалистики», изданном в России в далеком 1908 г., признавал вспомогательный характер криминалистики. Он писал: «Криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) заключает в себе правила применения материального уголовного права. ...Уголовное право не является наукой для себя, и самые ценные из положений, им установленных ...имеют в конце концов только одну цель — получить практическое применение. Но все эти положения лишены всякого значения, если судья не сумеет применить эти отвлеченности к реальностям текущей жизни: если он не понимает или неправильно оценивает показания свидетелей, значение их наблюдений, если его вводят в заблуждение приемы злоумышленников, если он не сумеет использовать следы преступления, и если он вообще незнаком с бесчисленными положениями, совокупность которых составляет криминалистику» [3, с. 7—8].

Однако во многих случаях данной констатацией дело и ограничивается. В специальной и учебной литературе в большей мере проводят сравнение криминалистики с уголовно-процессуальным правом, забывая, что последнее находится в такой же зависимости от уголовного права, как и криминалистика.

Е. В. Смахтин отмечает, что «уголовное, уголовно-процессуальное право и криминалистика образуют единый уголовно-правовой комплекс, соотносятся как полноценные части единого целого — уголовно-правовые науки» [8, с. 65]. С данным утверждением сложно не согласиться. Действительно, уголовное право, уголовно-процессуальное право и криминалистика как самостоятельные науки существуют относительно независимо, но реализуются в прикладной плоскости только во взаимодействии друг с другом. Стоит также добавить, что и уголовно-процессуальное право, и криминалистика следуют в своем научном развитии в русле уголовного права, ибо только уголовное право определяет признаки конкретных видов преступлений. Кроме того, по нашему мнению, ограничивать круг уголовно-правовых наук (или наук криминального цикла) только тремя составляющими — уголовным правом, уголовным процессом и криминалистикой — не совсем правильно. К наукам криминального цикла следует также отнести криминологию, судебную медицину, судебную психиатрию, юридическую психологию, уголовно-исполнительное право, оперативно-розыскную деятельность и некоторые другие.

Любые взаимосвязанные явления, в какой бы зависимости они не находились, со временем начинают оказывать влияние друг на друга. Кримина-

листоческая деятельность по доказыванию преступления основывается на признаках состава преступления. Признаки состава преступления, сформулированные в УК РФ, должны быть доказаны, чтобы лицо, совершившее преступное деяние, было привлечено к ответственности строго по закону. Отсюда следует вывод, что криминалистическая деятельность осуществляется в рамках, определяемых уголовным законом.

Однако с накоплением знаний в рамках криминалистической науки происходит и обратный процесс влияния криминалистики на уголовное право. Законодатель, зачастую в соответствии с криминалистическими знаниями о возможностях и эффективности доказывания того или иного состава преступления, при формулировании признаков состава преступления учитывает указанный прикладной (криминалистический) аспект.

Состав преступления — это совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих деяние как преступное. Только наличие в деянии всех признаков состава преступления дает основания для привлечения. В уголовном праве учение о составе преступления занимает центральное место. Используя положения учения о составе преступления, законодатель формулирует уголовно-правовые нормы, содержащиеся в Особенной части УК РФ.

Криминалистическая наука в своей совокупности направлена на установление признаков состава преступления в деянии лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, либо на установление фактов, свидетельствующих о непричастности лица к инкриминируемому ему деянию. Для этого используется весь арсенал средств, разрабатываемых криминалистикой: методических, организационных, тактических и технических.

Состав преступления, как инструмент уголовного закона, в криминалистической науке является предметом приложения всех усилий, направленных на доказывание признаков конкретного состава преступления. С помощью криминалистики выявляются, документируются, закрепляются в материалах дела доказательства наличия того или иного признака состава преступления в деянии виновного.

Сегодня криминалистика предлагает весь свой научный комплекс средств по доказыванию того или иного признака состава преступления. С помощью криминалистических методов происходит доказывание практически каждого элемента и признака: объекта посягательства, предмета преступления, потерпевшего от преступления, общественно опасного деяния, общественно опасного последствия, причинно-следственной связи, времени, места, обстановки, орудий и средств, способа совершения преступления, формы и вида вины, мотива и цели совершения преступления, эмоционального состояния, вменяемости, возраста субъекта преступления, признаков специального субъекта.

Лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, досудебное производство по делу, решая вопрос о выборе методики расследования, тактического приема проведения оперативно-розыскного мероприятия или следственного действия, использования конкретной криминалистической техники, планируя расследование уголовного дела, должны иметь точное и полное представление об учении о составе преступления и о признаках конкретного состава преступления, в выявлении и доказывании которого это лицо принимает участие в рамках оперативно-розыскной деятельности или досудебного производства. В противном случае можно быть блестящим организатором, знать все особенности методики расследования преступлений, владеть тактическими приемами и криминалистической техникой, однако без понимания сути состава преступления эти знания и умения останутся бесполезными. При этом необходимы не поверхностные уголовно-правовые знания, а достаточно глубокие, позволяющие ориентироваться во всем многообразии составов преступления и институтах уголовного права. Только на стадии планирования расследования преступления от лица, осуществляющего досудебное производство по делу, требуются весомые знания УК РФ и признаков смежных составов преступления.

При доказывании общественно опасных последствий, установлении причинно-следственной связи между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием прослеживается обратная ситуация. Без криминалистической науки установление этих признаков состава преступления и правильная квалификация содеянного просто невозможны. Примером такой тотальной зависимости квалификации преступления от заключения криминалистических экспертиз являются дела о дорожно-транспортных и иных технических преступлениях [7, с. 67—72; 2, с. 20—22], преступлениях, совершаемых при оказании медицинской помощи [6, с. 87—99; 4, с. 151—155; 1, с. 142—150]. В криминалистической литературе причинно-следственная связь является предметом самостоятельного изучения и методологического исследования [5, с. 126—129].

За последние двести лет развития юридической науки наблюдается стойкая тенденция ее дифференциации и специализации, которая, с одной стороны, позволяет получать новые научные результаты, а с другой — ограничивает область научного познания в рамках одного научного направления. Из уголовного права выделились уголовный процесс, уголовно-исполнительное право, криминология; уголовное право и уголовный процесс породили криминалистику. Каждая наука криминального цикла имеет самостоятельный предмет, методы, задачи. И, если сравнивать уголовное право и криминалистику, мы понимаем, что первая из них является наукой материальной, фундаментальной, теоретической, вторая носит исключительно прикладной характер, помогает реализоваться на практике уголовному праву. И вряд ли кто из правоведов допускает объединение уголовного права и криминалисти-

ки в одну юридическую науку. Это воспринимается сегодня как возвращение в эпоху зарождения юриспруденции.

В то же время, примерно с 2007 г. в России обсуждается идея укрупнения научных специальностей, но не в связи с острой необходимостью, конфликтами научных направлений, пробельностью или дублированием исследований, а в контексте унификации российской классификации научных направлений с классификатором Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которую наша страна пытается безуспешно вступить на протяжении последних тринадцати лет. В конце 2019 г. в Министерстве науки и высшего образования России пытались форсировать решение данной проблемы — был разработан проект новой номенклатуры научных специальностей, но при этом широкого и открытого обсуждения этот проект не получил. Полагаем, что к реформированию научных специальностей, в каком бы они направлении ни развивались, нужно подходить крайне осторожно, обдуманно, а самое главное — научно обоснованно. Слепое копирование иностранных классификаторов научных специальностей, отказ от устоявшихся отечественных классификаций в науке, скорее всего, породит больше проблем в ней, чем решит их. Так, в расширенном (трехуровневом) классификаторе ОЭСР право отнесено к социальным наукам. В структуре права выделяются всего две научные специальности: криминология и пенитенциарная система; юриспруденция. Если классификатор ОЭСР в части юридических наук будет реализован, то фактически пятнадцать ныне существующих научных специальностей по юридическим наукам будут укрупнены и объединены всего в две научные специальности. Во-первых, это науки криминального цикла (криминология и пенитенциарная система), во-вторых, все остальные юридические науки (юриспруденция). Возникают обоснованные опасения об эффективности и полезности такого укрупнения. Как повлияет в долгосрочной перспективе на развитие юридической науки в целом и на развитие уголовного права и криминалистики в частности объединение разнопредметных научных специальностей? Например, в рамках научной специальности «криминология и пенитенциарная система» возможно объединение современных российских научных специальностей 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), 12.00.09 (уголовный процесс), 12.00.11 (судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность) и 12.00.12 (криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность).

Конечно, объединение научных специальностей не приведет к объединению юридических наук в какую-то одну или несколько юридических мега-наук, по крайней мере в ближайшее время, но добавит проблем в определении объекта и предмета науки в рамках того или иного исследования, а в дальнейшем внесет сумятицу в уже устоявшиеся положения той или иной

юридической науки. Фактически создается реальная опасность для развития науки со стороны реформаторов российской науки.

Таким образом, уголовное право определяет направления развития криминалистической науки. Криминалистика развивается в рамках, определяемых уголовным законодательством. Собственно, и криминалистика как самостоятельная наука выделилась из уголовного права. При этом как родственные науки, уголовное право и криминалистика оказывают влияние друг на друга, что свидетельствует об общей для наук криминального цикла цели противодействия преступности. Для криминалиста знания уголовного законодательства являются важнейшими, т. к. в рамках УК РФ определяется предмет доказывания, на базе которого строится вся криминалистическая деятельность по организации расследования, применению методики и тактики расследования, криминалистической техники.

Состав преступления, как юридическая категория, является показателем того, как теоретические положения закона и науки (уголовного права) оживают благодаря прикладным аспектам, разрабатываемым криминалистической наукой. Только в комплексе все юридические науки криминального цикла показывают свою эффективность, социально-правовое значение, и достигают единой для них цели — противодействия преступности. Состав преступления из юридической фикции в рамках уголовного права в криминалистической науке становится реальным предметом исследования, центром приложения усилий науки по доказыванию преступности деяния.

Развитие науки уголовного права и криминалистической науки должно идти естественным, эволюционным путем. Непродуманное вмешательство в этот естественный процесс, скоропалительное реформирование организации научных исследований может отрицательно повлиять на развитие юридической науки в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Васильченко А. В., Нугаева Э. Д. Специфика использования специальных знаний в области медицины при расследовании случаев ненадлежащего исполнения медицинскими работниками профессиональных обязанностей // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 4. — С. 142—150.
2. Гарбатович Д. А. Выезд на встречную полосу как причина общественно опасных последствий, предусмотренных статьей 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) // Российский следователь. — 2016. — № 20. — С. 20—22.
3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. — М.: ЛексЭст, 2002. — 1088 с.
4. Кузнецов С. В. К вопросу о разделении компетенции в установлении причинно-следственных связей при расследовании «врачебных» уголовных дел // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2016. — № 1. — С. 151—155.

5. Песенкова Д. П. Методологическое значение знания о причинно-следственной связи в криминалистической методике расследования преступлений // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 341. — С. 126—129.

6. Пристансков В. Д. Методологические проблемы установления причинно-следственной связи при расследовании неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14: Право. — 2015. — № 3. — С. 87—99.

7. Русман Г. С., Скрябин А. Н. Особенности установления и доказывания причинно-следственной связи в ходе расследования автотранспортных преступлений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2012. — № 43. — С. 67—72.

8. Смахтин Е. В. Соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2009. — № 3 (9). — С. 63—67.

УДК: 343.9

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10004

Олег Павлович Грибунов,

заместитель начальника

Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе),

доктор юридических наук, профессор

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Е. Р. РОССИНСКОЙ

Аннотация: 20 июня 2019 г. отметила свой юбилей блестящий ученый, педагог и прекрасный человек Елена Рафаиловна Россинская. В честь этого юбилея 27 ноября 2019 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) состоялась Международная научно-практическая конференция «Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е. Р. Россинской «К юбилею ученого, эксперта, педагога», где огромная плеяда ученых-криминалистов, да и не только, приняли очное участие в мероприятии и формировании сборника.

В статье представлен краткий обзор научных достижений уважаемого Ученого, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, академика Российской академии естественных наук, члена Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, президента Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», действительного члена Международной ассоциации по идентификации личности, президента НП «Палаты судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова», члена Российского федерального центра судебных экспертиз при Минюсте России, члена Ассоциации юристов России, члена Международной полицейской ассоциации Елены Рафаиловны Россинской.

Ключевые слова: Е. Р. Россинская, судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, криминалистика, ученый, педагог, научная школа.

Oleg Pavlovich Gribunov,

Deputy Chief of East-Siberian Institute of the MIA of Russia for Science,

Doctor of Law, Professor

SCIENTIFIC HERITAGE OF PROFESSOR E.R. ROSSINSKAYA

Annotation: On 20 June 2019, a brilliant scientist, teacher and wonderful person Elena Rafailovna Rossinskaya celebrated her anniversary. In this regard, on November 27, 2019, there was an International Scientific and Practical Conference “The Development of Forensics and Forensic examination in the Writings of Professor E. R. Rossinskaya at the O. Kutafin Moscow State Law University, to the anniversary of the scientist, expert, teacher”. A galaxy of criminalists and

other prominent scientists and guests took full part in this event and in the developing of the Collection.

The article provides a brief overview of the scientific achievements of a respected Scientist, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Scientific Advisory Board at the Supreme Court of the Russian Federation, President of the Association of Educational Institutions "Forensic Expertise", full member of the International Association for Identification, President of the "Chamber of forensic experts named after Yu. G. Korukhov, a member of the Russian Federal Center for Forensic Expertise at the Ministry of Justice of Russia, a member of the Russian Bar Association, a member of the International Police Association of Elena Rafailovna Rossinskaya.

Keywords: E. R. Rossinskaya, forensic examination, forensic expert activity, forensics, scientist, teacher, scientific school.

Роль и значение научных достижений заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, академика Российской академии естественных наук, члена Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, президента Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», действительного члена Международной ассоциации по идентификации личности, президента НП «Палаты судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова», члена Российского федерального центра судебных экспертиз при Минюсте России, члена Ассоциации юристов России, члена Международной полицейской ассоциации, члена ряда диссертационных советов, полковника милиции в отставке Елены Рафаиловны Россинской в становлении и развитии криминалистической науки не вызывает сомнений, т. к. их концептуальность очевидна и обоснована в многочисленных трудах как отечественных, так и зарубежных криминалистов. Вне всяких сомнений, вышеперечисленные регалии вызывают огромные положительные эмоции и впечатления, можно только восхищаться ее талантом, высокими показателями в служебной деятельности, заданной научной планкой и преданным служением науки.

Каждый, кто в научной сфере, практической деятельности имеет отношение к наукам уголовно-правового цикла, не мог не пользоваться трудами Е. Р. Россинской, которая известна юридической общественности, как одна из ведущих российских ученых в области криминалистики и судебной экспертизы [1]. Елена Рафаиловна является не только Ученым с большой буквы, но еще и Учителем. Под плеядой ее научной школы было выпущено

27 кандидатов и 13 докторов юридических наук. Все ученики Елены Рафаиловны гордятся тем, что являются частью ее большой и сплоченной «научной семьи». Они по-настоящему признательны и благодарны своему Учителю за те бесценные советы и мудрые наставления, которые послужили их глубокому научному мировосприятию и мировоззрению. Все талантливые ученики осуществляют не просто хранение идей Учителя, а их дальнейшее развитие, в чем огромную роль играют организационно-управленческие функции их авторитетного интеллектуального лидера.

Научные достижения и трепетное отношение к науке Е. Р. Россинской, вне всяких сомнений, заслуживает внимания, что собственно и предлагается в рамках данной статьи.

Вполне очевидно, что именно базовое высшее образование, полученное в Московском институте тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова (с 2015 г. Институт тонких химических технологий имени М. В. Ломоносова в структуре федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «МИРЭА — Российский технологический университет») повлияло на круг интересов в области юриспруденции. Заметим, что вышеуказанное учебное заведение будущий профессор окончила с отличием, а дипломную работу писала под руководством видного ученого А. И. Китайгородского.

Следует отметить ее неоценимый вклад в развитие пожарно-технической экспертизы и экспертизы веществ, материалов и изделий. Именно 80—90-е годы прошлого столетия ознаменовались становлением данных экспертных исследований. Проведенный рентгеноструктурный анализ при исследовании объектов криминалистических экспертиз повлиял на развитие криминалистики и судебной экспертизы. В частности, ею разработан ряд методик рентгеновского исследования металлов и сплавов, тонких оксидных пленок, что в конечном итоге получило научное закрепление (под руководством профессора В. А. Снеткова) в кандидатской диссертации на тему «Комплексные криминалистические экспертизы с применением рентгеновских методов исследования материалов, веществ и изделий» (1988). Уже тогда были предопределены «смелые» (на тот момент комплексная экспертиза не была закреплена в уголовно-процессуальном законодательстве) и принципиально новые научные методы судебно-экспертного исследования. Важно отметить, что в данной работе Елена Рафаиловна утверждала о необходимости производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела. Было понятно, что такое «громкое» вхождение Е. Р. Россинской в научное сообщество указывает на ее безмерный научный потенциал и надежную перспективу в науке в целом. Следует признать, что принципиальная позиция Е. Р. Россинской по данному вопросу сказалась на соответствующих изменениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2013 г.

На качество и уровень научных работ Е. Р. Россинской оказал влияние большой практический опыт работы в органах внутренних дел, где она молниеносно поднималась по карьерной лестнице, занимая различные должности в экспертно-криминалистических подразделениях, что позволило ей стать выдающимся специалистом в данной области.

На становление известного ученого и педагога, ее научные интересы оказали влияние труды таких видных советских ученых, как А. И. Винберг, Н. Т. Малаховская, В. С. Митричев, Ю. Г. Корухов, М. Я. Сегай, З. И. Кирсанов и др. И, конечно же, вне всяких сомнений особое влияние оказало научное мировоззрение ее отца — заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Рафаила Самуиловича Белкина. Нельзя не отметить, что и Елена Рафаиловна и один из ее сыновей Сергей Борисович Россинский продолжили славную традицию — службу в органах внутренних дел.

В марте 1993 г. проходит блестящая защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Концептуальные основы теории неразрушающих методов исследования вещественных доказательств». В диссертационном исследовании были охвачены многие проблемы методологии судебной экспертизы текущего периода, одним из значимых моментов можно указать разработку градации методов экспертного исследования в зависимости от степени сохранности объекта. В дальнейшем естественно-технические (естественно-научные) вопросы применения в практической деятельности основ теории неразрушающих методов исследования были расширены, а ответы на данные вопросы нашли свое отражение в учебнике для российских юридических вузов [2].

Е. Р. Россинская является автором более 400 научных работ, некоторые из которых были опубликованы за рубежом (в Болгарии, Белоруссии, Нидерландах, Македонии, Великобритании, Польше, США, Казахстане, Литве на Украине, и др.), что говорит об одном — это профессионал высочайшего уровня.

Ее заслуга в исследовании общей теории криминалистики, прежде всего, предмета и методологии науки криминалистики очевидна [3; 4].

Вне всяких сомнений, что собственно и подтверждает Елена Рафаиловна, основное направление ее научных исследований, спектр научных интересов — вопросы назначения и производства судебных экспертиз, а именно инженерно-технические экспертизы [5; 6; 7; 8]. Вместе с тем, как педагог, Елена Рафаиловна посвятила большое количество трудов вопросам подготовки кадров [9; 10; 11; 12; 13], а в частности, необходимости преподавания курса криминалистики по направлениям подготовки гражданско-правовой, государственно-правовой и др. и, конечно же, отдельное внимание уделено специальности «Судебная экспертиза» [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]. Вопросы теоретических и дидактических проблем судебно-экспертной дея-

тельности всегда затрагивали (и до сих пор находятся в научном осмыслении) профессора Е. Р. Россинскую. Она является важнейшим и неизменным членом рабочих групп по подготовке Государственных образовательных стандартов 1 и 2 поколения и федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения 3 и 3+. Ее рекомендации оказывают неоценимую пользу именно в методологическом аспекте. «Необходимость унификации законодательства о судебной экспертизе, единого подхода к проблемам судебной экспертизы в разных видах процесса диктуется теми обстоятельствами, что решаемые экспертные задачи, объекты экспертизы, методы и методики экспертного исследования не зависят от процессуальной процедуры, а определяются родом и видом судебных экспертиз и изучаются общей теорией судебной экспертизы. В этой связи должны быть едиными и критерии оценки выводов эксперта следователем, судами общей юрисдикции, арбитражными судами, должностными лицами, рассматривающими дела об административных правонарушениях. Ведь во многих случаях результаты экспертизы, выполненной в процессе уголовного судопроизводства или производства по делу об административном правонарушении, используются при рассмотрении затем гражданского дела, и наоборот. Поэтому актуально обсуждение некоторых дискуссионных проблем, связанных с дальнейшей унификацией законодательства о судебной экспертизе» [21, с. 3].

Вершиной учения Елены Рафаиловны следует признать подготовку учебника «Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе» [22], универсальность и востребованность, которого сложно переоценить, подтверждение тому — неоднократное переиздание учебника, что свидетельствует об одном — он стал классикой. При написании этого труда стояла задача рассмотреть теоретические, организационные, методические и процессуальные основы назначения и производства судебно-экспертных исследований в области гражданского, арбитражного, административного и уголовно-процессуального законодательства (на тот момент литературный фонд был ориентирован только на экспертные исследования по уголовным делам). Сегодня с уверенностью можно сказать, что данная работа с поставленными задачами справилась на «отлично», т. к. результат ее послужил (и служит) полезным подспорьем в повседневной деятельности широкого круга лиц (судей, адвокатов, практикующих юристов, сотрудников органов внутренних дел, научных работников и др.) и получил общественное признание в научных кругах.

Необходимо отметить, что Е. Р. Россинская уделяет внимание и вопросам негосударственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [23; 24; 25; 26; 27]. «Динамика развития судебно-экспертной деятельности, в том числе негосударственной, позволяет сделать вывод о том,

что в ближайшее десятилетие потребность судебной системы Российской Федерации в негосударственной судебно-экспертной деятельности будет возрастать. При этом основное внимание будет уделяться унификации, сертификации и стандартизации методик судебно-экспертного исследования и повышению качества проводимых экспертиз» [23, с. 49].

Заслуживают внимания разработанные Ученым новые направления криминалистических исследований, как реакция на новые вызовы преступности [28; 29; 30; 31]. Следует заметить, что речь идет не только о компьютерной экспертизе, разрабатывается целая теория, предлагаются практико-ориентированные решения. Позволим напомнить позицию профессора: «теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности носит более широкий фундаментальный характер, поскольку затрагивает общетеоретические проблемы и позволяет на основании их решения совершенствовать криминалистическую технику, тактику и методику, обеспечить неразрывную связь и взаимодействие с судебной экспертологией и уголовно-процессуальным правом, другими процессуальными науками» [31, с. 197].

Не менее ценны научные труды Е. Р. Россинской относительно в толкования правовых норм, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Ее комментарии ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», вне всяких сомнений, заслуживают внимания, в том числе на законодательном уровне [32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39].

Хотелось бы сказать, что Елена Рафаиловна акцентирует внимание на вопросах междисциплинарных задач взаимосвязи и разграничения цифровизации (что столь актуально в свете кардинальных научно-технических преобразований современной эпохи) в криминалистической и судебно-экспертной деятельности. Справедливо отмечено, что цифровизация (информационно-компьютерное обеспечение) криминалистической или судебно-экспертной деятельности не включает формирования информационно-цифровых сред обеспечения досудебного производства или судебно-экспертного производства. Как верно указывает профессор, к созданию такой среды, несомненно, необходимо стремиться, т. к. ее использование будет гарантировать осуществление анализа уголовных дел на совершенно ином уровне, обобщение следственной и судебной практики, формирование и разработку информационно-поисковых моделей по видам и родам преступлений, создание и развитие гибридных интеллектуальных методик расследования и раскрытия уголовных дел [40].

О разносторонности научных взглядов Е. Р. Россинской свидетельствуют сформулированные нравственные и этические аспекты судопроизводства [41; 42].

Судебная экспертиза прошла поистине динамичные стадии формирования, развития и совершенствования теоретических, методологических и прикладных основ, а также правового регулирования ее организации и производства, и стала самостоятельным прогрессирующим направлением в общей системе научного знания, в чем состоит огромная заслуга многих советских и российских ученых-криминалистов. Но главенствующую и лидирующую роль в этом направлении по праву занимает уважаемая Е. Р. Россинская. Развитие концепции общей теории судебной экспертизы как междисциплинарной теории — по справедливому замечанию Елены Рафаиловны — поднимает ее до уровня полноценной науки — «Судебной экспертологии», для которой тесны уже рамки праксеологии [43, с. 14; 44, с. 87].

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что вышеперечисленные труды — это лишь вершина айсберга научного наследия Елены Рафаиловны Россинской, имеющего концептуальное значение для развития криминалистики и становлении судебной экспертологии, которая уже получила международное признание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грибунов О. П. Концептуальные идеи профессора Е. Р. Россинской в криминалистике и судебной экспертизе // Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е. Р. Россинской. К юбилею ученого, эксперта, педагога: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — М.: Проспект, 2019. — С. 145—149.
2. Основы естественно-научных знаний для юристов: учебник для вузов по курсу «Концепции современного естествознания» / Под ред. Е. Р. Россинской. — М.: Норма; ИНФРА-М, 1999. — 589 с.
3. Россинская Е. Р. Ревизия определения предмета криминалистики: за и против // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2012. — № 4 (5). — С. 328—335.
4. Россинская Е. Р. Некоторые дискуссионные аспекты определения предмета криминалистики // В сб.: Проблемы криминалистической теории и практики к 10-летию Московского университета Министерства внутренних дел России. — М., 2012. — С. 71—80.
5. Россинская Е. Р. Судебная компьютерно-техническая экспертиза: проблемы становления и подготовки кадров экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. — 2008. — № 3 (11). — С. 60—66.
6. Поляков Ю. А., Россинская Е. Р., Сафронов В. И. Разработка поглощающих покрытий пожарных термосенсоров и анализ их спектральных свойств // Технологии техносферной безопасности. — 2013. — № 3 (49). — С. 2.
7. Россинская Е. Р. Судебные автотехнические экспертизы- актуальное направление высшего экспертного образования // Теория и практика судебной экспертизы. — 2008. — № 1 (9). — С. 50—55.
8. Россинская Е. Р., Усов А. И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза / Е. Р. Россинская, А. И. Усов. — М.: Право и закон, 2001. — 416 с.
9. Россинская Е. Р. Криминалистика — дисциплина базовой части высшего юридического образования в ГОС ВПО третьего поколения // Юридическое образование и наука. — 2008. — № 4. — С. 28—31.

10. Россинская Е. Р. Общие проблемы использования специальных знаний в гражданском, арбитражном и уголовном процессе // *Lex Russica*. — 2006. — Т. 65. — № 5. — С. 964—970.
11. Россинская Е. Р. О необходимости курса криминалистики для системы высшего юридического образования, гражданского и арбитражного процесса // *Цивилист*. — 2008. — № 3. — С. 9—13.
12. Россинская Е. Р. К вопросу о содержании некоторых дисциплин государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности 030502 Судебная экспертиза // *Судебная экспертиза*. — 2006. — № 1 (5). — С. 25—29.
13. Россинская Е. Р. О необходимости изучения криминалистики студентами гражданско-правовой и государственно-правовой специализаций // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2008. — № 7. — С. 101—104.
14. Россинская Е. Р. Проблемы развития института судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции РФ // *Юстиция*. — 2005. — № 1. — С. 43—55.
15. Россинская Е. Р. Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // *Право и государство*. — 2014. — № 2 (63). — С. 96—100.
16. Россинская Е. Р. Судебная компьютерно-техническая экспертиза: проблемы становления и подготовки кадров экспертов // *Теория и практика судебной экспертизы*. — 2008. — № 3 (11). — С. 60—66.
17. Россинская Е. Р. Судебные автотехнические экспертизы — актуальное направление высшего экспертного образования // *Теория и практика судебной экспертизы*. — 2008. — № 1 (9). — С. 50—55.
18. Россинская Е. Р. История и современное состояние подготовки судебных экспертов в Российской Федерации // *Судебная экспертиза Беларуси*. — 2019. — № 1 (8). — С. 5—8.
19. Россинская Е. Р. Развитие новых судебных экспертиз и подготовка специалистов // *Закон*. — 2005. — № 6. — С. 100—105.
20. Россинская Е. Р. Судебная экспертология как методологическая основа новых родов и видов судебных экспертиз // *Союз криминалистов и криминологов*. — 2018. — № 1. — С. 140—147.
21. Россинская Е. Р. Проблемы законодательной регламентации судебной экспертизы и некоторые пути их разрешения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2011. — № 12. — С. 3—12.
22. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005. — 656 с.
23. Россинская Е. Р., Корухов Ю. Г., Киселев С. Е., Гречуха Н. М. Проблемы негосударственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2011. — № 12. — С. 38—49.
24. Москвина Т. П., Россинская Е. Р. Сертификация методического обеспечения судебной экспертизы — реальный путь совершенствования негосударственной судебно-экспертной деятельности // *Юстиция*. — 2006. — № 3. — С. 119—126.

25. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Негосударственные экспертные учреждения, их правовой статус и организационные формы // Законность. — 2009. — № 2. — С. 28—32.

26. Россинская Е. Р. Из практики негосударственных судебно-экспертных учреждений // Судебная экспертиза. — 2009. — № 4 (20). — С. 72—80.

27. Россинская Е. Р. К вопросу о новых родах и видах экспертиз и экспертиз вне номенклатуры государственных судебно-экспертных учреждений // Вестник криминалистики. — 2018. — № 1 (65). — С. 5—10.

28. Россинская Е. Р., Джансараева Р. Е. Основные направления развития и совершенствования криминалистического обеспечения противодействия преступности в современных условиях // Предупреждение преступности. — 2012. — № 1. — С. 70—75.

29. Россинская Е. Р., Шамаев Г. П. Новый раздел криминалистики: криминалистическое исследование компьютерных средств и систем // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — Т. 6. — № 1. — С. 19.

30. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — 2019. — С. 6—9.

31. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2019. — № 2 (89). — С. 193—202.

32. Россинская Е. Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Юрайт: Право и закон, 2002. — 383 с.

33. Россинская Е. Р. Вопросы совершенствования законодательства о судебной экспертизе // Судебная экспертиза. — 2004. — № 1. — С. 25—38.

34. Россинская Е. Р. Законодательное регулирование назначения и производства судебной экспертизы // Закон. — 2003. — № 3. — С. 3—9.

35. Россинская Е. Р. Проблемы законодательной регламентации судебной экспертизы и некоторые пути их разрешения // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 12. — С. 3—12.

36. Галяшина Е. И., Россинская Е. Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования // Lex Russica. — 2006. — Т. 65. — № 6. — С. 1033—1055.

37. Россинская Е. Р. Некоторые проблемы законодательной регламентации судебной экспертизы и пути их разрешения // Судебная экспертиза. — 2012. — № 2 (30). — С. 9—22.

38. Россинская Е. Р. К вопросу об изменениях в процессуальном законодательстве Российской Федерации в связи с новым Федеральным законом «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 4—2. — С. 104—111.

39. Россинская Е. Р. Методологические и правовые проблемы комплексных судебных экспертиз в условиях реформирования законодательства о судебно-экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 6. — С. 12—18.

40. Россинская Е. Р. Цифровизация судебно-экспертной и криминалистической деятельности взаимосвязи и разграничения // Вопросы экспертной практики. — 2019. — № S1. — С. 569—574.

41. Россинская Е. Р. Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности как элемент защиты прав личности в судопроизводстве // В кн.: Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: мат-лы XI науч.-практ. конф.: в 4 чч. — 2017. — С. 359—364.

42. Россинская Е. Р. Факторы, определяющие результативность и доброкачественность заключений судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 1. — С. 89—93.

43. Россинская Е. Р. Современная судебная экспертология — наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. — 2015. — № 4 (40). — С. 10—18.

44. Россинская Е. Р. Судебная экспертология: генезис, современное состояние, направления развития // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 4. — С. 86—93.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10005

Сергей Юрьевич Журавлев,
профессор кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация. В статье приводятся уточнения предмета криминалистики, вводятся понятия «криминальная реальность» и «криминалистическая культура». Обосновывается суть комплексности и универсальности криминалистической методики. Конкретизируются структурные составляющие методического и тактического содержания работы по расследованию. Обосновываются научно-методические предпосылки формирования профессиональных компетенций.

Ключевые слова: совершенствование понятийного языка криминалистики, криминальная реальность, понятие криминалистики, криминалистическая культура, методические и тактические решения, комплексность и универсальность криминалистической методики, методика работы с первичной информацией, методика криминалистического анализа информации, методика выдвижения и разработки версий, методика формирования системы доказательств, тактико-методический алгоритм, формирование компетенций обучаемых.

Sergey Yurevich Zhuravlev,
Professor of the Department of criminalistics
Nizhny Novgorod academy of the MIA of Russia,
Candidate of Law, Assistant Professor

FORENSIC CULTURE OF ENFORCEMENT: CONTENT AND DISCUSSION ISSUES

Abstract. The article specifies subject of forensic science, introduces the concepts of “criminal reality” and “forensic culture”. The essence of the comprehensiveness and universality of the forensic technique is postulated. The structural issues of the methodological and tactical content of the investigation are specified. The scientific and methodological background for the formation of professional competencies are justified.

Keywords: Improving the conceptual language of forensic science, criminal reality, the concept of forensic science, forensic culture, methodological and tactical solutions, the comprehensiveness and universality of forensic techniques, methods of working with primary information, methods of forensic analysis of infor-

mation, methods of advancing and developing versions, methods of forming a system of evidence, tactical and methodological algorithm, the formation of competencies of students.

Для современного этапа развития теории криминалистики характерно возрастание интереса к инновационным разработкам в контексте роли криминалистики в правоприменении и правотворчестве [6, с. 74—78]. Существенное влияние криминалистического знания на указанные процессы ранее отмечалось в наших работах [7, с. 49—53]. Владеющий криминалистическим знанием исходит из того, что профессиональная мыследеятельность не просто предшествует внешним действиям правоприменителя. Она является ключевым условием эффективности решений, принимаемых на методическом и тактическом уровне. Отмечаются и пробелы в научном осмыслении и обосновании роли криминалистических средств в процессе правоприменительной и правотворческой деятельности [4, с. 141—155].

Совершенствование понятийного языка криминалистики требует осознания того, что первостепенным в практической и научной деятельности является познание криминальной реальности. Это значительная часть мира человеческих взаимоотношений, в котором обнаруживаются измененные состояния объектов, подвергшихся воздействию со стороны лиц, имеющих нравственную деформацию. Ими реализуются установки вседозволенности, доминирования над другими людьми, жестокости, насилия корыстолюбия, обмана, фальсификации, и все это выражается в определенных действиях или в бездействии.

В этом смысле криминалистику следует рассматривать как науку о закономерностях и процессе познания различных проявлений криминальной реальности, а также методических и тактико-технических средствах данного процесса. Важной особенностью является то, что процесс познания может происходить в уголовно-процессуальной и гражданско-правовой сфере. В первом случае его принято именовать выявлением, раскрытием и расследованием преступлений. Более широкий взгляд связан с применением категории «юридическое познание» [1, с. 98—103], которое является сердцевиной технологии юридической деятельности. Ее первым этапом является установление фактических обстоятельств дела с точки зрения их содержательной особенности и, безусловно, юридической значимости [2, с. 268].

Например, анализ обстоятельств, связанных с попытками лишить бывшего супруга родительских прав, попытками некорректно склонить волю наследодателя в свою сторону, обстоятельств недобросовестного манипулирования положениями трудового законодательства при увольнении работника и т. п. может выявить целый комплекс безнравственных действий недоб-

росовестной стороны. При этом рассмотрение особенностей познания подобных обстоятельств в юридической литературе практически не связывается с возможным применением комплекса криминалистических средств познания, которые по устоявшейся традиции рассматриваются как «принадлежность» уголовно-процессуальной деятельности.

Полагаем, что криминалистика разрабатывает рекомендации по изучению проявлений криминальной реальности, которая производна от осмысленного или ситуационно-случайного безнравственного состояния некоторой части людей, которые выражают себя посредством определенных действий (бездействия), причиняющих материальный вред, физические и нравственные страдания окружающим. По сути, речь идет об изучении (обнаружении, фиксации и исследовании) следов, связанных с проявлением зла в этом мире. Именно всю совокупность проявления зла, последствия безнравственных поступков отдельных людей и групп лиц, искаженный характер взаимоотношений, в том числе в экономической сфере, мы и обозначили термином «криминальная реальность». Разработка рекомендаций по ее познанию и фиксации измененных состояний объектов как совокупности признаков возникновения криминальной ситуации и есть основная задача криминалистики в рамках понимания сути той деятельности, признаки которой изучаются (расследуются) с позиции понимания ее вреда для общества или отдельных граждан [5, с. 127—128].

Криминалистическая культура — это совокупность мировоззренческих профессиональных установок, которые определяют проявление владеющего криминалистическим знанием в этом мире. В первую очередь это относится к культуре профессионального мышления, принятия решений и поведения правоприменителя. Как мы думаем, так и работаем. Расследование есть процесс следования по следам, раскрытие их смысла и соотнесение всей обнаруженной и зафиксированной информации с характером познаваемого события как проявления криминальной реальности.

С криминалистической точки зрения, деятельность по расследованию преступлений состоит из методического и тактического содержания. Важнейшей составляющей криминалистической культуры является понимание того, что в деятельности следователя, дознавателя, оперативного работника, участкового уполномоченного полиции одновременно применяется несколько методик (программ) работы. Общим ориентиром в методической работе является универсальная структура познания обстоятельств происшедших событий: выявление криминальной ситуации, формирование исходной информации, анализ информации, выдвижение версий, разработка версий, планирование расследования, реализация пунктов плана. Как показывают наши исследования, подобного рода деятельность предполагает применение: а) мето-

дики работы с первичной информацией; б) методики криминалистического анализа информации; в) методики выдвижения и разработки версий; г) методики формирования системы доказательств. На тактическом уровне основной является тактико-методический алгоритм обоснования и принятия решения о проведении отдельного тактического действия или их взаимосвязанного комплекса. В этом состоит комплексность и универсальность криминалистической методики.

Сердцевиной методической работы является определенная логика познания криминальной реальности, оперирование условно-вероятностными суждениями по индуктивной и дедуктивной схеме.

В процессе индуктивного переосмысления реальности субъект юридического познания отталкивается от факта обнаружения им некоторой совокупности следов. Затем моделируется процесс следообразования с детализацией тех возможных действий (бездействия), которые могли привести к возникновению обнаруженных следов. Особенности следообразующей криминальной реальности позволяют предположить, что существуют измененные состояния объектов, которые должны были возникнуть, но пока еще не обнаружены. Их обнаружение и является целью планируемых тактических действий.

В ходе дедуктивного познания отталкиваются от высокой вероятности того, что некоторое лицо или группа лиц на определенном объекте и в определенных условиях занимается криминальной деятельностью. С учетом специфики объекта, например, экономической деятельности, личности фигурантов моделируют возможные частные направления деятельности отдельного лица или некоторой группы лиц. В рамках прогнозируемых направлений деятельности моделируются конкретные действия (бездействие) применительно к четырем возможным фазам развития преступной деятельности. После этого переходят на уровень формулировки тех следов, которые объективно должны были возникнуть. Обнаружение следов возможных действий (или бездействия) является целью применения планируемых тактических действий.

Таким образом, криминалистическая культура обоснования и принятия методических и тактических решений — это не чистая индукция или дедукция. В практическом мышлении субъекта юридического познания должен функционировать своеобразный индуктивно-дедуктивный криминалистический механизм, который позволяет на основании частных отображений понимать общий характер криминальной реальности. А в ситуации, когда есть основания предполагать наличие криминальной деятельности, через моделирование ее процедур выходить на понимание возможных следов, которые и следует планировать к обнаружению.

Анализ содержания криминалистики позволяет утверждать, что это наука о специфике криминальной реальности и особенностях юридического познания обстоятельств тех событий, которые следует квалифицировать. Фактически криминалистика — это наука, которая разрабатывает рекомендации об оптимальной технологии поисково-познавательной деятельности по обнаружению и расследованию преступлений, рекомендации по методике и тактике этой деятельности. В учебном процессе преподаватели криминалистики занимаются формированием и закреплением профессиональных аналитических способностей и процедурных навыков принятия и реализации методических и тактических решений в ситуациях, складывающихся в деятельности правоприменителя [3].

Предметное формирование аналитических и процедурных компетенций проходит определенные этапы. Содержание этих этапов является сложной дидактической технологией, которая предметно разработана на кафедре криминалистики Нижегородской академии МВД России [8, с. 49—62]. Она подкрепляется формированием методического фонда положительного и отрицательного опыта работы оперативных и следственных подразделений, а также обеспечивается разработанными междисциплинарными технологиями проведения практических занятий в форме аналитического тренинга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Боруленков Ю. П. Деятельностный и технологический подходы как методологическая основа конструирования уголовного судопроизводства // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — М., 2015. — Ч. 1. — С. 27—31.

2. Боруленков Ю. П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика): моногр. / Под науч. ред. проф. В. Н. Карташова. — М., 2016. — 536 с.

3. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: моногр. / Под ред. проф. Н. П. Яблокова. — Калининград, 1997. — 248 с.

4. Журавлев С. Ю. Комплексная характеристика методических и тактических средств расследования преступлений в сфере экономики // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 2 (34). — С. 141—155.

5. Журавлев С. Ю. Криминалистический стиль мышления: методическое содержание и соотношение с квалификационным пониманием расследуемых событий / С. Ю. Журавлев // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 2 (41). — С. 127—132.

6. Журавлев С. Ю. Методика и организация расследования преступлений как основные факторы эффективной деятельности органов предварительного следствия и дознания // Криминалистические средства обеспечения деятельности по выявлению и расследованию преступлений экономической и коррупционной направленности: сб. ст. / Под ред. А. Ф. Лубина. — Казань: Изд-во «Бук», 2017. — С. 74—78.

7. Журавлев С. Ю., Крепышева С. К. Криминалистическая методика и тактика: контекст современного понимания роли криминалистики в юридической деятельности и юридическом образовании // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки РФ, заслуж. юриста РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. Н. П. Яблокова. Москва, 22 дек. 2015 г. / ред.-сост. М. А. Лушечкина. — М.: МАКС Пресс, 2015. — С. 46—50.

8. Журавлев С. Ю., Лапшин В. Е. Криминалистические средства обучения методическому и тактическому содержанию работы по расследованию преступлений // Научно-технический портал МВД России. — 2019. — № 3 (31). — С. 49—62.

УДК.343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10006

Анна Николаевна Залескина,

старший преподаватель кафедры общеправовой подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России

**ХАРАКТЕРИСТИКА И ЗНАЧЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ,
ОТРАЖАЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ
ДЛЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА,
СОПРЯЖЕННОГО С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ НЕИСПОЛНЕНИЕМ
ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация. В статье рассмотрены основные документы хозяйствующего субъекта, подлежащие изъятию и изучению по уголовным делам о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Дана краткая характеристика документов и их видов, а также раскрыто значение для доказывания по уголовному делу. Классификация документов выполнена с учетом вида хозяйствующего субъекта (индивидуальный предприниматель или юридическое лицо).

Ключевые слова: мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности; платежные документы; уставные документы; договор; первичные документы; бухгалтерский баланс; регистры бухгалтерского учета.

Anna Nikolaevna Zaleskina,

Senior lecturer of the Department of General Legal Training
East Siberian Institute of the MIA of Russia

**CHARACTERISTICS AND SIGNIFICANCE OF DOCUMENTS
THAT REFLECT THE ACTIVITIES OF BUSINESS ENTITIES
FOR THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF FRAUD
INVOLVING DELIBERATE NON-PERFORMANCE
OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN ENTREPRENEURSHIP**

Abstract. The article deals with the main documents of an economic entity that are subject to seizure and examination in criminal cases of fraud involving deliberate non-performance of contractual obligations in entrepreneurship. A brief description of the documents and their types is given, as well as the significance for evidence in criminal cases is disclosed. Classification of documents is made taking into account the type of business entity (individual entrepreneur or legal personality).

Keywords: fraud involving deliberate non-performance of contractual obligations in entrepreneurship; payment documents; statutes; agreement; primary documents; balance sheet; accounting registers.

Раскрытие и расследование мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности связано с изъятием и последующим исследованием различных документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность организаций, заключивших договор.

По рассматриваемому виду мошенничества документы являются основой всех доказательств, т. к. содержат следы преступления и становятся объектом исследования при производстве следственных действий и экономических экспертиз как ключевого вида доказательства по данной категории дел. Получить криминалистически значимую информацию для установления фактических данных, достаточных для возбуждения уголовного дела, возможно при изучении документов, в том числе финансово-хозяйственной деятельности [11, с. 62].

Кроме того, основная масса допрашиваемых лиц по уголовным делам рассматриваемого вида мошенничества являются работниками организации потерпевшего лица либо организации мошенника, поэтому их показания основываются на сведениях, содержащихся в финансово-хозяйственных документах организаций.

Особенно важным представляется производство анализа документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность субъекта предпринимательской деятельности на первоначальном этапе расследования. Объясняется это трудностями при возбуждении уголовных дел по данному составу, что обусловлено сложностями отграничения его от неисполнения обязательств в рамках гражданского законодательства.

Одним из эффективных средств анализа деятельности хозяйствующего субъекта, в ходе которого устанавливается преднамеренный характер неисполнения договорных обязательств, применяемых сотрудниками при производстве проверки сообщения о преступлении, являются документальные проверки и ревизии.

Производство документальных проверок и ревизий в рамках доследственной проверки по мошенничеству в предпринимательской сфере имеет серьезное доказательственное значение, т. к. происходит исследование документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность субъектов предпринимательской деятельности, что позволяет установить обстоятельства, указывающие на умысел совершения преднамеренного неисполнения договорных обязательств [2, с. 12].

Кроме того, своевременное и полное изъятие документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность организации на этапе доследственной проверки может предотвратить изменение либо уничтожение докумен-

тов предпринимателем, не исполнившим договор, и в последующем они могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу.

Как правило, доследственные проверки по данному мошенничеству производятся оперативными сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, которые не всегда имеют экономическое образование, поэтому зачастую затрудняются правильно определить перечень и объем документов, имеющих отношение к материалу проверки. По мнению С. В. Ефимова, А. А. Никольского, для повышения эффективности противодействия преступлениям лица, участвующие в их выявлении и расследовании, должны иметь представление об объеме материалов, имеющих доказательственное значение [6, с. 95], поэтому важно определить объем и перечень документов, подлежащих изъятию на первоначальном этапе и охарактеризовать их доказательственное значение.

Способы обнаружения и изъятия документов, интересующих правоохранительные органы в рамках доследственной проверки, различны и подразделяются в зависимости от вида проводимого мероприятия. Основными способами являются: производство осмотра в помещениях организаций, как потерпевшего, так и мошенника, направление запросов о предоставлении необходимых документов, и самый эффективный, на наш взгляд, — производство гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

В последующем в случае возбуждения уголовного дела дополнительно проводятся обыск и выемка предметов и документов. При этом необходимо помнить, что перечень документов, подлежащих изъятию для индивидуального предпринимателя (далее — ИП) и юридического лица, в некоторых случаях будут отличаться, т. к. они применяют разную систему бухгалтерского и налогового учета. В этой связи целесообразным видится систематизировать подобные документы и определить содержание и информационную значимость каждого из них в отдельности [1, с. 124].

Представляется необходимым определить минимальный перечень документов, содержащих в себе сведения о финансово-хозяйственной деятельности ИП или юридического лица, благодаря анализу которых сотрудники правоохранительных органов смогут установить основания для возбуждения уголовного дела на этапе доследственной проверки.

При возникновении необходимости изъятия документов у ИП и юридических лиц стоит обращать внимание на следующие документы:

1. Уставные (правоустанавливающие) документы. Для ИП такими являются: ИНН, ЕГРИП, копия паспорта, учетная политика (закрепленная соответствующими приказами). Для юридических лиц: ИНН, ЕГРЮЛ, устав, договор или приказ о назначении директора, главного бухгалтера, кассира, учетная политика с графиком документооборота (при ее отсутствии нужно установить порядок выполнения должностными лицами своих обязательств перед контрагентами организации и меру их ответственности).

Данные документы позволяют идентифицировать организационно-правовой статус и форму хозяйствующего субъекта, в том числе получить общие сведения о государственной его регистрации. Учетная политика необходима для определения метода признания доходов и расходов.

2. Договор, заключенный между потерпевшей организацией и организацией подозреваемого лица, подлежит изъятию у обеих сторон сделки со всеми приложениями и дополнениями к нему. Указанные документы позволяют идентифицировать детали конкретной сделки, определить основные условия, при которых она должна была быть осуществлена, ответственность сторон. Кроме того, при этом появляется возможность выявить признаки полной либо частичной подделки документов.

3. Документы по претензионной работе. К таковым можно отнести: гарантийные письма, претензии, уведомления, деловую переписку и иные документы, подтверждающие факт неисполнения тех или иных обязательств по договору второй стороной. Данные документы позволяют зафиксировать факт признания организацией мошенника неисполнения договорных обязательств. В подобных документах будет содержаться конкретная информация об объемах невыполненных обязательств или неуплаченных суммах, признанных и, таким образом, подтвержденных второй стороной.

4. Первичные документы по сделке. К ним относятся: товарно-транспортные накладные, акты выполненных работ, оказанных услуг, счета-фактуры, счета на оплату, товарные накладные, универсальный передаточный документ, акт приема-передачи. Перечисленные документы позволяют зафиксировать ход осуществления сделки, посчитать объем выполненных и не выполненных по договору обязательств и установить возможную сумму причиненного ущерба.

5. Платежные документы: выписка о движении денежных средств по расчетному, лицевому, валютному и иным счетам, платежные поручения, кассовые документы (приходно-кассовые ордера, расходные кассовые ордера, кассовая книга, книга кассира), позволяют установить объем оплаченных денежных средств по рассматриваемой сделке. Исследуется определенный период до и после совершения рассматриваемой сделки.

6. Бухгалтерский баланс с приложениями и расшифровками, включая отчет о финансовых результатах (с расшифровкой по строке «выручка», «прибыль» «чистая прибыль» на отчетные даты). У должника сумма по неисполненному договору должна стоять в сумме кредиторской задолженности, а у потерпевшего — в сумме дебиторской задолженности. Данные документы позволяют определить факт наличия имущества, обязательств, задолженности по сделке, наличие или отсутствие финансово-хозяйственной деятельности и прочие показатели работы хозяйствующего субъекта за определенный период. Сюда же можно отнести период заключения сделки, а также момент ее заключения и момент исполнения обязательств.

Рассматриваемые преступления характеризуются особой спецификой, уникальными механизмами и способами совершения [12, с. 253]. Для раск-

рытия и расследования указанного состава мошенничества имеет значение определение финансового положения организации подозреваемого лица на момент заключения договора с потерпевшим, т. к. его отрицательное состояние будет указывать на наличие субъективной стороны преступления. Установление данной информации на этапе доследственной информации позволит правоохранительным органам принять обоснованное решение о возбуждении уголовного дела и четко отграничить мошенничество от неисполнения обязательств в рамках гражданско-правовой сделки. Анализ финансового состояния организации, не исполнившей договор, обычно определяется в рамках производства документальных проверок и ревизий. Однако для наиболее эффективной работы можно ускорить данный процесс и привлечь специалиста-бухгалтера, который, проанализировав необходимые документы, сделает выводы о финансовом состоянии организации на момент заключения договора.

7. Регистры бухгалтерского учета. Оборотно-сальдовые ведомости по счету 62 (расчеты с покупателями и заказчиками — в случае непоставки товара и неоказания услуг, невыполнения работ), 60 (расчеты с поставщиками и подрядчиками — в случае неоплаты уже поставленного товара, оказанных услуг, выполненных работ). В некоторых случаях данные о задолженности могут отражаться по счету 76 (расчеты с разными дебиторами и кредиторами), 71 (расчеты с подотчетными лицами).

Факт отгрузки (неотгрузки) товаров (материалов и др.) устанавливается по анализу счетов 10 (материалы), 41 (товары), 43 (готовая продукция), 43 (готовая продукция), 40 (выпуск продукции). Факт поставки (непоставки) основного средства можно отследить по счету 01 (основные средства). Поступление выручки отражается по счету 90.1 (выручка). По вышеуказанным счетам необходимо изъять анализ, карточку счета с разбивкой по контрагентам либо оборотно-сальдовую ведомость. Указанные регистры бухгалтерского учета позволяют определить отражение операций в бухгалтерском учете, обобщить основные документальные обстоятельства по данной сделке. Иными словами, можно изучить сделку изнутри, через призму бухгалтерского учета, получив интересующие сведения и сделать соответствующие выводы [3, с. 22].

Важно отметить, что если у ИП не ведется бухгалтерский учет, то эксперты могут установить только факт неоплаты рассматриваемой сделки по расчетному счету либо наличными денежными средствами. Необходимо отметить, что, в соответствии с действующим законодательством, хозяйствующие субъекты обязаны вести бухгалтерский учет (формы и объемы его также определены законом¹).

¹ О бухгалтерском учете: федер. закон от 6 дек. 2011 г. № 402-ФЗ // Консультант плюс [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 01.02.2020).

8. Черновые записи (при отсутствии первичных документов или в дополнение к ним). Такие записи могут прояснить ряд важных для расследования уголовного дела аспектов («черная» (двойная) бухгалтерия [5; 10], получение неучтенного дохода, обналичивание денежных средств [7, с. 98] и прочее). Вместе с имеющимися документами черновые записи могут иметь важное доказательственное значение. Так, если организация ведет «двойную бухгалтерию», можно отследить денежные потоки, все фактически произведенные финансово-хозяйственные операции (в том числе с потерпевшим), посмотреть, как учитывались денежные средства, поступившие по договору с потерпевшим, куда перечислялись и другое. Также с помощью таких документов можно установить факт совершения рассматриваемой сделки. Иными словами, информация, содержащая в себе следы всех совершенных операций, будет являться доказательством при расследовании уголовного дела.

Кроме того, черновые записи, выполненные от руки, содержат образцы почерка, по которому при необходимости можно идентифицировать то или иное должностное лицо, осуществлявшее двойной учет. Необходимо отметить, что органами следствия, а также экспертами не всегда принимаются во внимание данные записи как доказательства. Это связано с тем, что «черная» бухгалтерия не может являться достоверным источником информации, и могла изначально вестись с нарушениями (т. е. не в полном объеме, не по форме, без привязки к конкретному юридическому лицу или ИП и др.).

Считаем, что указанный перечень документов является оптимальным для установления наиболее полной информации об организации лица, не выполнившего договор, и определения основания для возбуждения уголовного дела по рассматриваемому виду мошенничества. Приведенный перечень документов, подлежащих изъятию при расследовании, не является исчерпывающим и зависит от складывающейся следственной ситуации по конкретному уголовному делу [8, с. 40].

Вышеперечисленные документы позволяют сделать определенные выводы о хозяйствующем субъекте (ИП, или юридическом лице), а также понять, могло ли оно исполнить обязательства; имелись ли ресурсы для этого на момент заключения договора; сделать выводы о наличии гражданско-правовых отношений или наличии состава преступления и получить иные, важные для правоохранительных органов сведения. Наиболее целесообразно проводить изъятие рассмотренных документов на этапе доследственной проверки, что позволит выявить характер преднамеренности неисполненного договора, определяющий наличие субъективной стороны преступления еще до возбуждения уголовного дела.

Также можно отметить, что исследование системы документооборота организации, и анализ информации, содержащейся в финансово-отчетных документах, является эффективным способом выявления признаков мошеннических действий в сфере предпринимательской деятельности [4, с. 4; 9, с. 144].

Таким образом, документы, отражающие финансово-хозяйственную деятельность ИП или юридического лица, имеют важное доказательственное значение, что необходимо учитывать сотрудникам оперативных и следственных подразделений при раскрытии и расследовании мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грибунов О. П., Малыхина Е. А. К вопросу о значимости исследования технической документации на вагон при расследовании хищений комплектующих деталей железнодорожного транспорта // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2017. — № 2. — С. 123—128.
2. Залескина А. Н. Особенности возбуждения уголовного дела по мошенничеству, сопряженному с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (23). — С. 10—14.
3. Залескина А. Н. Сущность и значение экономической экспертизы по делам о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // Полицейская и следственная деятельность. — 2019. — № 3. — С. 15—23.
4. Звягин С. А., Стрыгина И. Е. Особенности проведения судебно-бухгалтерской экспертизы по фактам мошеннических действий // Вестник Воронежского института МВД России. — 2016. — № 2. — С. 25—30.
5. Еремина Н. В., Сюбаева А. И., Тысячникова Я. Г., Актуальные проблемы экономической безопасности // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe. — 2016. — Т. 10. — № 1. — С. 39—42.
6. Ефимов С. В., Никольский А. А. Использование специальных экономических знаний для противодействия преступлениям в кредитно-финансовой сфере // Научный портал МВД России. — 2015. — № 4 (32). — С. 91—96.
7. Назырова Н. А. Вопросы расследования преступлений, предусмотренных статьей 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 3 (49). — С. 97—105.
8. Низаева С. Р. Тактические особенности производства выемки документов при расследовании мошенничества на рынке вторичного жилья // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2016. — № 3 (73). — С. 38—40.
9. Пермяков А. Л. Нарушения правил осуществления хозяйственных операций как косвенные признаки мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 4 (8). — С. 143—145.
10. Правдин К. Д., Ромашкина И. В. Черная бухгалтерия и ее последствия для экономики России // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем: сб. ст. победителей VIII междунар. науч.-практ. конф.: в 3-х чч. — 2017. — С. 233—235.
11. Третьякова Е. И., Бельков В. А. Особенности возбуждения уголовного дела по факту совершения мошенничества, повлекшего лишение права гражданина на жилое помещение // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — № 2 (10). — С. 57—62.
12. Усачев С. И., Малыхина Е. А. «Скимминговые преступления»: особенности совершения и методы противодействия // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск: ВСИ МВД России, 2019. — С. 253—256.

УДК.343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10007

Светлана Игоревна Земцова,

доцент кафедры криминалистики

Сибирского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук

КРИПТОВАЛЮТА В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: ВОПРОСЫ ДЕАНОНИМИЗАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа теоретического материала и судебно-следственной практики обосновывается вывод о том, что «лавинообразное» использование криптовалюты в последние несколько лет при совершении незаконного оборота наркотических средств обусловлено ее основными свойствами: а) анонимностью; б) децентрализацией; в) трансграничностью; г) совершением транзакций в режиме P2P и их высокой скоростью; д) возможностью обмена на другие криптовалюты или фиатные деньги. Анализируются причины вытеснения в последние два года криптовалюты Bitcoin, криптовалютами с более высокими конспиративными функциями (Dah, Monero, ZCash). Предлагаются отдельные меры нейтрализации противодействия посредством: а) внедрения специальных программных продуктов, направленных на деанонимизацию сделок с криптовалютой, разработанных компаниями Bitfury Group; Chainalysis Know — Your Transaction (KYT), Лондонской Elliptic; б) блокировки Роскомнадзором сайтов, размещающих информацию о незаконном обороте наркотических средств; в) внесения изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: криптовалюта, Bitcoin, незаконный сбыт, наркотические средства, блокчейн, способы противодействия, интернет-магазины.

Svetlana Igorevna Zemtsjva,

Associate Professor of the Department of criminalistics

of the Siberian law Institute of the MIA of Russia,

Candidate of Law

CRYPTOCURRENCY IN ILLICIT DRUG TRAFFICKING: ISSUES OF DEANONYMIZATION AND LIABILITY

Abstract. Based on the analysis of theoretical material and judicial investigative practice, the article substantiates the conclusion that the “avalanche-like” use of cryptocurrency in the commission of illegal drug trafficking over the past few years is due to its main properties: a) anonymity; b) decentralization; c) cross-border; d) p2p transactions and their high speed; e) the ability to exchange for other cryptocurrencies or Fiat money. The reasons for the displacement of the cryptocur-

rency Bitcoin a cryptocurrency with higher conspiratorial functions in the last two years (Dah, Monero, ZCach) are analyzed. The author offers some countermeasures: a) the introduction of special software products, aimed at deanonymization transactions with cryptocurrency developed by Bitfury Group; Chainalysis Know-Your Transaction (KYT), a London-Elliptic; b) blocking of websites that provide information about the sale of narcotic drugs; c) the introduction of amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation and the Russian Code of Administrative Offences.

Keywords: cryptocurrency, Bitcoin, illegal sale, drugs, blockchain, methods of counteraction, online store.

Наркоситуация в Российской Федерации на протяжении длительного времени остается достаточно сложной. Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 26 февраля 2020 г., генерал полиции Российской Федерации Владимир Колокольцев отметил, что «в прошлом году было задокументировано свыше ста девяноста тысяч преступлений» [1]. На 30 % больше выявлено наркопреступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Учитывая складывающуюся ситуацию, по итогам заседания Коллегии МВД России, состоявшейся еще 1 ноября 2019 г., были приняты безотлагательные меры реагирования, заключающиеся в создании специальных подразделений (по борьбе с распространением и пропагандой наркотиков в Интернете), которые с 10 ноября 2019 г. начали функционировать на территории всей страны.

Объектами данных преступлений, чаще всего выступают новые синтетические наркотические средства: эфедрон, мефедрон, N-метилэфедрон и синтетические аналоги тетрагидроканнабинола. Предлагаемые к продаже вещества имеют сленговые («скорость», «кристалл», «соль», «мука», «спайс» и т. д.) и торговые названия (MDMB, мефедрон и др.). Средствами совершения являются мессенджеры (Telegram, Brosix, Pidgin, Xabber, Vipole, IM+, Psi), программное обеспечение, шифрующее VPN-соединения, позволяющее обходить блокировку со стороны государственных органов, возможности современных технологий; дистанционные платежные системы (Visa QIWI Wallet, WebMoney, Yandex-Money, QIWI-банк, E-port); приложения для работы с сетью, интернет-программы, поддерживающие OTR-шифрование, а также имеющие специализированные хранилища информации с защитой от несанкционированного доступа (сообщения не сохраняются в системной памяти устройств); приложения, представляющие собой инструмент, обеспечивающий конфиденциальность пребывания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», с невозможностью определения IP-адресов выхода на веб-сайты.

В последние годы к перечисленным средствам при осуществлении незаконного оборота наркотических средств добавилось и новое: криптовалюта, которая используется как:

а) способ начисления заработной платы «сотрудникам» интернет-магазинов (например, в интернет-магазинах Stuff.store, XTC);

б) средство оплаты за приобретаемые средства (при этом стоимость наркотического средства может снижаться на 10—15 %);

в) способ легализации наркодоходов.

Несмотря на высокую практическую значимость, в теории криминалистики до настоящего времени фактически отсутствуют полноценные фундаментальные исследования, раскрывающие механизм использования криптовалюты в преступных целях и методы противодействия указанному виду преступных деяний.

Лишь некоторые аспекты процесса расследования отражаются в разрозненных научных публикациях [2; 3; 4].

Вместе с тем нельзя не отметить, что проблемы правового регулирования криптовалюты [5; 6; 7] и юридической ответственности за использование криптовалюты при производстве расчетов [8; 9] неоднократно становились объектом научного исследования.

Полагаем такой «теоретический вакуум» возможно объяснить только новизной, заключающейся в использовании криптовалюты, в качестве средства конспирации преступных действий.

Вместе с тем сама схема бесконтактного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») явление не новое. «Так, проведенные исследования показывают, что „спайсы“ стали доступны для покупки через Интернет в США с 2006 г., в Европе — с 2008 г., в Российской Федерации — с 2009 г.» [10, с. 3—16]. В этой части следует согласиться с О. П. Грибуновым в том «что на рынке устойчиво занимают лидирующее место синтетические наркотики как предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков». [11, с. 21].

Сущность незаконного сбыта с использованием интернет-технологий предполагает отсутствие личного контакта и высокий уровень конспирации как в процессе приобретения наркотических средств, так и при взаимодействии участников преступной группы (сообщества), численность которых в крупных магазинах (например, «КВЕСТ», Stuff.store, «Хим.Пром», «ХэппиЛэнд», Express, ХТС) может достигать до нескольких сотен: «закладчиков», «операторов», «кассиров», «курьеров», «менеджеров» по регионам, «финансовых директоров», специалистов в области информационной безопасности. Оплата за приобретенные наркотические средства, а также начисление «заработной платы» участникам преступного сообщества осуществляется с использованием электронных платежных систем на банковские карты, оформленные на «подставных» лиц [12, с. 37].

Об использовании виртуальной валюты в преступных целях заговорили в связи с громкими расследованиями интернет-рынка Silk Road в 2013 г. «По состоянию на 2013 год на этом теневом рынке продавалось более 10 тысяч разновидностей изъятого или ограниченного в обращении товара (наркотиков, оружия, порнографии, персональных данных и др.) при годовом обороте в 15 млн долларов США. Оплата происходила преимущественно в криптовалюте ввиду ее анонимного характера и технических трудностей доказа-

тельства транзакций. Возникшие после Silk Road проекты Evolution и Silk Road 2.0 учли ошибки предшественника и увеличили свой доход на 100 млн долларов США в год» [13, с. 12] и через два года открыли новые торговые площадки со схожим функционалом, но лучшим дизайном, маркетингом и надежностью.

На территориях РФ и ряда стран СНГ с конца октября 2016 г. функционирует крупнейшая торговая площадка Gidra (400 интернет-магазинов). Структура указанного TOR-сайта схожа с аналогичными ресурсами, действующими в США. Сделки и оплата происходят непосредственно на площадке. Оплата — исключительно с использованием криптовалюты Bitcoin. Площадка охватывает все сферы теневого бизнеса, от продажи наркотических средств до торговли поддельными документами, банковскими картами, специальным оборудованием для слежки и съема информации, а также предоставляет различных информационных услуг.

Так, например, на площадке Gidra, в период с октября 2017 г. по март 2018 г. размещался анонимный автоматизированный интернет-магазин по продаже наркотических средств, психотропных веществ и частей растений, содержащих наркотические средства — «КВЕСТ». Доступ к нему (интернет-магазину) был возможен исключительно посредством программного обеспечения интернет-браузера Tor (Тор), использование которого исключает возможность идентификации определенного пользователя в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обеспечивая тем самым безопасность незаконных операций, связанных с незаконным сбытом наркотиков. При этом операции с денежными средствами при осуществлении незаконных сделок с наркотиками осуществлялись посредством использования децентрализованной платежной системы в виде цифровой валюты — криптовалюты Bitcoin, неподконтрольной каким-либо органам власти, что исключало возможность обнаружения и изъятия денежных средств, в том числе и с индивидуальными признаками, используемых сотрудниками правоохранительных органов в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, получаемых участниками преступного сообщества (преступной организации), обеспечивая тем самым анонимность участников преступного сообщества (преступной организации), а также покупателей наркотиков.

В процессе расследования преступной деятельности были установлены не только рядовые участники преступного сообщества, но и сформирована полноценная доказательственная база в отношении организатора указанного интернет-магазина — гр. К¹.

¹ Уголовное дело по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1, п.п. «а», «г», ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 5 ст. 228.1, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1, п. «а» ч. 2 ст. 231, ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г», ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «а», ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г», ч. 4 ст. 228.1, ч. 2 ст. 228, ч. 2 ст. 228 УК РФ; направлено с обвинительным заключением прокурору г. Санкт-Петербурга 11 июня 2019 г.

На этой же площадке размещался и интернет-магазин ХТС, в котором был налажен весь цикл оборота наркотиков, включающий в себя контрабанду из стран Европейского союза в Российскую Федерацию, а также производство в условиях подпольной лаборатории, расположенной на территории Московского региона. Доставка особо крупных партий наркотических средств осуществлялась в специально оборудованных тайниках автомашинах в 20-ти субъектах Российской Федерации. Расчеты производились *с использованием различных криптовалют и платежных систем.*

В октябре 2018 г. преступная деятельность интернет-магазин ХТС была пресечена. Задержано 18 человек, в том числе организаторы преступного сообщества, «курьеры», «кладовщики» и лица, осуществлявшие изготовление наркотиков, а также розничные сбытчики. Из незаконного оборота изъято более 950 кг различных наркотических средств и психотропных веществ, более 160 кг прекурсоров, 1200 кг химических реактивов, 6 автомашин, оборудованных тайниками для перевозки наркотиков, 15 единиц лабораторного оборудования, поддельные документы сотрудников правоохранительных органов.

На территориях РФ и ряда стран СНГ в настоящее время в Darknet¹ действуют два крупнейших русскоязычных интернет-форума: LegalRC и WayAWay, на которых лицами, занимающимися незаконным сбытом наркотиков, размещаются объявления о видах, ценах, способах приобретения наркотиков, преимущественно с использованием криптовалюты.

Лавинообразный процесс интегрирования криптовалюты в механизм незаконного оборота наркотических средств гипотетически возможно объяснить *ее основными свойствами:*

1. Децентрализацией (нет единого, главного сервера, который бы контролировал все операции).

2. Трансграничностью и транснациональностью.

3. Анонимностью. В частности, «в отдельных альтернативных платежных системах внедрены специальные технологические решения, например, так называемые миксеры, которые создают дополнительные препятствия для идентификации криптовалютных транзакций и их участников. Все это позволяет достаточно успешно скрывать личности отправителей и получателей криптовалюты и утаивать истинные цели и содержание операций. Дополнительно этому способствует полное отсутствие контроля за движением платежных средств, представленных криптовалютой, со стороны каких-либо определенных внутренних органов. Ведь устройство большинства альтернативных платежных систем таково, что ограничивается лишь валидацией транзакций, т. е. проверкой их соответствия протоколу той или иной экосистемы, и не предусматривает наличие механизмов проверки таких транзакций на предмет соответствия законодательству» [14, с. 19].

¹ Синонимами Darknet используемыми в литературе являются: «Темный интернет» и TOR.

4. Совершением транзакций в режиме P2P (равенство пользователей, транзакции осуществляются напрямую), при отсутствии посредников.

5. Высокой скоростью обработки транзакций.

6. Отсутствием банковского, валютно-экспертного и налогового контроля, обязательного контроля, предусмотренного системой противодействия отмывания доходов и финансирования терроризма и незаконного оборота наркотических средств.

7. Использованием криптовалюты в качестве мобильного средства сбережения. «Приватные ключи, представляющие собой сотни миллионов долларов, можно хранить на крошечном USB-накопителе и легко переносить в любое место» [15, с. 131].

8. Возможностью обмена на другие криптовалюты или фиатные деньги.

Нейтрализация противодействия, осуществляемого преступниками при незаконном обороте наркотических средств, с использованием различных видов криптовалюты, предполагает совокупность разнообразных мер, к которым возможно отнести следующие.

1. Разработку и внедрение специальных программных продуктов, направленных на деанонимизацию сделок с криптовалютой.

Начиная с 2016 г., в мире наблюдается постепенный отказ от использования криптовалюты и внедрение анонимных валют (Dah, Monero, ZCash). Снижение популярности Bitcoin объясняется тем, что в посреднических транзакциях по типу «человек в середине» Bitcoin позволяет отследить участников сделки и деанонимизировать их через использование общедоступных источников данных».

Так, исследователи из Катарского университета создали методику деанонимизации сделок с Bitcoin и на ее основе смогли установить личность 22 человек, которые 5 лет назад покупали наркотики на теневом рынке Silk Road (пример — Э. Л. Сидоренко).

Следует отметить и разработку в конце января 2018 г. сервиса Crystal от поставщика блокчейн-решений Bitfury Group, предназначенного для выявления и расследования криминальной деятельности в блокчейне Bitcoin. Сервис позволит сотрудникам правоохранительных органов и частным экспертам проследивать пути перемещения подозрительных транзакций до конечного получателя или точки сбыта криптовалюты.

Поскольку технология блокчейн не вызывает полного доверия у государств, ведомств и регуляторов, это порождает различные препятствия к использованию ее как эффективного инструмента взаиморасчетов. В связи с этим специалисты Bitfury Group задумались над тем, чтобы внести в экосистему блокчейна Bitcoin элемент доверия.

По своей архитектуре блокчейн Bitcoin содержит информацию обо всех транзакциях, и она доступна всем участникам сети. Алгоритмы сервиса Crystal закружают и обновляют данные из блокчейна, а также собирают в сети «Интернет» публично доступную информацию о владельцах кошельков

криптовалюты. При этом вся информация обрабатывается так, что данные в дальнейшем были пригодны для аналитики и могли быть представлены пользователю в удобном формате. Результаты обработки сохраняются. Основными критериями назначения степени риска являются подтвержденная публичная информация о нелегальной деятельности конкретных участников блокчейна Bitcoin а и наличие транзакций с ними прочих участников, которые формируют так называемый Darknet.

Например, если участник А. взаимодействовал с известным высокорисковым участником В., то участник А. также «попадает под подозрение», т. е. алгоритм присваивает ему некий повышенный уровень риска. Наличие или отсутствие риска отображается в интерфейсе приложения с помощью красных и зеленых меток соответственно. При этом Crystal является аналитическим инструментом и не дает оценок законности транзакций. Считать ту или иную транзакцию сомнительной или незаконной — прерогатива правоохранительных органов.

Отслеживать информацию о транзакциях может либо сам пользователь Crystal, либо сторонняя программа: Crystal содержит API для интеграции с аналитическим программным обеспечением пользователя. Сбор персональных данных Crystal не производит.

Разработчики отмечают, что лежащие в основе анализа данных эвристические алгоритмы по своей природе не дают стопроцентного результата. Поэтому решения, выносимые сервисом Crystal, не являются категоричными — все остается в зоне ответственности пользователя. Кроме того, команда проекта обращает внимание на случаи сбоя и постоянно работает над их устранением, улучшая алгоритмы.

Интерес к данному инструменту с момента создания был проявлен со стороны финансового сектора (банков, консалтинговых компаний, финансовых регуляторов), а также киберподразделений силовых структур.

Если же говорить о конечных пользователях, то Crystal предназначен для двух групп потенциальных пользователей: аналитиков, работающих в отделах по борьбе с незаконными финансовыми операциями, и следователей, участвующих в расследовании преступлений, в которых использовался Биткойн.

Кроме того, в конце 2018 г. компания Chainalysis, занимающаяся валютными расследованиями, выпустила продукт под названием Know Your Transaction (KYT). Он поможет отслеживать людей, которые участвуют в незаконной деятельности, связанной с криптовалютами. Среди постоянных клиентов Chainalysis — Федеральное бюро расследований США (ФБР), Администрация по борьбе с наркотиками (DEA) и Европол.

Продукт от KYT от Chainalysis предоставляет обратную связь по транзакциям в реальном времени и отправляет соответствующую информацию на биржу в «движок обработки транзакций». Таким образом, руководители площадок видят «рискованных» пользователей и получают возможность отслеживать их подозрительные действия. Продукт пока тестируется неболь-

шой группой клиентов, которые уже сообщили о том, что «скорость проверки аккаунтов» повысилась в 20 раз».

Лондонская Elliptic, которая также проводит расследования, связанные с цифровыми валютами, недавно привлекла 7 млн долл. от таких компаний, как Banco Santander и Octopus Ventures, для дальнейшего расширения своей деятельности и разработки продуктов.

«Что же касается новых виртуальных валют, то они, в отличие от Bitcoin, основаны на протоколе с принципом запутывания блоков цепочки, и потому установление их владельца, равно как и IP-адреса отправителя, невозможно» [16, с. 14].

2. Блокировка сайтов, размещающих информацию о продаже наркотических средств.

На сегодняшний день одним из способов борьбы с незаконным оборотом наркотических средств в целом, и сбытом с использованием криптовалюты, в частности, является блокировка сайтов Роскомнадзором¹, который использует схему блокирования либо по IP (адресу интернет-протокола), либо по адресу URL.

По итогам 2018 г. МВД России рассмотрено свыше 7 700 электронных обращений с жалобами на популярные социальные сети и онлайн-мессенджеры, где размещалась информация о подконтрольных веществах. За 6 месяцев 2019 г. — 21575 электронных обращений, по которым принято 12148 экспертных решений об ограничении доступа к интернет-ресурсам [16].

Наиболее востребованной социальной сетью среди лиц, относящих себя к членам пронаркотической субкультуры, а также лиц, причастных к распространению наркотиков, является «ВКонтакте», на долю которой пришлось в 2018 г. 6 410 электронных обращений в «Единый реестр», на втором месте «Одноклассники» (393), далее следует Telegram (293), Facebook (235), Instagram (207), LiveJournal (139) и Twitter (74).

3. Разработка и принятие нормативных положений, направленных на противодействие незаконному обороту наркотических средств, совершенному с использованием криптовалюты.

Проблематика незаконного оборота наркотических средств с использованием криптовалюты требует комплексных мер, в том числе путем проработки соответствующих законодательных инициатив:

1. Включением в Уголовный кодекс Российской Федерации новой бланкетной нормы — ст. 187.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за неправомерный оборот криптовалюты. Например, в редакции предложенной М. М. Долгиевой «1. Совершение сделки, связанной с оборотом криптовалюты, в нарушение правил, установленных законодательством Российской Федерации, а равно создание и использование компьютерных программ и технических устройств, предназначенных для неправомерного получения доступа к криптовалюте, — наказывается <... > [17, с. 234].

¹ Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), создана в декабре 2008 г.

2. Рассмотрения и принятия внесенного в Правительство Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления ответственности для владельцев интернет-ресурсов, а также хостинг провайдеров за размещение (распространение) запрещенной информации о наркотических средствах и психотропных веществах)», разработанного МВД России совместно с Минкомсвязью России, ФСБ России и Минюстом России.

Резюмируя изложенное, отметим:

а) использование криптовалюты при совершении преступных деяний обусловлено ее свойствами: децентрализацией, анонимностью, трансграничностью и высокой скоростью транзакций; возможностью обмена на другие криптовалюты или фиатные деньги;

б) вытеснение криптовалюты Bitcoin криптовалютами Dash, Monero, ZCash обусловлено их более высокими конспиративными функциями;

в) отдельными мерами противодействия незаконному обороту наркотических средств с использованием криптовалюты являются: внедрение специальных программных продуктов, направленных на деанонимизацию сделок с криптовалютой (разработанных компаниями Bitfury Group; Chainalysis Know — Your Transaction (KYT), Лондонской Elliptic)); блокировка веб-сайтов, размещающих информацию о продаже наркотических средств; внесение изменений и дополнений в отдельные нормативно-правовые акты, а также разработка новых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации, генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании Министерства внутренних дел Российской Федерации 26 февр. 2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://мвд.рф/document/19639152> (дата обращения: 27.02.2020).

2. Дворянкин О. А., Ключкова Е. Н. Криптовалюта — новый инструмент наркобизнеса // Наркоконтроль. — 2018. — № 4. — С. 19—22.

3. Судницын А. Б., Молоков В. В. Отдельные возможности получения и использования сведений об операциях с криптовалютой при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 2 (89). — С. 213—221.

4. Родивилин И. П., Родивилина В. А. Криптовалюта как объект преступления // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-лов XXIII междунар. научно-практ. конф. В 2-х тт. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. — С. 262—265.

5. Белых В. С., Егорова М. А., Решетникова С. Б. Биткойн: понятие, тенденции правового регулирования // Юрист. — 2019. — № 3. — С. 4—11.

6. Жарова А. К. Риски информационной безопасности и возможности правового регулирования криптовалюты в России // Информационное право. — 2018. — № 4. — С. 11—16.

7. Трунцевский Ю. В. Цифровая (виртуальная) валюта и противодействие отмыванию денег: правовое регулирование // Банковское право. — 2018. — № 2. — С. 18—28.

8. Трунцевский Ю. В., Сухаренко А. Н. Противодействие использованию криптовалюты в незаконных целях: состояние и перспективы // Международное публичное и частное право. — 2019. — № 1. — С. 41—45.
9. Кучеров И. И. Криптовалюта как платежное средство // Финансовое право. — 2018. — № 7. — С. 3—6.
10. Федоров А. В. Уголовная ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ // Наркоконтроль. — 2015. — № 2. — С. 3—16.
11. Грибунов О. П., Герасимов П. А., Косенко В. Н. Психоактивные вещества синтетического происхождения как предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: некоторые аспекты противодействия их распространению // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2015. — № 4 (75). — С. 19—28.
12. Земцова С. И., Сузов О. А., Галушин П. В. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием интернет-технологий. — М., Юрлитинформ, 2019. — 208 с.
13. Сидоренко Э. Л. Наркотики и криптовалюта: новые криминологические тренды // Наркоконтроль. — 2018. — № 2. — С. 8—13.
14. Кучеров И. И. К вопросу о методике расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Российский следователь. — 2018. — № 12. — С. 17—21.
15. Долгиева М. М. Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства // Актуальные проблемы рос. права. — 2019. — № 4. — С. 128—139.
16. Обзор о результатах оперативно-служебной деятельности по линии противодействия незаконному обороту наркотиков в первом полугодии 2019 года // ГУНК МВД России. — 2019. — 16 с.
17. Долгиева М. М. Социальная обусловленность возникновения уголовно-правовых запретов нарушений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 10. — С. 225—235.

УДК 343.98:340.6

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10008

Юлия Васильевна Зиненко,

доцент кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат медицинских наук;

Александр Ильич Бушуев,

заведующий отделом сложных экспертиз
КГБУЗ Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы;

Ольга Витольдовна Сергеева,

старший преподаватель кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института МВД России

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА КОМИССИОННЫХ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Аннотация. В настоящей статье авторы проанализировали архивные материалы КГБУЗ Красноярского Краевого бюро судебно-медицинской экспертизы (ККБСМЭ) за 2015—2019 гг. (постановления о назначении повторных судебно-медицинских экспертиз (СМЭ)). Приведены примеры повторных СМЭ, проведенных после первичных СМЭ в отделе сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ, назначенных по основаниям, предусмотренным действующим законодательством (в рамках ч. 2. ст. 207 УПК РФ). Предложенные авторами рекомендации является перспективным в плане повышения качества работы КГБУЗ ККБСМЭ в целом и достижения конкретной цели в виде снижения количества повторных экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, эксперт, следователь, повторная экспертиза, комиссия экспертиза.

Yulia Vasilyevna Zinenko,

Associate Professor of the Department of Criminalistics
Siberian Law Institute of the MIA of Russia,
Candidate of Medical sciences;

Alexander Ilyich Bushuev,

head of the complex expertise Department
of the Krasnoyarsk regional Bureau of forensic medical examination.

Olga Vitoldovna Sergeeva,

Senior Lecturer of the Department of Criminalistics
of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF APPOINTMENT AND OBTAINING EXPERT OPINIONS

Abstract. In this article, the authors analyzed archive materials of the Krasnoyarsk Territorial Bureau of forensic medical examination of 2015—2019 (a decision to arrange the second forensic examination). Examples of repeated technical

medical expertises are provided held since the primary forensic examination at the Department for Complicated Tests of the Territorial State Budgetary Healthcare Facility of the Krasnoyarsk Territorial Bureau of forensic medical examination, that are assigned according to the valid regulations (under article 207, paragraph 2 of the Russian Code of Criminal Procedure). The recommendations proposed by the authors are promising in terms of improving the quality of work of the Territorial State Budgetary Healthcare Facility of the Krasnoyarsk Territorial Bureau of forensic medical examination and achieving a specific goal in the form of reducing the number of repeated examinations.

Keywords: forensic examination, expert, investigator, re-examination, commission examination.

В последние годы сохраняется тенденция к увеличению как назначений, так и производства различных судебных экспертиз и экспертных исследований. При этом возрастает количество проводимых сложных, многообъектных, комплексных судебных экспертиз [1, с. 86, 2, с. 85].

Расследование и разрешение по существу уголовных дел, где речь идет о жизни и здоровье граждан, практически невозможно без применения специальных медицинских знаний в различных формах, из которых основной является судебно-медицинская экспертиза (СМЭ) [3, с. 112].

В процессе проведения судебных экспертиз устанавливаются существенные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [4]. Однако от того, насколько полно и всесторонне будут реализованы действия следователя с учетом норм уголовно-процессуального законодательства по назначению судебной экспертизы, зависит срок и качество результата экспертизы [5, с. 119].

В отделе сложных экспертиз КГБУЗ Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы (ККБСМЭ) ежегодно производится около 1 тыс. комиссионных СМЭ, что указано в табл. 1.

Таблица 1

Количество комиссионных экспертиз,
проведенных за 2015—2019 гг. в отделе сложных экспертиз
КГБУЗ ККБСМЭ

Год	2015	2016	2017	2018	2019
Первичные	682	730	794	798	731
Дополнительные	143	156	170	185	158
Повторные	51	64	51	50	52
Комплексные	24	20	35	37	34
Всего экспертиз	900	970	1050	1070	975

Одним из показателей экспертной работы является количество повторных экспертиз, который используется как критерий оценки качества работы Государственного судебно-экспертного учреждения (ГСЭУ).

По закону комиссия экспертная в основном назначается, если результаты проведенного ранее исследования вызывают сомнения (в рамках ч. 2 ст. 207).

Так в ч. 2 ст. 207 УПК РФ отмечено следующее: «в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту».

Количество повторных экспертиз, проведенных в разных структурных подразделениях КГБУЗ ККБСМЭ за последние 5 лет, составило: в 2015 г. — 2110 (1,7 %), в 2016 г. — 2205 (1,8 %), в 2017 г. — 3102 (2,5 %), в 2018 г. — 3317 (2,6 %), в 2019 г. — 3330 (2,7 %). Прирост относительно 2015 г. составляет 50,5 %.

Согласно данным, представленным в табл. 1, следует, что повторные СМЭ по отделу сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ сохраняются на одном уровне и составляют около 5,5—6 % от общего количества производства комиссионных СМЭ.

Мы провели анализ постановлений следственных органов и судов Красноярского края за 2015—2019 гг. для выявления оснований, по которым назначались повторные экспертизы в КГБУЗ ККБСМЭ и разделили наиболее часто встречающиеся на две группы:

1 группа — основания, предусмотренные действующим законодательством;

2 группа — основания, не предусмотренные действующим законодательством.

В первую группу вошли:

— наличие противоречий в выводах и исследовательской части экспертизы;

— недостаточная обоснованность или отсутствие обоснования выводов (касается установления тяжести вреда, причиненного здоровью, давности и механизма повреждений).

Во вторую группу вошли:

— требование надзорных органов (прокуратура);

— указание руководителей следственного органа;

— мнение специалиста, отрицающее выводы эксперта;

— несогласие одной из сторон с выводами эксперта;

— невозможность дать ответы на все поставленные вопросы при первичной экспертизе без привлечения узких специалистов;

— невозможность установить причину смерти (например, труп гнилой);

— установление соответствия обстоятельств причинения повреждений и механизма их образования при дорожно-транспортном происшествии.

Обращает на себя внимание тот факт, что количество повторных экспертиз, назначенных по основаниям, предусмотренным действующим законодательством (группа 1) за 2015—2019 гг., является незначительным и составляет около 5—6,6 %, тогда как количество повторных экспертиз, назначенных с нарушением требований нормативно-правовых документов, за анализируемый период составляет абсолютное большинство — 93,4—95,3 %.

Так, зачастую повторные комиссионные СМЭ по КГБУЗ ККБСМЭ назначаются по требованию адвокатов, по требованию прокуроров «для подтверждения ранее сделанных выводов», при несогласии (жалобах руководству) одной из сторон с результатами СМЭ, в то время как никаких поводов, предусмотренных действующим законодательством для назначения повторных экспертиз, нет. Полагаем, что огромное количество повторных и дополнительных экспертиз назначается из года в год в КГБУЗ ККБСМЭ необоснованно с нарушением действующего законодательства РФ. Данное обстоятельство приводит к росту количества повторных СМЭ и общего количества производства комиссионных СМЭ за год.

Относительно результатов повторных экспертиз, после первичных, проведенных в отделе сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ (в рамках ч. 2 ст. 207 УПК РФ), можно отметить наиболее частое расхождение мнения экспертных комиссий и районных экспертов в определении тяжести вреда здоровью. Так, как правило, при первичной экспертизе используется диагноз, уже имеющийся в медицинских документах (в справке, амбулаторной карте, истории болезни) и не учитывается наличие или отсутствие описания объективных клинических проявлений травмы, отягощенный преморбидный фон, течение сопутствующих заболеваний.

Рассмотрим несколько примеров повторных СМЭ, проведенных в отделе сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ в 2015—2019 гг. после первичных СМЭ, назначенных по основаниям, предусмотренным действующим законодательством (группа 1).

1. Заключение эксперта (ЗЭ) № 670 — районное судебно-медицинское отделение (РСМО), Заключение комиссии эксперта (ЗКЭ) № 159.

В рамках первичной экспертизы экспертом установлено повреждение мозга в виде ушиба головного мозга средней степени тяжести, в результате чего установлен тяжкий вред здоровью по п. 6.1.3 № 194н «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» от 24.04.2008 (размозжение головного мозга, диффузное аксональное повреждение, внутримозговое кровоизлияние; ушиб головного мозга средней степени тяжести при наличии общемозговых, стволовых и очаговых симпто-

мов), в ходе ЗКЭ — признаков «общемозговых, стволовых и очаговых симптомов» в представленной медицинской документации не выявлено, поэтому вред здоровью изменен на средний.

2. ЗЭ № 53 и 77 СМО (ЗКЭ № 121) — черепно-мозговая травма, перелом костей носа без смещения — выставлен вред здоровью средней тяжести, причина — длительность лечения 26 дней. При этом больничный лист не оформлялся, каких-либо сведений о наличии признаков расстройства здоровья в медицинских документах нет, лечения по поводу травмы пострадавший не получал. В результате проведенной повторной комиссионной СМЭ экспертной комиссией тяжесть вреда здоровью изменена на легкий.

3. ЗЭ № 350 РСМО (ЗКЭ № 778) — при освидетельствовании 30.01.18 (по прошествии 10 дней с момента предполагаемого причинения повреждений), у пострадавшей выявлены признаки осумкованной гематомы и сотрясение головного мозга, в связи с чем экспертом делается вывод о возникновении повреждений 20.01.2018, когда со слов пострадавшей она была избита. Выставляется вред здоровью средней тяжести. ЗКЭ — сотрясение головного мозга — не подтвержден клинической симптоматикой; давность гематомы 13—14 дней; с жалобами в лечебно-профилактическое учреждение не обращалась, медицинская помощь не оказывалась, признаков расстройства здоровья не зафиксировано (за исключением похмельного синдрома). Какие-либо объективные данные об избии отсутствуют.

4. ЗЭ № 594 РСМО — ЗКЭ № 793 — в рамках первичной экспертизы судебно-медицинский эксперт пришел к выводу о том, что смерть наступила в результате закрытой черепно-мозговой травмы. При этом на гистологическое исследование экспертом взято всего три фрагмента внутренних органов, головной мозг — один фрагмент без гистологических признаков травмы. В ходе проведения комиссионной СМЭ экспертной комиссией было выяснено, что головной мозг отсутствует во влажном архиве, в связи с чем в ходе проведения комиссионной СМЭ высказаться о причине смерти не представилось возможным.

Резюмируя изложенное, считаем, что основная масса расхождений в трактовке диагнозов обусловлена следующими причинами:

1) невнимательной работой судебно-медицинских экспертов с предоставляемыми медицинскими документами, отсутствием критического экспертного отношения к выставленному диагнозу; так, наиболее часто это касается травмы головы в состоянии алкогольного опьянения, лечащими врачами течение похмельного синдрома расценивается как признак ушиба или сотрясения головного мозга;

2) зачастую не проводятся обязательные консультации узких специалистов (офтальмолог, терапевт, рентгенолог), не описывается объективная клиническая симптоматика, зачастую диагнозы «сотрясение головного мозга,

ушиб головного мозга» выставляются травматологом или хирургом без привлечения невролога или нейрохирурга.

5. ЗЭ № 120 РСМО (ЗКЭ № 534) — ответы на поставленные вопросы при первичной экспертизе не даны, т. к. диагноз «перелом костей предплечья» поставлен под сомнение. Следователю рекомендовано назначение комиссионной экспертизы в отделе сложных экспертиз. После консультации рентгенолога перелом подтвержден, установлен вред здоровью средней тяжести.

Рассмотрим данный пример более подробно, т. к. подобные случаи встречаются и в других регионах. Отметим, что плохое описание снимков или наличие предварительного диагноза не являются основанием для направления материалов на комиссионную экспертизу СМЭ. Подчеркнем, что согласно ст. 57 УПК РФ, судебно-медицинский эксперт имеет право ходатайствовать об уточнении диагноза лечащим врачом, дополнительном описании рентгенограмм, проведении любого дополнительного обследования с предоставлением этих данных лицом, назначившим экспертизу.

Когда имеются сомнения в правильности описания рентгенограмм, судебно-медицинский эксперт, производящий первичную СМЭ, вправе:

— направить в КГБУЗ ККБСМЭ для описания нашим рентгенологом (штатным консультантом) и после получения результата самостоятельно завершить экспертизу.

— ходатайствовать перед судом или следователем о привлечении к производству экспертизы дополнительного специалиста, отдельное мнение которого врач судебно-медицинский эксперт может в последующем использовать (например, интерпретация ЭКГ, дополнительное описание рентгенограмм, уточнение морфологических особенностей повреждений, имевшихся при обращении за медицинской помощью). Полагаем, что эти данные могут быть использованы судебно-медицинским экспертом наравне с заключениями эксперта-гистолога или эксперта-химика.

Анализируя архивные материалы отдела сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ (повторные СМЭ), мы обратили внимание на появление в выводах первичных экспертиз следующей формулировки «ответ на этот вопрос не входит в компетенцию первичной экспертизы и может быть решен в рамках комиссионной экспертизы отдела сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ» (подобные формулировки неоднократно встречаются в разных РСМО Бюро). Отметим, что обычно такая формулировка используется при ответе на вопросы, требующие установления соответствия обстоятельств и механизма причинения повреждений, установления фаз дорожно-транспортного происшествия (ДТП).

В этой связи подчеркнем, что в отделе сложных экспертиз работают такие же эксперты, как и в других отделах ККБСМЭ, с такими же категориями, проходившие обучение на таких же базах. Безусловно, у экспертных ко-

миссий есть больше возможностей в привлечении узких специалистов и выявлению дефектов проведенного лечения, тогда как решение других, базовых судебно-медицинских вопросов, касающихся механизма причинения повреждений, соответствия обстоятельств причинения повреждений, давности повреждений, фаз ДТП — возможно в рамках первичной СМЭ. Подчеркнем, что врачи СМЭ других структурных подразделений ККБСМЭ ничуть не хуже врачей экспертных комиссий и располагают такими же возможностями.

Таким образом, полагаем, что отдел сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ — это не просто одно из подразделений КГБУЗ ККБСМЭ, а своеобразная «конечная инстанция», поскольку здесь производится особый вид экспертиз как по организации (участвует несколько экспертов, зачастую из разных учреждений, проводится несколько видов исследований, так и по сложности решаемых вопросов). Поэтому как должностным лицам, назначающим комиссионные СМЭ, так и врачам судебно-медицинским экспертам необходимо помнить, что и экспертизы в этот отдел должны назначаться те, которые требуют привлечения максимальных ресурсов Бюро.

Отметим, что увеличивающееся количество повторных экспертиз в отделе сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ связано не только с некачественной экспертной работой (4,7—6,6 %), но и с нарушением требований действующего законодательства при их назначении следственными органами и судами (93,4—95,3 %), что требует принятия организационных решений.

В качестве альтернативных решений по снижению количества повторных экспертиз, проведенных в КГБУЗ ККБСМЭ, нами предложено:

- 1) рекомендовать проведение повторных судебно-медицинских экспертиз в иных регионах РФ;
- 2) увеличить количество лиц (ординаторов) осуществляющих первичный контроль исходящих экспертиз, что повысит качество исходящих экспертиз и минимизирует основания для назначения повторных экспертиз;
- 3) открыть новое подразделение КГБУЗ ККБСМЭ — «отдел контроля качества экспертиз»;
- 4) оптимизировать работу основных подразделений и их взаимодействие с вспомогательными подразделениями, следственными и судебными органами.

Из предложенных альтернатив нами выбрана — оптимизация работы основных подразделений и их взаимодействия с вспомогательными подразделениями, следственными и судебными органами.

Кроме этого рекомендуем усилить работу с ведомственными органами: — рекомендовать назначение повторных экспертиз, в соответствии с УПК РФ и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ФЗ ГСЭД);

— дифференцированно относиться к ходатайствам третьих лиц (участники процесса, адвокат, сторона недовольная результатами первичной экспертизы) о назначении повторных экспертиз;

— регулярно проводить совместные научно-практические семинары с судебными и следственными органами;

— повышать квалификацию должностных лиц, назначающих комиссии СМЭ, по дополнительным образовательным программам соответствующего направления подготовки.

Использование вышеуказанных рекомендаций, по нашему мнению, является перспективным в плане повышения качества работы КГБУЗ ККБСМЭ в целом и достижения конкретной цели в виде снижения количества повторных экспертиз.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Мишин А. В., Мазуренко П. Н. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы // Вестник экономики, права и социологии. — 2017. — № 1. — С. 86—89.

2. Сарычева Н. В. Некоторые процессуальные проблемы назначения судебной экспертизы // Инновации в науке: науч. журн. — 2018. — № 5 (81). — С. 85—86.

3. Маслов А. В., Прониченко Е. И., Теньков А. А. Проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. — 2012. — № 12. — С. 112—117.

4. Проведение судебных экспертиз в экспертных подразделениях и учреждениях: учеб. пособ. / С. А. Чернышев [и др.]. — Белгород, 2018. — 108 с.

5. Соколов А. Б. Назначение судебных экспертиз по делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Алтайский юридический вестник. — 2018. — № 1 (21). — С. 118—121.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10009

Руслан Рейзаевич Карданов,

доцент кафедры огневой подготовки

Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)

Краснодарского университета МВД России,

кандидат юридических наук

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАДАЧ РАССЛЕДОВАНИЯ В СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы криминалистической тактики, виды тактических задач, возникающих при расследовании преступлений, а также иные задачи, стоящие перед следователем. Раскрыты особенности формирования следственных ситуаций, возникающих на различных этапах расследования, как основа частной методики расследования.

Ключевые слова: криминалистика, тактика, следственная ситуация, следователь, преступление, версия.

Ruslan Reizayevich Kardanov,

Associate Professor of fire training Department

North Caucasus Institute of advanced training (branch)

of Krasnodar University of the MIA of Russia,

Candidate of Law

COMMON CHARACTERISTICS OF THE INVESTIGATION TASKS IN THE CURRENT SITUATION

Abstract. The article deals with topical issues of forensic tactics, types of tactical tasks that arise in the investigation of crimes, as well as other tasks facing the investigator. Formation feature of investigative situations arising at various stages of investigation as the basis of private investigation methodology are revealed.

Keywords: forensics, tactics, investigative situation, the investigator, the crime, theory.

Анализ многочисленных определений понятия «ситуация» в криминалистике показывает, что к данной категории обращались многие ученые, остродискуссионным являлся вопрос о включении ситуации в криминалистическую тактику либо отнесении к методике расследования преступлений. Данное обстоятельство подчеркивает, насколько велико и практическое, и теоретическое значение этой категории.

Р. С. Белкин, рассматривая следственную ситуацию в качестве теоретической концепции криминалистической тактики, при определении данного

понятия исходил из этимологии слова «ситуация» и указывал на ее внешний характер по отношению к расследованию [4, с. 116—117].

Такой подход разграничивает следственную ситуацию и деятельность по расследованию, а это не совсем верно, поскольку они представляют собой взаимосвязанные системы, ведь следственная ситуация видоизменяется именно под воздействием той деятельности, которая проводится по раскрытию и расследованию преступлений. В целом же, характеризуя их соотношение, необходимо отметить, что вне расследования отсутствует и следственная ситуация.

А. Н. Васильев и Н. П. Яблоков придерживались схожих взглядов на проблему ситуации в криминалистике и, не соглашаясь с Р. С. Белкиным, считали, что следственные ситуации, исходя из их сути, должны одинаково изучаться криминалистической тактикой и методикой, а общие вопросы «как общекриминалистические понятия могут быть раскрыты и в общей части криминалистики» [5, с. 56—59]. В методике расследования под ситуацией они понимали фактическое положение, складывающееся на определенный момент расследования или перед его началом, характеризующее все следственное своеобразие данного момента и определяемое совокупностью доказательственной, оперативно-розыскной, процессуально-тактической, методической, организационно-технической и иной значимой информации.

Наиболее общими задачами расследования нераскрытого преступления являются: уяснение характера расследуемого происшествия, события или деяния с признаками преступления и установление его сущности (уголовно-правовая квалификация). Вопрос о квалификации расследуемого преступления формируется на стадии возбуждения уголовного дела. А в условиях ограниченности исходной информации по делу сущность расследуемого события с признаками преступления обычно определяется на уровне общих версий, одна из которых, наиболее реальная, кладется в основу возбуждения уголовного дела.

Для того чтобы раскрыть и расследовать преступление полностью, т. е. установить объективную истину по делу и обеспечить правосудие, необходимо решить и другие общие задачи расследования — установить обстоятельства, подлежащие доказыванию или, иначе говоря, обстоятельства четырех сторон состава преступления. Поиск эффективных форм и методов раскрытия преступлений является одной из приоритетных задач для органов внутренних дел.

При расследовании каждого преступления обязательному доказыванию подлежат:

- а) обстоятельства объективной стороны преступления; речь идет о времени совершения преступления, месте, способе, а также его причинах;
- б) обстоятельства, характеризующие или относящиеся к объекту преступного посягательства;

в) обстоятельства, представляющие характеристику субъекта преступления, а именно кто совершил преступление, есть ли у него соучастники, роль каждого из них;

г) обстоятельства субъективной стороны деяния — наличие и форма вины, мотив и цель совершения преступления [7, с. 116—117].

Поскольку в каждом определенном случае расследованию подлежит не происшествие, а конкретное преступление определенного вида, то при установлении предмета доказывания следователь руководствуется не только общими требованиями уголовно-процессуального закона, но и диспозицией соответствующей статьи уголовного кодекса, отражающей особенности состава расследуемого преступления. Когда сущность события недостаточно ясна, уголовное дело возбуждается по статье уголовного кодекса, соответствующей лишь одной из наиболее вероятных версий о составе преступления. В этом случае при определении обстоятельств, подлежащих доказыванию, следователь исходит из совокупности общих версий по делу.

Рассматривая перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, необходимо подчеркнуть, что при исследовании обстоятельств, характеризующих четыре стороны состава преступления, открываются как уголовно-правовые признаки, имеющие значение для последующей квалификации деяния, так и криминалистические признаки (особенности) этих обстоятельств, которые позволяют в проблемной ситуации уяснить общее направление и конкретные пути расследования, а также иные сведения, учитываемые при организации следственных и розыскных действий, выработки тактики их производства.

Обстоятельства, имеющие значение для расследования и, следовательно, подлежащие установлению в ходе следствия, шире обстоятельств предмета доказывания. Например, при обнаружении у подозреваемого или обвиняемого большого количества денег и ценностей необходимо выяснить источник их происхождения, проверить, не приобретены ли они преступным путем [2, с. 134—137]. Обнаружив и изъяв похищенное оружие, следователь должен проверить, не применялось ли оно в преступных целях. При расследовании преступлений, по которым предусмотрена уголовная ответственность за недонесение, необходимо выяснить, нет ли лиц, которые знали о подготовке или совершении преступления, но не сообщили об этом соответствующим органам. По делу, возбужденному в связи с явкой преступника с повинной, важно установить подлинные мотивы такой явки. Исследованию подлежит поведение подозреваемого и обвиняемого в период, предшествовавший преступлению и после преступления, в целях получения сведений, которые в определенной степени могут использоваться для определения путей и способов поиска и собирания доказательств, а также при принятии решения об избрании меры пресечения.

Таким образом, в ходе предварительного следствия устанавливаются не только обстоятельства предмета доказывания, но и обстоятельства иных явлений, связанных с преступлением, имеющие значение для его расследования и разрешения дела по существу.

В ходе расследования следователь обязан не только установить объективную истину о преступлении, но и обеспечить условия, необходимые для осуществления правосудия. «Предмет доказывания, — отмечает А. Н. Васильев, — конечно, составляет главное в расследовании, но не исчерпывает всех конкретных задач, которые обязан разрешить следователь. В эти задачи входит не только установление обстоятельств дела и лиц, виновных в совершении преступления, но и обеспечение осуществления правосудия — задержание преступников, принятие меры к предупреждению уклонения преступников от суда, к возмещению имущественного ущерба, причиненного преступлением, и обеспечению возможной конфискации в качестве меры наказания» [1, с. 16—17]. Кроме того, к мерам по обеспечению условий для правосудия следует отнести действия следователя по разъяснению участвующим в деле лицам их прав и обеспечению возможности осуществления этих прав.

Заканчивая рассмотрение перечня задач, решаемых следователем при расследовании преступления, уместно подчеркнуть, что следователь должен не только выявить способствовавшие совершению преступления причины и условия, но и принять меры к их устранению [5, с. 178—180]. К решению этой задачи следователь приступает с самого начала расследования. Вопросы, направленные на определение, возникающих в ходе следствия, задач отражаются в плане расследования, им и оказывается внимание при проведении следственных действий. Следует согласиться с О. П. Грибуновым в том, что «планирование является важнейшим средством организации расследования» [3, с. 146].

Таким образом, задачами, стоящими перед следователем при расследовании преступления, являются:

- установление имеющих значение для расследования и разрешения дела по существу обстоятельств преступления и явлений, связанных с ним;
- обеспечение условий, необходимых для осуществления правосудия;
- вскрытие причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер к их устранению.

При планировании исключению подлежат задачи, не требующие решения при расследовании преступления или уже решены в ходе предварительного следствия.

На каждом этапе расследования важно, чтобы следователь не только знал все стоящие перед ним задачи, но и четко представлял, какие из них являются основными, нуждающимися в первоочередном решении. В зависимости от характера происшествия, от этапа его расследования и следственной

ситуации большое значение могут приобретать разные задачи следствия. При всем разнообразии преступлений и следственных ситуаций, складывающихся в ходе расследования, на начальном этапе предварительного следствия, при ограниченной информации по делу, основными задачами, нуждающимися в решении в первую очередь, обычно являются: уяснение характера и сущности расследуемого события, установление лица, совершившего противоправное деяние, и принятие мер по предотвращению уклонения виновного от следствия и суда. При этом, в зависимости от характера уголовного дела и следственной ситуации, в первоочередном решении может нуждаться одна и несколько названных задач.

Таким образом, чтобы целеустремленно искать, собирать и исследовать доказательства, необходимые для расследования преступления и разрешения дела по существу, следователь должен на каждом этапе расследования четко представлять стоящие перед ним задачи. Неполное определение при планировании задач расследования влечет односторонность и неполноту следствия. В то же время исследование обстоятельств, которые не относятся к расследуемому событию, ведет к напрасной трате сил и средств, отвлекает от выяснения существенных обстоятельств преступления и неоправданно затягивает следствие.

Расследуя нераскрытое преступление в проблемной ситуации, следователь, для уяснения направлений поисков решений общих задач расследования, строит общие версии о характере и сущности расследуемого преступления и частные версии о содержании его неизвестных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Между расследуемым событием, а также его общей версией и подлежащими доказыванию обстоятельствами этого события, а также их частными версиями, существуют множественные объективные взаимосвязи.

Для более качественного мысленного охвата следователем всей совокупности версий по делу и связей между ними, необходимо их свести в единую систему. Действенную помощь следователю в построении систем следственных версий по сложным уголовным делам могут оказать научно разработанные системы типичных версий по делам таких категорий.

Последовательность мыслительного процесса построения отдельных видов следственных версий и расположение версий, как следственных, так и типичных в их системах, зависит от особенностей и характера происшествия, события или деяния с признаками преступления и наличия соответствующей информации в деле.

Процесс построения версий может идти, и положение версий в их системах может находиться в одной из двух последовательностей.

1. В материалах дела имеется достаточно информации для выдвижения общих версий о сущности (квалификации) расследуемого преступления. В этих случаях одна из наиболее обоснованных общих версий кладется в ос-

нову возбуждения уголовного дела. Построение системы следственных версий по делу начинается с общих версий о сущности преступления.

Далее строятся частные версии об отдельных обстоятельствах, подлежащих доказыванию. В системе версий по делу общие и частные версии располагаются с учетом объективно существующих взаимосвязей между общими версиями о сущности преступления и частными версиями об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

С учетом возможных результатов проверки частных версий (установление истинности той или иной группы взаимосвязанных (частных версий) уточняется общая версия о квалификации преступления.

2. Имеющаяся в материалах дела информация о характере происшествия, события или деяния, повлекшего тяжелые последствия, крайне ограничена. Чтобы судить о сущности происшествия, которому сопутствовали или за которым последовали вредные последствия, необходимо построить и проверить версии о характере, причинах происшествия и его механизме, а также о причинах ущерба, сопутствовавшего происшествию или последовавшего за ним и т. п.

В этих случаях уголовное дело обычно возбуждается по факту происшествия, события или деяния. Общие версии о сущности (квалификации) преступления строятся с учетом возможных результатов проверки частных версий и в системе версий по делу фиксируются в конце.

Так, например, основными типичными задачами, стоящими перед следователем при расследовании пожаров в хранилищах (материальных ценностей), являются: установить причину пожара, лицо, которое своими действиями или бездействием, породило эту причину или комплекс причин. Кроме того, следователь должен установить размер материального ущерба, нанесенного пожаром.

Для того чтобы определить направления поисков решений двух первых основных задач расследования, необходимо построить все реальные и, по возможности, обоснованные следственные версии о причинах пожара и лицах, ответственных за появление этих причин.

Для построения подобных версий следователь обычно, исходя из имеющейся у него информации о расследуемом происшествии с признаками преступления, мысленно представляет вероятную картину происшествия или, иначе говоря, мысленно строит вероятную модель причин пожара и действий или бездействий лиц, породивших эти причины. На основании указанной модели следователь формулирует соответствующие версии и сводит их в систему.

В рассматриваемом нами примере необходимости в столь сложном мысленном процессе построения следственных версий нет, ибо имеется обоснованная система версий, типичных при планировании расследования пожаров в хранилищах материальных ценностей. Следователю достаточно

проверить, насколько версии этой системы (в полном или частичном объеме) реальны для расследуемого им пожара, а также уточнить и конкретизировать их с учетом индивидуальных особенностей расследуемого происшествия (пожара).

Подводя итог, следует отметить, что в системе следственных версий, как и в типичных, можно четко увидеть три направления поисков решений основных задач расследования, а именно: первые два направления расследования определяются общими версиями о характере противоправных деяний (поджог и нарушение правил пожарной безопасности), а также частными версиями о возможных субъектах, совершивших противоправные деяния. Третье направление расследования включает частные версии о характере непредвиденных обстоятельств, явившихся причиной происшествия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Общие вопросы планирования предварительного следствия // Планирование расследования преступлений / Под ред. чл.-корр. Акад. наук СССР А. С. Голунского; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т криминалистики Прокуратуры СССР. — М., Госюриздат, 1957. — 199 с.

2. Грибунов О. П., Трубкина О. В., Третьякова Е. И. Тактические особенности проведения следственного осмотра: учеб. пособ. — Иркутск, 2016. — 92 с.

3. Грибунов О. П. Особенности планирования расследования преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Ленинградский юридический журнал. — 2016. — № 2 (44). — С. 146—155.

4. Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. — М.: Норма, 2001. — 990 с.

5. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; под. ред. Р. С. Белкина. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2008. — 944 с.

6. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А. Н. Васильев, Н. П. Яблоков. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 143 с.

7. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник / Под ред. Н. П. Яблокова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрид. норма, НИЦ ИНФРА-М, 2017. — 752 с.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10010

Алексей Геннадьевич Куликов,

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники в ОВД

Восточно-Сибирского института МВД России

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ В ЭКСТРЕМИСТСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ГРУППЫ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы терминологии экстремизма, раскрываются этапы, через которые проходит лицо, вовлекаемое в экстремистскую деятельность, а также освещаются иные аспекты оперативно-розыскного противодействия вовлечения лиц в экстремистские религиозные группы в условиях уголовно-исполнительной системы. Проанализировано нормативное правовое регулирование данного направления деятельности правоохранительных органов, предложены меры по совершенствованию противодействия экстремизму.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, противодействие, религиозный экстремизм, информационно-телекоммуникационные технологии, изменения, законодательство.

Aleksey Gennadievich Kulikov,

Senior Lecturer at the of the Department of Operative Search Activity and
Special Technology in the internal Affairs bodies
of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia

FEATURES OF THE OPERATIONAL INVESTIGATIVE COUNTERACTION OF INVOLVEMENT OF PEOPLE IN EXTREMIST RELIGIOUS GROUPS IN PRISONS

Abstract. The article deals with the issues of terminology of extremism, reveals the stages through which a person involved in extremist activities passes, and also highlights other aspects of operational-search counteraction to the involvement of individuals in extremist religious groups in the conditions of the penal system. Normative legal regulation of this direction of law enforcement activity is analysed. The author proposes measures to improve the counteraction to extremism.

Keywords: operational-search activities, operational-search measures, counteraction, religious extremism, information and telecommunication technologies, changes, legislation.

Российская Федерация за тысячелетнюю историю сложилась как многонациональное и многоконфессиональное государство. Однако под влиянием современных социальных, политических, экономических и иных факторов в стране формируются радикальные взгляды и убеждения, несущие идеологию экстремизма, национализма и терроризма, осуществляющие призывы к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности, нацеленные против государственных и общественных институтов, представителей другой национальности или вероисповедания, иностранных граждан, а также подробные инструкции по изготовлению взрывных устройств, совершению террористических актов, убийств на религиозной почве и иных тяжких преступлений.

Анализ складывающейся ситуации свидетельствует о том, что на современном этапе в общественно-политической сфере протекают сложные и неоднозначные процессы, сохраняется тенденция нарастания экстремистской угрозы. В связи с этим экстремизм представляет серьезную проблему для мирового сообщества. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 10 января 2000 г. № 24, экстремизм является одной из основных угроз национальной безопасности России [1].

Одними из главных направлений обеспечения безопасности общества определены меры, направленные на усиление роли государства в реализации данной функции, совершенствование правового регулирования в предупреждении преступности, терроризма и экстремизма, обеспечение эффективного механизма взаимодействия правоохранительных органов а также расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности, в том числе в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Несомненно, противодействие вовлечению в экстремистскую деятельность является одной из важнейших составляющих в решении указанных задач.

В общем виде под «экстремизмом» понимается приверженность к крайним взглядам и радикальным методам достижения политических, экономических, религиозных, национальных и иных целей, это способ разрешения социальных противоречий, сложившихся в тех или иных областях общественной жизни, посредством насилия и иных «жестких» методов борьбы [2, с. 145—148].

Определение термина экстремизма было дано Шанхайской конвенцией от 15 июня 2001 г., в соответствии с которой экстремизм — это какое-либо «деяние», направленное на насильственный захват власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них [3].

Понятие «экстремизм» давалось рядом ученых. Так, В. Ю. Голубовский считал, что «термин «экстремизм» можно определить, как убежденность крайними взглядами и мерами, отрицание существующих традиционных государственных норм морали и правил поведения со стороны отдельных личностей или групп личностей [4]. Нам импонирует точка зрения Н. Н. Афанасьева о том, что экстремизм — это «приверженность к крайним толкованиям, основанием которых является не только нетерпимость к иной точке зрения, но и отсутствие чувства меры в ее проявлении. Как правило, человек, оперирует искаженными и гипертрофированными представлениями о действительности. Такое „сочетание“ и приводит к выражению несогласия на языке агрессии и насилия» [5].

Одной из наиболее опасных форм экстремизма является экстремизм, основанный на религиозной идеологии.

Изучению различных проблем, относящихся к экстремизму, основанному на религиозной идеологии, посвятили свои исследования многие видные зарубежные ученые: Н. Коэн, Дж. Марсден, С. Пфюртнер, Дж. Стратон, Б. Лоуренс, Б. Льюис, Д. Пайпс, Ф. Фукуяма и др. Следует отметить, что религия является определяющей в духовной сфере человеческого бытия. В этой связи она предстает в качестве универсальной «науки жизни», которая возникает как особый жизненный опыт со своими ценностями и установками, проявляющимися в целостном мироощущении и повседневном бытии верующей личности. При этом принятие религиозной парадигмы или отказ от нее — сугубо личное дело человека, дело его сознательного выбора и совести [6].

В связи с этим мы предлагаем более детально рассмотреть аспект оперативно-розыскного противодействия экстремизму, основанному на религиозной идеологии, один из его каналов и тактики вовлечения лиц в экстремистскую деятельность на религиозной основе — это приискание в среде осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно исполнительной системы (далее — УИС).

Статистические данные свидетельствуют о значительном количестве подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях УИС за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности. В настоящее время в УИС России содержится 2 тыс. 97 лиц данной категории, без учета отбывающих наказание за общеуголовные и экономические преступления, исповедующих радикальные формы религии [7]. Кроме того, многие лица, содержащиеся под стражей и отбывающие наказание в УИС России, являются выходцами из государств, на территории которых активно действуют международные террористические организации.

Действующая в настоящее время Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнитель-

ной системы РФ [8], в целом позволяет обеспечивать необходимые меры, направленные на профилактику вовлечения их в экстремистскую деятельность, пресекать контакты иерархов экстремистских группировок с их участниками, обеспечивать в случае необходимости их изоляцию.

Проведенный нами анализ практики свидетельствует о сложной ситуации в сфере оперативно-розыскного противодействия экстремизму, основанному на религиозной идеологии в среде осужденных, содержащихся в УИС. Указанный негативный фактор требует от правоохранительных органов дополнительных усилий, направленных на профилактику вовлечения осужденных в религиозные группы экстремисткой направленности. Исходя из предмета данной статьи, вызывают особый интерес этапы, через которые проходит лицо, вовлекаемое в экстремистскую деятельность в условиях УИС.

1. Социальный этап. В данном случае основной причиной установления контакта группой или организацией с ее новым членом выступают социальные условия, в которых находится осужденный. В социуме все его члены непременно придерживаются общепризнанных большинством правил, требований, обязанностей, и существовать в непростых условиях, какими являются места лишения свободы, коллективно гораздо проще. В связи с этим у лиц, имеющих конфликты с администрацией учреждения УИС, отдельными группами осужденных, а также лиц, не имеющих близких, способных их поддержать, либо имеющих иные причины, возникает потребность примкнуть к какой-либо группе для обеспечения собственной безопасности и облегчения условий существования.

2. Формальный этап. В рассматриваемом случае — религиозный, поскольку на этом этапе основным условием принятия в группу ее нового члена выступает религия, где осужденный осознано принимает (меняет) вероисповедание, совершая соответствующий обряд. На данном этапе мировоззрение, которое формируется у человека, является вполне безобидным и соотносится исключительно к вопросам традиционного вероисповедования.

3. Экстремистский этап. Здесь осуществляется поиск виновного в социальных, материальных, семейных, юридических проблемах осужденного, где ответы на них он находит в экстремистской организации. Самый простой способ для оправдания своих проблем, а впоследствии и действий, — это нахождение простых ответов на сложные жизненные вопросы и в определении виновного не в себе, а в какой-либо социальной, этнической, религиозной группе.

Здесь необходимо также отметить, что со стороны организации, исповедующей радикальные религиозные течения, наблюдается встречный интерес, который, как и в любой социальной группе, заключается в привлечении новых членов для обеспечения собственной безопасности, возможности получения материальных и иных благ для иерархов, в том числе для укрепления их авторитета. С этой целью члены группы осуществляют мероприятия,

внешне схожие с деятельностью оперативных подразделений по привлечению лиц, оказывающих содействие, а именно:

1. Подбор кандидатов. На данном этапе участники экстремистской группы изучают контингент содержащийся в учреждениях УИС, выделяют из них лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации, при необходимости сами создают такие условия.

2. Вербовочные беседы. На этом этапе внимание личности полностью акцентируется на религии и на возможности благ, которые получают лица, принявшие соответствующее вероисповедание. В результате неоднократных бесед инициатива о вступлении в группу после предыдущего этапа, как правило, исходит уже от вовлекаемого лица.

3. Обряд. Это формальная сторона вопроса, способ инициации нового члена группы в соответствии с традициями и догмами соответствующей религии.

4. Обучение. Здесь речь о чтении религиозной и идеологической литературы, проведении разъяснительных бесед, используя их в своих идеологических интересах, которые якобы являются продолжением религиозного учения. При этом применяется прием «вырывания» из контекста религиозных учений фрагментов текста, акцентирование на них внимания как главных постулатов религии, с последующим формированием в сознании «обращенного» причин возникновения существующих проблем в какой-либо социальной, этнической или религиозной группы.

Поступление религиозной литературы зачастую осуществляется посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий.

5. Контроль. Здесь акцент сделан на постоянном создании ситуаций, при которых у вовлеченного лица создается впечатление о том, что без его участия в группировке либо при ее разобзении или ликвидации дальнейшее его существование в условиях УИС может заметно усложниться, включая возникновение опасности для жизни и здоровья. Для закрепления полного контроля за вновь вовлеченным лицом последнему поручается проведение экстремистского акта, как правило, в виде административного правонарушения, что в дальнейшем делает его полноправным членом экстремистской группировки.

Совершенно ясно, что опыт противодействия экстремизму, силовыми методами борьбы с вовлечением лиц, отбывающих наказание в учреждениях УИС, в экстремистскую деятельность, основанную на религиозной основе (например, изолировать источник угрозы), способен лишь предупредить конкретную угрозу. Для радикального снижения угрозы экстремизма необходимо разрушить систему его воспроизводства, основу которой составляет крайне радикальная идеология нетерпимости к общепринятым нормам и правилам поведения в обществе, государстве, ее носители, а также каналы распро-

странения. Поэтому уполномоченным оперативным подразделениям необходимо учитывать данные особенности оперативно-розыскного противодействия, тактически грамотно планировать оперативно-профилактические и розыскные мероприятия, учитывая изложенные этапы, через которые проходит лицо, вовлекаемое в экстремистскую деятельность в условиях УИС.

Как показывает практика, для решения задач оперативно-розыскной деятельности, связанной с установлением лиц, являющихся приверженцами идей экстремизма, основанному на религиозной основе, необходимо проведение комплекса поисковых мероприятий в сети «Интернет» (в частности, в социальных сетях для установления информационных сегментов (сайт, место), в которых можно получить оперативно-значимую информацию о данной категории лиц, представляющих оперативный интерес [9, с. 183—187].

Таким образом, полагаем что, оперативным подразделениям субъектов системы профилактики и противодействию религиозному экстремизму и терроризму необходимо учитывать указанные методы вовлечения лиц, находящихся в учреждениях УИС, в экстремистские группы религиозной направленности при решении возложенных на такие органы задач.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ президента Рос. Федерации от 31.12.2015 № 683 // СПС «Консультант плюс».
2. Бакулина Л. В., Халилов Р. Н., Мустафина А. Р. Экстремизм в местах лишения свободы // Вестник экономики, права и социологии. — 2016. — № 4. — С. 145—148.
3. Шанхайская конвенция: от 15 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 22.02.2020).
4. Голубовский А. Ю. О совершенствовании деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности // Защита прав и профилактика правонарушений несовершеннолетних: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (25—26 авг. 2005 г.). — М.: ДООП МВД России; ВНИИ МВД России, 2006. С. 4—14.
5. Афанасьев Н. Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные издания. — 2002. — № 1. — С. 158—169.
6. Кочесокова З. Х. О некоторых вопросах государственной политики в сфере национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 9. — С. 124—125.
7. Сведения ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» [Электронный ресурс]. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/12899359/> (дата обращения: 12.02.2020).
8. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2013 г. № 72 // Рос. газ. — 2013. — 5 июня.
9. Тимофеев С. В. Оперативно-розыскное противодействие незаконному обороту наркотиков в сети Darknet: проблемы и пути решения [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 1 (1). — С. 183—187. — Электрон. текст. данные (3 747 840 байт). — 60 электрон. опт. дисков (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10011

Глеб Геннадьевич Лянной,

заместитель начальника кафедры административного права
и административной деятельности ОВД

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент;

Елена Игоревна Третьякова,

доцент кафедры криминалистики

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

РЕЕСТРОВАЯ (КАДАСТРОВАЯ) ОШИБКА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ С ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ

Аннотация. Работа посвящена вопросам выявления мошеннических действий с землей, совершаемых при устранении «реестровых ошибок». С этой целью в статье дается краткое описание процедуры регистрации права собственности на земельные участки, способов приобретения земельных участков. Основное внимание уделяется раскрытию вопроса о реестровой ошибке, приводится ее понятие, определяются причины возникновения и способах ее устранения. В работе содержатся рекомендации по выявлению преступлений, совершенных с использованием механизма реестровых ошибок.

Ключевые слова: земельный участок, кадастровая ошибка, реестровая ошибка, классификация реестровых ошибок, способ совершения мошенничества.

Gleb Gennadievich Lyannoy,

Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities
of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia

Candidate of Law, Assistant Professor

Elena Igorevna Tretyakova,

Associate Professor of the Department of Criminalistics
of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia

Candidate of Law, Assistant Professor

REGISTER (CADASTRAL) ERROR AS A METHOD OF COMMITTING FRAUDULENT ACTS WITH LAND PARCEL

Abstract. The article is devoted to the consideration of the method of committing fraudulent acts with land using the legal mechanism “registry error”. For this purpose, the article provides a brief description of the procedure for registering ownership of land parcel, methods of acquiring of land parcel. The main at-

attention is paid to the issue of registry error, its concept is given, the causes of its occurrence and ways to eliminate it are determined. The author concludes that knowledge of the method of fraud in the elimination of registry errors will help to identify this crime.

Keywords: land parcel, cadastral error, registry error, classification of registry errors, ways of committing fraudulent acts.

Одним из самых распространенных криминальных проявлений в обществе в отношении собственности граждан является мошенничество, уступающее в количественном эквиваленте только кражам. В 2015 г. совершено 200 тыс. 598 мошенничеств, в 2016 г. соответственно 208 тыс. 926, 2017 г. — 222 тыс. 772, 2018 г. — 215 тыс. 36, 2019 г. — 257 тыс. 187 [1]. При этом раскрываемость рассматриваемых преступлений не достигает и 30 %¹. Низкий уровень раскрываемости рассматриваемых преступлений связан с появлением новых мошеннических схем, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Такое «совершенство» преступной деятельности мошенников диктует необходимость постоянного научного переосмысления основных положений частных методик расследования мошенничества с целью удовлетворения существующей потребности в них правоприменительной практики.

Адаптирование существующих частных методик расследования к расследованию новых схем мошенничества возможно за счет изучения способа их совершения.

Способ совершения преступления в информационной модели преступления занимает ключевое положение. Криминалистическая наука в своем распоряжении имеет ценностные разработки концептуальных положений о понятии способа совершения преступления, его структуры, разработанные Г. Г. Зуйковым [3], И. Ш. Жорданием [4], В. К. Гавло [2], А. Н. Колесниченко [5] и другими авторами, и до настоящего времени не потерявшие своей актуальности. Не преследуя целью осветить дискуссионные вопросы общих положений способа совершения преступления, ограничимся указанием его понятия, которого будем придерживаться в представленной работе. Итак, способ совершения преступления представляет собой систему действий по приготовлению, непосредственному совершению и сокрытию преступлений, объединенных общим преступным умыслом и условиями окружающей среды.

Мошенничество, в соответствии с уголовным законодательством, является преступлением, посягающим на право собственности. В соответствии

¹ Для примера в 2019 г. раскрыто 64 тыс. 378 преступлений, что составляет 25 %; в 2018 г. — 57 тыс. 418, что составляет 26,7 %.

с ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации, в стране признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Действующее гражданское законодательство определяет специальный механизм возникновения права собственности на недвижимые вещи. Ценность недвижимых вещей, высокая потребность в них и определили для государства необходимость обеспечить дополнительные гарантии безопасности владения и неприкосновенности пользования ими. Так, в ст. 131 Гражданского кодекса Российской Федерации читаем: «Право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней». Исключение составляют случаи приобретения недвижимого имущества до 1998 г., т. е. до создания федерального органа исполнительной власти, отвечающего за государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним (см. Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»). До 31 января 1998 г. обязанности по государственной регистрации прав на недвижимое имущество возлагались на бюро технической инвентаризации. Они работали на базе муниципалитетов.

Одновременно с формированием класса собственников предприятий, зданий, сооружений, имущественных комплексов начал формироваться класс собственников земельных участков. В 90-е годы получила свое начало земельная реформа, которая преследовала цель перехода к многообразию форм собственности на землю. Так, совпали интересы общества и государства. У граждан появилась возможность накопленные денежные средства вложить в земельные участки, таким образом, сохранить свои сбережения. Для предпринимателей же земельные участки стали удобным залоговым инструментом. Интересы общества совпали с интересами государства: у него появились новые объекты налогообложения (земельные участки), а также проведен кадастровый учет части территории страны. Однако в период указанной реформы межевание земель осуществлялось без закрепления границ на местности, что повлекло возникновение несоответствия фактических площадей и границ земельных участков данным, указанным в правоустанавливающих документах [6, с. 62]. Процесс устранения данных несоответствий повлек за собой появление преступных проявлений в данной сфере. Для определения содержания криминалистического способа совершения мошенничества в рамках устранения кадастровой ошибки необходимо углубиться в законодательство, регулирующее данный процесс.

Процесс разделения форм собственности на землю стал происходить значительно быстрее после вступления в законную силу 30 октября 2001 г. Земельного кодекса Российской Федерации (№ 137-ФЗ от 25.10.2001).

Необходимо отметить, что, в соответствии с пунктом 10 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», до разграничения государственной собственности на землю государственная регистрация права государственной собственности на землю для осуществления распоряжения землями, находящимися в государственной собственности, не требуется. Распоряжение указанными землями до разграничения государственной собственности на землю осуществляется органами местного самоуправления в пределах их полномочий, если законодательством не предусмотрено иное.

Таким образом, в соответствии со статьей 39.1 Земельного кодекса Российской Федерации основанием возникновения прав на земельные участки являются:

- 1) решения органа государственной власти или органа местного самоуправления в случае предоставления земельного участка в собственность бесплатно или в постоянное (бессрочное) пользование;
- 2) договоры купли-продажи в случае предоставления земельного участка в собственность за плату;
- 3) договоры аренды в случае предоставления земельного участка в аренду;
- 4) договоры безвозмездного пользования в случае предоставления земельного участка в безвозмездное пользование.

Лицам, владеющим земельным участком на ином праве, предписывалось выбрать один из видов права и дальше продолжить его использование на этом основании.

Процесс оформления земельных участков в собственность условно можно разделить на следующие этапы:

1. Определить границы земельного участка. Процедура межевания заключается в том, что кадастровый инженер¹ выезжает на место расположения объектов недвижимости с учетом исторически сложившихся границ, определяет их точки координат, затем формирует схему земельного участка, согласовывает ее со смежными земельными участками (в случае если смежные земельные участки не были поставлены на кадастровый учет). По результатам межевания заказчику выдается межевой план.

¹ Кадастровым инженером признается физическое лицо, являющееся членом саморегулируемой организации кадастровых инженеров. Кадастровый инженер может быть членом только одной саморегулируемой организации кадастровых инженеров.

2. Осуществить постановку участка на кадастровый учет. Для этого требуется утвердить в муниципалитете схему расположения земельного участка, после чего посетить кадастровую палату и представить межевой план и заявление с просьбой о постановке на кадастровый учет. При удовлетворительном решении участку присваивается номер, а собственнику выдают на руки кадастровый паспорт.

3. После получения кадастрового паспорта на земельный участок обратиться с заявлением в муниципалитет о представлении в собственность земельного участка под существующими объектами. Для этого необходимо подать заявление в муниципалитет с просьбой заключить договор купли-продажи, предоставить правоустанавливающие документы на правообладателя недвижимого имущества, копии свидетельств о праве собственности на объекты недвижимости, а также выписки из единого государственного реестра прав.

4. Подписать с администрацией города договор купли-продажи, произвести оплату по договору купли-продажи земельного участка, затем подписать акт о его приеме-передаче.

5. Завершающий этап — государственная регистрация права собственности на земельный участок.

Мы специально раскрыли этапы приобретения в собственность земельного участка, т. к. преследовали цель: сформировать у читателя понимание о порядке выкупа земли, чтобы читатель смог самостоятельно увидеть «проблемные места», на которые следует обратить внимание при выявлении мошеннических действий с земельными участками при использовании правового механизма «техническая (ранее кадастровая) ошибка».

Следует обратить внимание на следующее: словосочетание «кадастровая ошибка» было заменено Федеральным законом от 03.07.2016 № 361-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» на словосочетание «реестровая ошибка». Ранее «кадастровая ошибка» подразумевала исправления в сведениях (воспроизведенная в государственном кадастре недвижимости ошибка в документе, на основании которого вносились сведения в государственный кадастр недвижимости). Замена названия ошибки не повлекла за собой изменения ее содержания, т. е. «кадастровая ошибка» и «реестровая ошибка» — идентичные понятия.

После регистрации права в Едином государственном реестре недвижимости собственник вправе, руководствуясь ст. 61 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»,

исправить ошибки, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости.

Таких ошибок две:

1. Техническая ошибка.
2. Реестровая ошибка.

Техническая ошибка — это описки, опечатки, грамматические, арифметические или другие ошибки такого же плана, которые допущены регистрирующим органом при внесении сведений в единый государственный реестр недвижимости. Такие ошибки содержат признаки халатности, дисциплинарного проступка, но не правонарушения или преступления из области рассматриваемой нами темы.

Реестровая ошибка — это такая ошибка, которая перенесена в Единый государственный реестр недвижимости из документов, представленных в орган, осуществляющий государственную регистрацию права (ч. 3 ст. 61 Закона «О государственной регистрации недвижимости»). Такие ошибки возникают из межевого, технического планов, карты-плана территории или акта обследования и т. д. Они допускаются лицами и органами, которые составили и направили указанные документы, в том числе в порядке межведомственного взаимодействия.

Все реестровые ошибки происходят по следующим причинам: по причине возникновения неточности и по взаимному расположению границ между земельными участками.

Если реестровые ошибки появились по причине возникновения неточности, можно предложить следующую их классификацию:

— ошибки, допущенные при измерении земельных участков (ошибки, возникающие из-за «некачественного оборудования»: ошибки, допущенные из-за халатных действий геодезистов (округление точек координат при проведении замеров и т. д.);

— ошибки, связанные с получением из баз данных государственных органов недостоверных данных (сбой базы данных; ошибки, возникшие при переносе баз данных из одной базы данных в другую, при их замене в государственных органах или муниципальных и т. д.);

— ошибки, связанные с отсутствием единой базы данных между государственными органами и органами местного самоуправления;

— ошибки, связанные с отсутствием взаимодействия между государственными органами и органами местного самоуправления;

— «ошибки», допущенные после представления заведомо ложной информации заявителем.

Следующая группа ошибок — это сложности в определении границ земельного участка.

К таким обстоятельствам относят:

- наложение границ земельных участков;
- межполосица (существование между земельными участками узких полос земли);
- пересечение границ земельных участков;
- разрывом границ земельных участков;
- изменением местонахождения одного земельного участка относительно другого;
- форма участка не соответствует исторически сложившимся границам;
- поворот земельного участка относительно другого.

По мнению Д. В. Антропова и Д. И. Скачковой, к наиболее часто встречающимся кадастровым ошибкам можно отнести наложение (пересечение) границ, а также ошибочное определение координат (из-за ошибки, произошедшей при пересчете из государственной системы координат в местную, когда земельный участок может оказаться не только в другом кадастровом квартале, населенном пункте и т. д., но и, например, в реке) [1].

Действующее законодательство предоставляет следующие основания для исправления технических ошибок:

- решение органа кадастрового учета (в случае обнаружения данным органом технической ошибки);
- поступление в орган кадастрового учета заявления о технической ошибке (от любого лица);
- вступившее в законную силу решение суда об исправлении ошибки.

Техническая ошибка в сведениях подлежит исправлению в срок не более пяти рабочих дней со дня ее обнаружения органом кадастрового учета, поступления в орган кадастрового учета заявления или решения суда.

В случае поступления заявления о технической ошибке орган кадастрового учета обязан проверить содержащуюся в нем информацию и устранить соответствующую техническую ошибку или не позднее рабочего дня, следующего за днем истечения установленного срока, принять решение об отклонении такого заявления с обоснованием причин отклонения, направив данное решение почтовым отправлением обратившемуся с заявлением лицу по указанному в заявлении почтовому адресу. Указанное решение может быть обжаловано в судебном порядке.

При исправлении технической ошибки в сведениях об объекте недвижимости орган кадастрового учета не позднее рабочего дня, следующего за днем принятия решения об исправлении такой ошибки, направляет копию данного решения и один экземпляр кадастрового паспорта объекта недви-

жимости по почтовому адресу правообладателя. Решение об исправлении технической ошибки в сведениях может быть обжаловано в судебном порядке.

Исправление реестровых ошибок возможно двумя способами:

- во внесудебном порядке;
- в судебном порядке.

Приведенные виды реестровых ошибок, безусловно, ставят правоприменителя в непростую ситуацию. Но добропорядочные граждане в случае их выявления вправе обратиться в государственный орган, и последний обязан их исправить. Внесение изменений в юридически значимые действия влечет определенные правовые и неправовые последствия для третьих лиц. Например, могут измениться границы земельного участка, его площади, место нахождения на публичной кадастровой карте, что вполне объяснимо. С другой стороны, при злоупотреблении этим правом лицами, склонными совершать противоправные действия, такое положение закона позволяет воспользоваться этим правом в корыстных целях. Так, в соответствии с п. 2 ст. 42.2. Федерального закона от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» площадь земельного участка при помощи устранения реестровой ошибки можно изменить (в большую сторону) на величину не более 10 %. Учитывая рыночную стоимость земельных участков, размер ущерба от противоправных действий таких лиц может быть значительным, поскольку происходит увеличение площади земельного участка в размере от первоначального значения. Например, земельный участок приобретался с одной площадью, а затем происходит увеличение площади земельного участка на любую величину, возможно, около 5—10 % от первоначальной площади земельного участка.

Криминалистическое содержание способа совершения рассматриваемого вида мошенничества сводится к обману должностного лица государственного органа, наделенного правом выполнять предусмотренный законом механизм устранения реестровой ошибки. Обман выражается в предоставлении документов, содержащих сведения, не соответствующие действительности.

В этой связи на органы, осуществляющие государственный учет недвижимости, ложится дополнительная нагрузка по проведению легитимности представляемых документов на предмет законности исправления реестровой (кадастровой) ошибки. При этом основным элементом, требующим особого внимания со стороны правоприменителей в рамках выявления мошеннических схем в рассматриваемой сфере, будет являться юридическое обоснование, подготовленное для межевого плана кадастровым инженером, на основании которого происходит исправление реестровой ошибки. Как правило,

это обоснование не имеет отношения к фактическим условиям, в которых расположен земельный участок. Анализ представленных документов, соотношение с картами Google Maps, имеющимися материалами межевания, а также фактическим местом расположения земельного участка позволят правоприменителям выявлять факты злоупотребления правом, а в случае свершившегося обстоятельства привлекать к ответственности за совершенное противоправное деяние.

Таким образом, предусмотренный правовой механизм устранения «реестровой ошибки», имеющий своей целью действительное устранение допущенных ошибок и споров о документальных и фактических границах земельных участков, в действительности позволяет злоупотреблять этим правом. Поэтому знание возможных способов таких злоупотреблений, их изучение и анализ позволит удовлетворить существующую потребность в выработке рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению мошенничества, совершенного при устранении реестровой ошибки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антропов Д. В., Скачкова Д. И. Особенности выявления и устранения кадастровых ошибок в сведениях кадастра недвижимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2016. — № 1. — С. 15—20.
2. Гавло В. К. О понятии криминалистического механизма преступления и его значении в расследовании криминальных событий // Алгоритмы и организация решений следственных задач: сб. науч. тр. — Иркутск, 1982. — С. 14—19.
3. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления / Г. Г. Зуйков // Социалистическая законность. — 1971. — № 11. — С. 16.
4. Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. — Тбилиси, 1977. — 233 с.
5. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1967. — 28 с.
6. Скачков М. Е., Шмидт М. В. Землеустроительная экспертиза как инструмент разрешения земельных споров // Землеустройство, кадастр и мониторинг земли. — 2013. — № 4. — С. 62—67.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10012

Ксения Сергеевна Сидорова,

преподаватель кафедры криминалистики
Омской академии МВД России;

Сергей Игоревич Усачев,

преподаватель кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ АВТОСТРАХОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются различные ресурсы информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» — сайты социальных сетей, сайты онлайн-продажи имущества, официальные сайты органов государственной власти с целью использования сведений из них в расследовании преступлений в сфере автострахования, в частности при инсценировке дорожно-транспортного происшествия. Это обусловлено тем, что такие деяния вследствие их тщательной подготовки чаще всего остаются латентными.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», ресурс, преступление, следователь, автострахование, инсценировка, дорожно-транспортное происшествие.

Kseniya Sergeevna Sidorova,

Lecturer of the Department of Criminalistics
Omsk Academy of the MIA of Russia;

Sergei Igorevich Usachev,

Lecturer of the Department of Criminalistics
East Siberian Institute of the MIA of Russia

USE OF THE INTERNET RESOURCES IN THE INVESTIGATION OF FRAUD IN CAR INSURANCES

Abstract. The article discusses the various Internet resources — social networking sites, property online sales sites, official websites of state authorities with the aim of using information from them in the investigation of motor insurance crimes, in particular for staging a traffic accident. This is because such acts due to their careful preparation often remain latent.

Keywords: information and telecommunication network “Internet”, resource, crime, investigator, car insurance, staging, traffic accident.

В период экономической нестабильности населения Российской Федерации, спада уровня доходов неизбежно возникает рост преступлений. Так, по данным ФКУ ГИАЦ МВД России, за 2019 г. половину от всех зарегистрированных преступлений (2 024,3 тыс.) составили хищения чужого имущества, при этом из них 257,2 тыс. составило мошенничество¹. К сожалению, отдельного статистического учета по мошенничеству в сфере автотранспорта ГИАЦ МВД РФ не ведет, однако, по данным годового отчета за 2018 г. Всероссийского Союза страховщиков, страховыми компаниями в правоохранительные органы было направлено 12 тыс. заявлений о возбуждении уголовных дел, связанных с нарушением законодательства. При этом в рамках ОСАГО из них возбуждено 2 тыс. 440 уголовных дел, а по 4 тыс. 604 заявлениям приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, по оставшимся заявлениям решения не приняты².

Не стоит забывать о том, что достаточное количество преступлений остается латентным из-за слабой и необновляемой методической подготовки сотрудников полиции, работников службы безопасности страховых компаний и постоянно совершенствующихся способов совершения мошенничества в сфере автомобильного страхования. Также значительное влияние на латентность данного вида преступлений оказывает тот факт, что для возбуждения уголовного дела и привлечения лиц к уголовной ответственности необходимы значительные временные затраты. Однако в соответствии с Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», страховые компании поставлены в жесткие временные рамки. Так, по общему правилу, если мошенники выполнили все условия для получения денежной выплаты пострадавшему от дорожно-транспортного происшествия (далее — ДТП), то срок этой выплаты составляет 20 календарных дней с момента подачи пострадавшим заявления о наступлении страхового случая³. При отказе в возбуждении уголовного дела мошенники могут через суд, в рамках гражданского судопроизводства, взыскивать со страховых компаний, помимо суммы страхового возмещения, еще и комиссию за нарушение сроков выплаты и штрафные санкции, что в конечном итоге еще больше увеличит расходы страховой компании, и заведомо является экономически невыгодным ей.

¹ Официальный сайт ФКУ ГИАЦ МВД России [Электронный ресурс]. — URL: <http://10.5.0.16/csi/modules> (дата обращения: 27.02.2019).

² Официальный сайт Всероссийского союза страховщиков России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ins-union.ru/> (дата обращения: 25.02.2019).

³ Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федер. закон от 25 апр. 2002 г. № 40-ФЗ (в ред. от 02.12.2019 № 408-ФЗ) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/ (дата обращения: 25.02.2019).

В настоящее время, основываясь на результатах судебной практики, а также специальной литературе, посвященной данной теме, можно выделить наиболее распространенные способы мошенничества в сфере автомобильного автострахования:

- подделка бланков страховых полисов;
- изменение данных, вносимых в оригинальный бланк;
- использование похищенных бланков страховых полисов;
- оформление полиса ОСАГО после произошедшего ДТП;
- подтасовка фактов реального ДТП (подмена водителя, который не был вписан в страховку, время ДТП при истекшем сроке страховки, добавление в перечень повреждений, которые были получены не при данном ДТП;
- провокация ДТП (так называемые автомобильные подставы);
- полная подделка всего пакета документов аварии (большой круг участников, используются материалы уже проведенных экспертиз, поднимаются готовые фототаблицы ранее происходивших ДТП);
- инсценировка ДТП [см., напр., 3, 4, 7, 11].

В данной статье хотелось бы поговорить именно об инсценировке ДТП, т. к. такие деяния из-за детального продумывания и исполнения чаще всего остаются латентными, в них участвует большое количество лиц и проводится тщательная подготовка (подбор автомобилей, поиск и замена дорогостоящих деталей, место и время инсценируемого ДТП, инструктаж всех участников).

Анализ современного законодательства свидетельствует, что следователь, как процессуальное лицо, обязан использовать все возможности, направленные на выяснение обстоятельств уголовного дела [1, с. 56], в том числе и на установление места нахождения всех интересующих лиц и иных объектов (предметов, ценностей и т. п.). Традиционно эта деятельность осуществляется путем производства следственных действий, направления запросов, поручений в различные организации и должностным лицам. В полной мере это относится и к возможностям использования в деятельности следователя ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — сети «Интернет»). Элементы данной деятельности в настоящее время можно обнаружить в материалах проверки сообщения о преступлении, уголовных делах [2, с. 20]. Вместе с тем эффективность такой деятельности, как представляется, можно существенно повысить благодаря обращению следователя к тому или иному ресурсу сети «Интернет». Определенно, являясь зачастую основным источником информации о преступлении, информация, сохранившаяся в сети «Интернет», представляет огромный криминалистический интерес и приобретает статус следовой [5, с. 138]. В этой связи «информация», как продукт жизнедеятельности приобретает огромное значение, в том числе и для правоприменительной деятельности [6, с. 186]. Сведения из ресурсов

сети «Интернет» представляют собой обширную информационную базу о людях, предметах, фактах и событиях, а в целом массив криминалистически значимой информации, который необходимо использовать сотрудникам правоохранительных органов при расследовании преступлений данной категории¹.

Следует констатировать, что тактика поиска в сети «Интернет» будет зависеть от искомого объекта, поскольку специфика обращения к ее ресурсам обусловлена их содержанием. Например, на сайтах социальных сетей целесообразно отыскивать как ориентирующие, так и имеющие доказательственное значение сведения об интересующих лицах, круге их общения, преступных связях, некоторые авторы предлагают использовать такую информацию в целях изучения личности для повышения качества подготовки и производства допроса [8, с. 415]. На сайтах же онлайн-продаж имущества, прежде всего, отыскивают похищенное имущество, а в дальнейшем и сведения о лице, которое разместило объявление. Таким образом, на основании анализа материалов уголовных дел, научных изысканий, при расследовании преступлений в сфере автострахования, с целью установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию и максимально быстрому расследованию преступлений, нам представляется целесообразным использовать следующие ресурсы сети «Интернет»:

1. Использование сайтов социальных сетей при изучении личности участника предварительного расследования (потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и т. п.). Важно отметить, что в наше время в сети «Интернет» люди самостоятельно публикуют различного характера сведения о себе — личные данные, фотографии, видеофайлы, которые находятся в свободном доступе и открыты широкой аудитории интернет-пользователей, если доступ к аккаунту не ограничен настройками. В связи с этим объектом поиска на таких ресурсах зачастую является аккаунт пользователя (физического лица).

Анализ информации о пользователях, получаемых с сайтов социальных сетей, показал, что следователь может получить несколько групп сведений:

— информацию, которую пользователь указывает о себе самостоятельно (имя, фамилия, пол, номер мобильного телефона и (или) адрес электронной почты, семейное положение, дату рождения, родной город, родственные связи, домашний адрес, информацию об образовании, контакты, в том

¹ РАЭК: аудитория Рунета достигла 92,8 млн человек. Согласно статистическим данным, число пользователей сети «Интернет» в 2019 г. достигло 92,8 млн человек, что составляет 76 % населения РФ, причем, как отмечается, прирост пользователей сети «Интернет» происходит за счет людей старшего возраста, поскольку большая часть молодого населения давно использует сеть «Интернет» [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2019/04/17/raek-auditoria-runeta-dostigla-928-milliona-chelovek.html> (дата обращения: 01.03.2020).

числе и используемые аккаунты в других социальных сетях и электронных сервисах общения, свои интересы, сведения об образовании, карьере, военной службе, а также статусы, записи в микроблоге («стена»), фотографии, аудиозаписи, видеозаписи, комментарии, записи в обсуждениях групп, отметки, сделанные на видеозаписях и фотографиях другими пользователями, информация о вступлении в группу (выходе из группы), добавлении других пользователей в список друзей, принятии участия (отказа от участия) во встречах);

— информацию, которая имеется у организатора распространения информации, в частности, у администратора сайта социальной сети (данные о технических средствах (устройствах), технологическом взаимодействии с сайтом (в том числе IP-адрес хоста, вид операционной системы пользователя, тип браузера, географическое положение, поставщик услуг Интернета, данные из адресной книги), переписка пользователя).

Стремительное развитие всех сфер деятельности в настоящее время диктует необходимость сотрудникам органов внутренних дел идти в ногу со временем, использовать в процессе раскрытия, расследования и пресечения преступлений современные достижения науки и техники [9, с. 128]. Поисковая деятельность сотрудника правоохранительных органов будет состоять как в непосредственном поиске всей общедоступной информации о пользователе на том или ином сайте (все сведения, указанные пользователем на сайте и доступные другим пользователям), так и подготовкой к проведению отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на сбор информации о пользователе, имеющейся у администратора сайта.

В рамках непосредственного поиска имеется возможность отыскать аккаунт пользователя по имени, фамилии, фотографии и другим параметрам. Для этого необходимо перейти по ссылке на какой-либо сайт социальной сети и нажать на кнопку с надписью «поиск», указав при этом параметры, по которым пользователя предполагается найти. Сайты социальных сетей позволяют осуществлять такие действия.

Если по имени и фамилии отыскать аккаунт пользователя на сайте не представляет существенных сложностей, то достаточно затруднительно осуществлять поиск по фотографии и геометкам, для этого используют возможности различных сайтов социальных сетей, таких как vk.com, instagram.com, facebook.com, twitter.com.

Например, поиск фотографий по месту, где они были сделаны. Для этого необходимо найти фотографии, которые были сделаны неподалеку от места дорожно-транспортного происшествия по адресу: г. Омск, пр. Комарова, д. 9, корп. 1. Для этого необходимо перейти на сайт vk.com, открыть свой профиль и выполнить следующие команды: «Новости/ Поиск/ Параметры поиска/Геолокация». Выбираем нужное место на открывшейся карте,

нажимаем на «Искать по записям неподалеку». В поисковом поле появляются необходимые координаты. Копируем их и вставляем в поле для поиска по фото и получаем его. Дальнейшие действия следователя направлены на изучение таких фото и решением вопроса об их использовании в расследовании (аналогичным образом можно производить поиск по геометкам и на иных сайтах социальных сетей).

В рамках подготовки следователя к проведению отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на сбор информации о пользователе, имеющейся у администратора сайта важно отметить аспект, который касается направления запроса администратору сайта. Такие запросы имеют немалое значение, поскольку в ответах на них возможно получить более подробную информацию о пользователе, технические данные, по которым можно будет идентифицировать физическое лицо по аккаунту.

Более того, согласно действующему законодательству, государство обязано хранить текстовые сообщения пользователей сети «Интернет», голосовую информацию, изображения и иные электронные сообщения пользователей сети «Интернет». В соответствии со ст. 10.1 Федерального закона № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» срок хранения электронных сообщений составляет шесть месяцев, иных сведений — один год¹.

Поэтому, установив сайт социальной сети, на котором зарегистрирован пользователь (интересующее орган расследования физическое лицо), следует направить запрос в администрацию этого сайта с требованием предоставить:

- данные, которые указывало лицо при регистрации аккаунта на сайте (Ф. И. О., телефон, копия паспорта, электронная почта и иная имеющаяся информация);
- используемые лицом IP-адреса в интересующий период времени (следователем или дознавателем указывается точный промежуток времени, который его интересует в формате «час, минута, секунда»);
- сведения о платежных операциях, проведенных пользователем в интересующий период времени;
- электронная переписка пользователя в интересующий период времени;
- иные сведения, которые содержатся у администратора по поводу данного пользователя и подключений, которые им осуществлялись в указанный промежуток времени.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019 № 427-ФЗ) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 22.02.2020).

В данном случае также необходимо постановление суда о разрешении получения такой информации, так как она будет являться персональными данными пользователя.

2. Ранее мы отметили, что объектами поиска в рамках расследования преступлений в сфере автострахования могут быть не только физические лица, которые часто скупают и в дальнейшем продают поврежденные детали и автомобили в результате совершенного преступления, но и предметы, например, похищенное имущество, которое активно сбывают через сеть «Интернет». Что касается расследования преступлений в сфере автострахования, то объектами поиска являются — автомобили с определенными повреждениями либо определенные запчасти с дефектами (автомобильные фары, бампера, использованные подушки безопасности блоки SRS).

В таком случае следователю может быть неизвестен конкретный сайт, используя который, подозреваемый продает похищенное имущество. Таким образом, путем уточнения поисковых запросов необходимо ввести параметры, по которым ищут тот или иной предмет в поисковой строке интернет-поисковой системы, в результате такого запроса появятся ссылки на сайты онлайн—продажи имущества.

Среди наиболее популярных сайтов объявлений на сегодняшний день выделяют: edc.sale.ru; avito.ru; youla.ru/; irr.ru; dorus.ru; inkado.ru; drom.ru¹.

Следует отметить, что данный перечень не является исчерпывающим, а вышеперечисленные интернет-сайты в настоящий промежуток времени являются наиболее посещаемыми и востребованными.

Отыскав объявление о продаже имущества, которое совпадает с похищенным, дальнейшие действия следователя должны быть направлены на установление лица, опубликовавшего данное объявление. Поскольку на некоторых таких сайтах регистрация пользователя не требуется, а там, где она обязательна, пользователи оставляют минимальный объем информации о себе, то более подробный перечень сведений возможно получить у администратора того или иного сайта. Таким образом, следователь направляет запрос администратору сайта с требованием предоставить определенные сведения:

- полные данные, указанные лицом с абонентским номером (+7-913...) при подаче объявления (фамилия, имя, отчество, адрес, телефон);
- используемые пользователем IP-адреса в интересующий период времени;

¹ Самые посещаемые бесплатные доски объявлений в Интернете [Электронный ресурс] — URL: <http://pesoa.ru/servisy-i-uslugi/samyeh-poseshhaemyeh-besplatnyeh-doski-obyavlenij-v-internete.html> (дата обращения: 01.03.2020); Пять самых популярных досок объявлений [Электронный ресурс]. — URL: <https://expert.ru/2018/08/10/5-samyh-populyarnyh-dosok-obyavleniy/> (дата обращения: 01.03.2020).

— сведения о платежных операциях, проведенных пользователем в интересующий период времени;

— электронная переписка пользователя в интересующий период времени;

— все объявления, которые размещало лицо с абонентским номером (+7-913...), с указанием дат их создания и удаления с сайта;

— иные сведения, которые содержатся по поводу данного пользователя и операций, которые им осуществлялись в указанный промежуток времени.

3. Помимо сайтов социальных сетей и других сайтов негосударственных учреждений также можно разыскивать сведения о физическом лице и иных объектах и на интернет-ресурсах органов государственной власти. Действующие нормативные правовые акты обязывают различные государственные органы, органы местного самоуправления размещать доступную информацию в сети «Интернет», например, Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Кроме того, согласно Инструкции по эксплуатации аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России», утвержденной приказом МВД России от 14 января 2013 г. № 15 «О вводе в эксплуатацию аппаратно-программного комплекса „Официальный интернет-сайт МВД России“» в редакции приказа МВД России от 6 августа 2014 г. № 667, одной из основных задач данного комплекса является публикация информации о разыскиваемых МВД лицах.

С целью осуществления поиска на таких ресурсах необходим более полный и точный перечень сведений о лице:

— фамилия, имя, отчество;

— дата рождения;

— место рождения;

— данные документа, удостоверяющего личность (например, серия, номер, дата выдачи, орган, где выдавался паспорт);

— идентификационный номер налогоплательщика (ИНН);

— страховой номер индивидуального лицевого счета (СНИЛС);

— данные водительского удостоверения, идентификационный номер транспортного средства (VIN), государственный регистрационный знак, свидетельство о регистрации транспортного средства.

Соответственно, объектом розыска на таких ресурсах является не только физическое лицо, но и транспортное средство.

Подводя итог, отметим, что в современной России одной из приоритетных и актуальных задач является снижение уровня преступности и увеличение роста профилактических мероприятий [10, с. 45]. В этой связи указанные в работе современные направления поиска в сети «Интернет» поз-

волят существенным образом повысить эффективность расследования путем совершенствования имеющихся сил и средств правоохранительных органов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Варданян А. В. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы // *Философия права*. — 2019. — № 2 (89). — С. 56—60.
2. Грибунов О. П., Малыхина Е. А. Использование специальных знаний при расследовании хищений объектов железнодорожного транспорта: проблемы и перспективы развития // *Эксперт-криминалист*. — 2019. — № 1. — С. 20—22.
3. Казанцев С. Я., Уразбахтин М. М. Способы совершения и сокрытия мошенничества в области автостраования // *Закон и право*. — 2011. — № 7. — С. 63—65.
4. Овчинников Ю. Г., Корбут С. А. Способы фальсификации обстоятельств ДТП при совершении мошеннических действий в сфере обязательного страхования // *Закон и право*. — 2008. — № 9. — С. 80—81.
5. Третьякова Е. И. Проблемы изъятия криминалистически значимой информации из сети «Интернет» // *Алтайский юридический вестник*. — 2018. — № 4 (24). — С. 137—140.
6. Третьякова Е. И. Соблюдение конституционных прав при осмотре мобильного телефона // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. — 2018. — № 4 (8). — С. 186—191.
7. Халиков А. Н. Выявление и расследование преступлений в сфере автостраования, совершенных с участием сотрудников ГИБДД // *Законность*. — 2006. — № 1 (855). — С. 22—25 и др.
8. Шаевич А. А. Возможности изучения личности при подготовке и организации допроса // *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI междунар. науч.-практ. конф.* — 2016. — С. 415—418.
9. Грибунов О. П. Использование специальных знаний в раскрытии краж автотранспортных средств // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. — 2019. — № 3 (90). — С. 125—132.
10. Малыхина Е. А., Ефименко С. А., Ефименко В. А. К вопросу о совершенствовании деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению краж, совершаемых в пассажирских поездах [Электронный ресурс] // *Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России*. — 2020. — № 1 (4). — С. 45—49. — Электрон. текст. данные (1 880 064 байт). — 60 электрон. опт. дисков (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.
11. Варданян А. В., Грибунов О. П., Трубкина О. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования: моногр. — Иркутск: ВСИ МВД России, 2016. — 152 с.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10013

Александр Борисович Смушкин,

доцент кафедры криминалистики

Саратовской государственной юридической академии,

кандидат юридических наук, доцент

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация. В статье анализируются мнения ученых относительно целей, задач и функций учений, рассматривающих криминалистическое исследование и использование электронных устройств и электронной информации. По результатам анализа в статье формулируется авторское видение списка целей и задач электронной цифровой криминалистики, а также специфики реализации ее познавательной, конструктивной и прогностической функций.

Ключевые слова: электронная цифровая криминалистика, дигитология, форензика, киберкриминалистика, цели электронной цифровой криминалистики, задачи электронной цифровой криминалистики, функции электронной цифровой криминалистики

Aleksandr Borisowihs Smuskin,

Associate Professor at the Department of criminalistics

Saratov State Law Academy,

Candidate of Law, Associate Professor.

GOALS, TASKS AND FUNCTIONS OF ELECTRONIC DIGITAL FORENSICS

Abstract. The article surveys the views of scientists on the goals, objectives and functions of doctrine dealing with forensic research and the use of electronic devices and electronic information. Based on a review the article formulates the author's vision of the list of goals and objectives of electronic digital forensics, as well as the specifics of its cognitive, constructive and prognostic functions.

Keywords: electronic digital forensics, digitology, forensics, cybercrime, the tasks of electronic digital forensics, the functions of electronic digital forensics.

Активная цифровизация всех сфер человеческой деятельности, усиливающаяся техническая оснащенность криминальных структур приводят к необходимости разработок частных теорий и учений, направленных на обеспечение использования электронной техники в ходе расследования преступлений, а также на обнаружение, фиксацию, исследование и использование электронной информации и информационно-технологических устройств.

Различные авторы предлагали свои частные криминалистические теории, рассматривающие указанную сферу деятельности. Так, Н. Н. Федотов

предложил наименование «форензика» [1, с. 11], П. С. Пастухов и И. Д. Мальцагов — «компьютерная криминалистика» [2, с. 453; 3, с. 44—48], М. А. Романенко предлагает именовать данное учение «Судебная дигитология» [4, с. 148], Д. А. Степаненко — «киберкриминалистика» [5, с. 107], В. Я. Колдин — «исследование компьютерной информации на электронных носителях» [6, с. 389—341], М. М. Менжега и Н. А. Финогенов — «исследование электронной информации» [7, с. 76].

Однако многие из указанных авторов проводили исследования и опубликовали результаты значительное время назад. Мы можем согласиться с В. Б. Веховым, что «Парадоксальным является тот факт, что некоторые научные и методические разработки (в том числе описываемые в них категории) теряют свою актуальность и значимость уже на стадии их опубликования по причине морального и технологического „старения“ программно-технических средств и конкретной связанной с ними компьютерной технологии» [8, с. 22]. Фактически разрозненные исследования просто не успевают воплотиться в педагогическую и правоохранительную практику до их устаревания. Выход нам видится в разработке единой частной теории объединяющей и существующие, и перспективные элементы, являющейся не очередным экстенсивным шагом познания окружающей действительности, а цельной системой, приобретающей более высокое значение. В наших предыдущих публикациях мы указали на необходимость ограничить предполагаемую теорию от остальных информационно-коммуникативных технологий сочетанием категорий «электронная» и «цифровая» и использованием наименования «Электронная цифровая криминалистика» [9, с. 15—21]. При этом основным содержанием данной концепции мы видим собирание, исследование и использование электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств.

Представляется необходимым проанализировать основные мнения по вопросу целей, задач и функций, предлагаемых авторами частных теорий, учений и разделов в рассматриваемой сфере, и на основе анализа сформулировать свое видение указанных вопросов, отвечающее потребностям сегодняшнего дня и уровню развития современной техники.

Относительно целей, предлагаемых авторами частных теорий (подотраслей, подразделов и т. д.), можно отметить постоянно ведущуюся дискуссию не только среди отечественных, но и среди зарубежных ученых. Так, рассматривая данное направление исследования, Г. Палмер (G. Palmer) целью исследований называл: «использование научно обоснованных и доказанных методов для сохранения, сбора, проверки, идентификации, анализа, интерпретации, документирования и представления цифровых доказательств, полученных из цифровых источников, с целью облегчения или содействия реконструкции событий, признанных преступными, или оказания помощи в предвидении несанкционированных действий, которые, как представляется, нарушают запланированные операции» [10, с. 16]. Он подразделял данное направление исследования на компьютерно-техническую экспертизу, сетевую криминалистику и видео-криминалистику.

Уорен Г. П. Круз и Джей Г. Хайзер (Warren G. P. Kruse, Jay G. Heiser) относили к задачам компьютерной криминалистики «сохранение, идентификацию, извлечение, документирование и интерпретацию компьютерных данных» [11, с. 2].

И. В. Медведев указал, что «Форензика занимается сбором, исследованием, оценкой следов преступлений в компьютерной области, а также разрабатывает систему специальных приемов, методов и средств, применяемых в ходе предварительного следствия для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также при рассмотрении уголовных дел в судах» [12, с. 66]. Данное определение абсолютно не раскрывает, что имеет в виду автор под компьютерной областью, какие электронные устройства относятся им к компьютерным. Вторая же часть определения вообще не содержит привязки к специфической сфере электронных следов и электронных доказательств, излагая чуть отредактированный подход к общему термину «тактические приемы».

П. С. Пастухов указывает, что: «компьютерная криминалистика своим содержанием включает обнаружение, восстановление данных, собирание электронных доказательств, криминалистический анализ компьютерных средств и данных, направленных на раскрытие и расследование преступлений. Другими словами, компьютерная криминалистика — это сбор, сохранение, анализ и представление данных, связанных с любыми компьютерными средствами, мобильными сотовыми телефонами, любыми устройствами, фиксирующими информацию в цифровой форме» [2, с. 453].

Несколько иначе подходят к содержанию форензики Н. В. Шухова, А. Л. Снигирев и некоторые другие авторы. Они включают в форензику следующие задачи:

- 1) разработка тактики ОРМ и следственных действий, связанных с компьютерной информацией;
- 2) создание методов, аппаратных и программных инструментов для сбора и исследования доказательств компьютерных преступлений;
- 3) установление криминалистических характеристик правонарушений, связанных с компьютерной информацией [13, с. 331; 14, с. 8].

Говоря иными словами, в рамках форензики ими называются элементы криминалистической тактики (причем с учетом тактики ОРМ, даже несколько выходящие за пределы криминалистической тактики), криминалистической техники и элементы частной методики расследования.

Нам представляется, что общей задачей электронной цифровой криминалистики является оптимизация научными разработками деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Эта общая задача реализуется в ряде частных задач:

- дальнейшее исследование закономерностей, представляющих предмет электронной цифровой криминалистики;
- разработка новых и оптимизация имеющихся технических средств и программно-аппаратных комплексов, используемых для обнаружения,

фиксации, изъятия, исследования и использования электронной цифровой информации и ее носителей;

— разработка новых и оптимизация имеющихся тактических приемов, используемых при работе с электронной цифровой информацией;

— изучение зарубежного опыта и теоретических разработок в области электронной цифровой криминалистики и оценка возможности его использования в отечественных условиях;

— внедрение научных теоретических разработок, а также технических средств и программно-аппаратных комплексов в практическую правоохранительную деятельность.

В. Б. Вехов достаточно подробно, применительно к предлагаемой им теории криминалистического компьютероведения, отметил реализацию познавательной и конструктивной функций [15, с. 8]. Основываясь на его подходе, мы также можем отметить, что объектом познавательной функции частной теории электронной цифровой криминалистики является электронная цифровая информация, ее носители и иные информационно-технические устройства, обстоятельства их вовлечения в механизм совершения преступления, следообразование в киберпространстве, эффективное использование электронной цифровой информации, информационно-технологических устройств, мобильных, сетевых и облачных сервисов при криминалистической деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений, а также иное применение в целях оптимизации процесса выявления расследования и раскрытия преступлений. В элементы познавательной функции входит, на наш взгляд, и компаративистское исследование зарубежного опыта.

Однако не вся информация, устройства, носители, следы и т. д. следует относить к объектам познавательной функции, а только их криминалистически значимые аспекты, поскольку криминалистика может пользоваться достижениями иных наук (кибернетики и т. д.), но не должна их дублировать.

К объектам конструктивной функции можно отнести создаваемые и совершенствуемые технические и программно-аппаратные средства работы с электронной цифровой информацией и информационно-технологическими устройствами, а также концепции, средства, приемы методы и рекомендации технического, организационного, тактического или методического характера по оптимизации обнаружения, фиксации, исследования и использования указанных объектов и противодействия преступности в рассматриваемой сфере.

Кроме того, нам представляется необходимым также выделить функции (назовем ее условно прогностической), в которую можно включить анализ новых угроз информационной безопасности и критической информационной инфраструктуре, разработку перспективных методик расследования преступлений, могущие в ближайшее время получить широкое распространение, прогнозирование новых способов совершения киберпреступлений для выработки криминалистических мер противодействия им.

Таким образом, нам представляется, что специфика частной криминалистической теории электронной цифровой криминалистики (теории собира-

ния, исследования и использования электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств) позволяет ограничить круг ее целей и задач. При этом теория выполняет познавательную, конструктивную и прогностическую функцию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федотов Н. Н. Форензика — компьютерная криминалистика. — М., Юрид. мир, 2007. — 432 с.
2. Пастухов П. С. О необходимости развития компьютерной криминалистики // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. — 2018. — № 1. — С. 479—488.
3. Мальцагов И. Д. Современные технологии в расследовании преступлений: компьютерная криминалистика // Экономика. Бизнес. Право. — 2018. — № 4—6 (26). — С. 44—48.
4. Романенко М. А. Судебная дигитология современный взгляд на содержание криминалистической техники // Вестник Омского университета. Сер.: Право. — 2007. — № 1 (10). — С. 147—155.
5. Степаненко Д. А. Криминалистическая наука в реалиях информационного общества // Криминалистические чтения на Байкале-2015: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Д. А. Степаненко. — Иркутск: Вост. Сиб. фил. ФГБОУ ВО «РГУП», 2015. — С. 296—299.
6. Криминалистика: информационные технологии доказывания: учебник / Под ред. В. Я. Колдина. — М.: Зерцало, 2007. — 752 с.
7. Менжега М. М., Финогенов Н. А. Использование электронной информации при расследовании преступлений: моногр. — Саратов: ИЦ «Наука», 2018. — 91 с.
8. Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. — Волгоград, 2008. — 561 с.
9. Смушкин А. Б. К вопросу о наименовании теории «Электронная цифровая криминалистика» // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. — 2019. — № 1 (13). — С. 15—21.
10. Palmer G.: A road map for digital forensic research. Report from the First Digital Forensic Research Workshop (DFRWS) (2001). — 42 p.
11. Warren G II Kruse, Jay G. Heiser Computer Forensics: Incident Response Essentials. Addison-Wesley, 2002. — 392 p.
12. Медведев И. В. Компьютерная криминалистика «Форензика» и киберпреступность в России // Пролог: журнал о праве. — 2013. — № 3. — С. 66—69.
13. Шухова Н. В., Снигирев А. Л. О роли форензики в криминалистическом обеспечении расследования преступлений // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: XX междунар. науч. конф. Москва, 24—25 мая 2011 г. — М.: Изд-во: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации (Москва), 2011. — С. 331—333.
14. Компьютерная криминалистика: лабораторный практикум /авт.-сост. И. А. Калмыков, В. С. Пелешенко. — Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. — 84 с.
15. Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: моногр. — Волгоград: ВА МВД России, 2008. — 404 с.

УДК 343.721

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10014

Сергей Владимирович Тимофеев,

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники в ОВД

Восточно-Сибирского института МВД России;

Вадим Рафаэлевич Арутюнян,

старший преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности
Краснодарского университета МВД России

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ХОДЕ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с нормативным регулированием деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по привлечению специалистов к проведению оперативно-розыскных мероприятий в ходе выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также предложены меры по совершенствованию данного направления деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, специалист, наркоторговля, сбыт наркотических средств, психотропные вещества, извлечение, восстановление, мобильное устройство, электронные носители информации, использование, результаты, оперативно-служебные документы, изменения, законодательство.

Sergey Vladimirovich Timofeev,

Senior Lecturer at the of the Department of Operative Search Activity and
Special Technology in the internal Affairs bodies
of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia;

Vadim Rafaelevich Harutyunyan,

Senior Lecturer of the Department of forensic activities
of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ABOUT SOME ASPECTS OF THE INVOLVEMENT OF A PROFESSIONAL IN THE PROCESS OF THE SEIZURE OF ELECTRONIC DATA STORAGES DURING OPERATIVE SEARCH OPERATIONS

Abstract. The article discusses problematic issues related to the normative regulation of the activities of the operational units of the internal affairs bodies to attract specialists to conduct operational-search measures during the identification, suppression and disclosure of crimes related to drug trafficking. The article proposes measures to improve these activities.

Keywords: operational-search activities, operational-search measures, specialist, drug trafficking, sale of narcotic drugs, psychotropic substances, extraction, recovery, mobile device, electronic storage media, use, results, operational-service documents, changes, legislation.

Повышение эффективности оперативно-розыскного противодействия сбыту наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, осуществляемому с использованием цифровых технологий, остается важной задачей правоохранительных органов Российской Федерации (далее — РФ). Это обусловлено бурным развитием информационных технологий и относительной доступностью средств мобильной связи, с помощью которых и совершаются преступления данной категории. Кроме того, приоритетность данного направления оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов РФ неоднократно подчеркивал в своих выступлениях президент Российской Федерации В. В. Путин [2].

При этом приходится констатировать, что уровень сетевой наркопреступности среди населения, особенно молодежного возраста, имеет тенденцию к росту, что требует от оперативных подразделений органов внутренних дел (далее — ОВД) внедрение и использование эффективных методов и средств борьбы с киберпреступностью. Так же ключевым признаком сетевой преступности является ее организованный характер и высокий уровень внедрения и использования современных информационно-телекоммуникационных технологий. Это обусловлено бурным развитием информационных технологий в целом в мире, доступностью средств мобильной связи, с помощью которых и совершаются преступления данной категории.

Согласно официальной статистике, число преступлений с использованием цифровых технологий растет из года в год. Анализ статистических данных показал, что в РФ за 2017 г. зарегистрировано 90 тыс. 587 преступлений, за 2018 г. — уже 174 тыс. 674 преступления, что на 92,8 % больше аналогичного периода предыдущего года. Тенденция роста киберпреступлений была отмечена и в 2019 г. Так за 9 месяцев 2019 г. на территории РФ было зарегистрировано 205,1 тыс. киберпреступлений, что на 69,1 % больше, чем за аналогичный период 2018 г. По прогнозам специалистов, уже в 2020 г. 85 % населения РФ будут использовать доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — сеть «Интернет»).

В настоящее время практически каждый человек пользуется мобильным устройством, представляющим собой современное вычислительное устройство, снабженное мощным аппаратным комплексом и сложным программным обеспечением с возможности выхода в сеть «Интернет». Значение средств мобильной связи для коммуникации и ведения дел вовлекло его в сложные социальные процессы.

Мобильный телефон предназначен не только для звонков и передачи текстовых сообщений, но и имеет функции хранения различного вида информации: создание и воспроизведение текстовых, графических, аудио- и видеофайлов, передачи информации по каналам (электронной почте, мессенджерам и т. д.). Являясь электронным носителем информации, практически каждый современный мобильный телефон осуществляет выход пользователя в сеть «Интернет», что позволяет производить мгновенный доступ к информации, используя различные приложения. Указанный функционал позволяет общаться, осуществлять финансовые операции, управлять счетами в банках, использовать устройство для оплаты и получения платежей, в том числе в условиях обеспечения частичной или полной анонимности.

Нам импонирует точка зрения Е. И. Третьяковой о том, что в настоящее время средство мобильной связи становится чаще всего не предметом преступного посягательства, а средством его совершения. И в этом случае наибольший интерес представляет не сам предмет с его внешними индивидуальными характеристиками, а информация, хранящаяся в его памяти [5, с. 49].

В целях решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) по оперативно-розыскному противодействию сбыту наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, законодатель предусмотрел комплекс мер. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, могут изымать документы, предметы, материалы и сообщения, прерывать предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РФ¹.

Оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ), связанные с осмотром и изъятием с электронных носителей информации, требуют особой подготовки, наличия специальных знаний и четкой регламентации в Законе об ОРД. Анализ судебной и следственной практики показал, что существуют проблемные вопросы на законодательном уровне. Об этом свидетельствуют практика апелляционных и кассационных сторон защиты по уголовным делам, детерминированные отсутствием единого подхода к процедуре осмотра и изъятия электронных носителей информации и порядка привлечения специалистов к проведению ОРМ.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.02.2020).

Обязательное привлечение к участию в ОРМ специалистов в ходе осуществления сотрудниками оперативных подразделений ОВД осмотра и изъятия средств мобильной связи действующим законодательством не предусмотрено. Однако, по нашему мнению, оно необходимо, в связи с тем, что зачастую информация, носителем которых является мобильное устройство, является не только основным доказательством по уголовному делу, но и дает возможность более качественно провести комплекс ОРМ по документированию преступной деятельности объектов оперативной заинтересованности, установлению ранее не известных инициаторам оперативной разработки соучастников криминальной деятельности.

Приведенные цифры и сказанное свидетельствует о наличии серьезных упущений в деятельности оперативных подразделений ОВД в связи с отсутствием повсеместной практики применения научно-технических достижений как средств информационного обеспечения предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений данными о лицах, событиях, действиях или фактах, представляющих оперативный интерес. Помимо этого отсутствует однозначный подход к осмотру и изъятию электронных носителей информации.

Проведенный опрос сотрудников оперативных подразделений ОВД свидетельствует о том, что в большинстве регионах РФ при проведении ОРМ в ходе документирования организованных групп, при задержании их участников электронные носители информации изымаются и направляются вместе оперативно-служебными документами в органы предварительного следствия для приобщения к материалам уголовного дела. При этом практика проведения ОРМ «Исследование предметов и документов», «Снятие информации с технических каналов связи» посредством назначения компьютерно-технического исследования и использования современных программно-аппаратных комплексов используется крайне редко. Основной причиной подобной практики является низкий уровень осведомленности сотрудников оперативных подразделений ОВД об их возможностях и недостатки организационно-штатной структуры оперативных подразделений ОВД.

Следует отметить, что во всех территориальных подразделениях ОВД внедрены и активно используются в их деятельности современные программно-технические комплексы. Анализ практики засвидетельствовал, что число специалистов, имеющих соответствующие компетенции в области информационно-телекоммуникационных технологий, недостаточно. В основном имеющиеся специалисты привлекаются органами предварительного следствия для проведения судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании уголовных дел, а не на стадии оперативной разработки.

Особого внимания заслуживает мнение В. Б. Батоева о проблеме использования оперативными подразделениями ОВД современных программно-технических комплексов: «качественное улучшение информационного

обеспечения деятельности оперативных подразделений ОВД возможно за счет внедрения и использования современных программно-технических комплексов извлечения информации из памяти мобильных устройств, таких как: „Мобильный криминалист“, XRY, MOBILedit, TARANTULA EDEC, UFED и др. В целом использование таких устройств извлечения оперативно значимой информации дает возможность сотрудникам оперативных подразделений ОВД извлекать важнейшие данные из памяти изъятых или обнаруженных мобильных устройств» [1, с. 216—219].

Кроме того, практика направления в органы предварительного следствия изъятых в установленном Законом об ОРД порядке электронных носителей информации, без проведения ОРМ с привлечением лиц, имеющих специальные знания, ограничивает потенциал оперативных подразделений по изобличению ранее не известных или не установленных участников организованных групп.

Важно подчеркнуть, что проведение такого ОРМ, как оперативное внедрение, т. е. непосредственное (или опосредованное) проникновение в преступную группу или установление соответствующих отношений с конкретным лицом для завоевания доверия и решения частных задач ОРД методом ведения «оперативной игры» в виде электронной переписки через средства связи, изъятые в соответствии с Законом об ОРД, позволяет расширить инструментарий оперативных подразделений ОВД по эффективному документированию преступных групп [4, с. 56].

Понятие «оперативная игра», как отмечает Н. С. Железняк, «описывается советскими органами государственной безопасности как система операций и мероприятий, в ходе которых орган государственной безопасности от имени и при участии двойного агента систематически направляет противнику различного рода дезинформационные сведения и отчеты агента с легендированными данными о его деятельности. В результате оперативной игры действия противника оказывались под контролем органов государственной безопасности и с помощью агента направлялись в выгодном им направлении. Оперативные игры, в которых использовались полученные двойным агентом от противника радиосредства, назывались радиоиграми» [3, с. 27—32].

Другой проблемой, связанной с осмотром и изъятием электронных носителей информации в ходе проведения ОРМ, является особая процедура осмотра. Осмотр электронных сведений на стадии проведения оперативно-розыскных мероприятий затрагивает конституционные права граждан, т. к., в соответствии с ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений». Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Исходя из требований закона, сотрудники оперативных подразделений, осуществляя комплекс оперативно-розыскных мероприятий, должны забла-

говременно получить соответствующее судебное решение на проведение ОРМ «Исследование предметов и документов», «Снятие информации с технических каналов связи», что позволит беспрепятственно, на законных основаниях решать широкий круг задач ОРД.

Следует согласиться с мнением тех авторов, которые утверждают, что «для выявления или раскрытия данных противоправных деяний должностным лицам оперативных подразделений ОВД необходимо осуществлять изъятие и сохранение различных материальных объектов, прямо или косвенно связанных с компьютерной техникой и электронными носителями информации в целях:

- выявления и раскрытия преступлений;
- обеспечения их сохранности и дальнейшего использования в качестве доказательств;
- дальнейшего их исследования;
- документирования преступных действий» [6, с. 143—147].

Проведенный нами анализ работы оперативных подразделений ОВД по привлечению специалистов к изъятию электронных носителей информации свидетельствует о том, что успех их деятельности по раскрытию преступлений, наряду с другими факторами, в определенной мере зависит от своевременного и эффективного использования достижений научно-технического прогресса. Однако анализ практики показал, что без привлечения специалистов и использования специальных знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий, в ходе проведения ОРМ, которые носят негласный характер, значительно снижается имеющийся потенциал добывания оперативно значимой информации, которая в дальнейшем, после процессуального закрепления, будет иметь доказательственное значение по уголовному делу.

С этой целью мы предлагаем дополнить п. 2 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД следующей редакцией: «При подготовке или проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий, связанных с изъятием электронных носителей информации органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, привлекают, с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия, в том числе по контракту, лицо (лиц), обладающее(-их) специальными знаниями в области информационно-телекоммуникационных технологий».

Таким образом, соглашаясь с необходимостью дальнейшего совершенствования оперативно-розыскного законодательства в части более эффективного проведения ОРМ для добывания и использования оперативно значимой информации в электронном виде, мы считаем, что привлечение специалистов к осмотру и изъятию электронных носителей информации значительно повысит результативность решения задач ОРД. Наиболее перспективным направлением, способным расширить возможности использования доказательств

в электронном виде, является, по нашему мнению, обеспечение оперативных подразделений современными программно-аппаратными комплексами, обучение сотрудников данных подразделений приемам и методам работы с электронными носителями информации, расширение практики проведения комплексных ОРМ, в ходе которых будут получены сведения, изобличающие широкий круг лиц, причастных к организованным формам сетевой преступности, также частично решит вопрос отсутствия объективной возможности привлекать к участию в ОРМ соответствующих специалистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Батоев В. Б. Особенности применения UFED в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2015. — № 1 (3). — С. 216—219.

2. Выступление Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России (Москва, 28 февр. 2019 г.) // Официальный сайт Администрации Президента РФ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/news/59913> (дата обращения: 10.02.2020).

3. Железняк Н. С. Использование изъятых средств связи в оперативной игре // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2019. — № 3 (74). — С. 27—32.

4. Термины и выражения, применяемые в оперативно-розыскной деятельности: слов.-справ. / под ред. Н. С. Железняка. — Красноярск, 2015. — 132 с.

5. Третьякова Е. И. Мобильный телефон как источник криминалистической информации // Вестник Уральского финансово-юридического института. — 2018. — № 3 (13). — С. 49—51.

6. Шахматов А. В., Бажуков В. Б. Оперативно-розыскное исследование электронных носителей информации при выявлении и раскрытии преступлений в кредитно-банковской сфере // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2014. — № 2 (62). — С. 143—147.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10015

Владимир Алексеевич Абрамов,

доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Липецкого филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук;

Сергей Леонидович Никонович,

профессор высшей школы бизнеса, менеджмента и права
Российского государственного университета туризма и сервиса,
доктор юридических наук, доцент;

Валентина Николаевна Гапонова,

доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ ПОДОЗРЕВАЕМОМУ (ОБВИНЯЕМОМУ)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы избрания меры пресечения несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому. Проводится анализ различных точек зрения авторов, занимавшихся этой проблемой, рассматривается вопрос «исключительности» такой меры пресечения, как заключение под стражу, назначаемой в отношении несовершеннолетних, обосновываются соответствующие выводы.

Ключевые слова: мера пресечения, несовершеннолетний подозреваемый, несовершеннолетний обвиняемый, заключение под стражу.

Vladimir Alekseevich Abramov,

Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Process and Criminalistics
Lipetsk branch of the Russian presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Candidate of Law;

Sergey Leonidovich Nikonovich,

Professor of the Higher school of business, management and law
of the Russian state University of Tourism and Service,
Doctor of Law, Associate Professor;

Valentina Nikolaevna Gaponova,

Assistant Professor of the Department Criminal Proceeding Department
East-Siberian Institute of the MIA of Russia,
Candidate of Law

FEATURES OF APPLYING A MEASURE OF RESTRAINT FOR A JUVENILE SUSPECT (ACCUSED)

Abstract. The article deals with problematic issues of choosing a measure of restraint for a juvenile suspect or accused. The analysis of different views of the authors dealing with this problem is carried out, the question of the “exclusivity” of such measure of restraint as detention imposed on minors is considered, and the corresponding conclusions are substantiated.

Keywords: measure of restraint, juvenile suspect, juvenile accused, detention.

В современном обществе значительно возрастают как преступные посягательства в отношении несовершеннолетних, так и совершение ими преступлений.

Так, например, в 2019 г. зарегистрировано 2024,3 тыс. преступлений, или на 1,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Несовершеннолетними или при их соучастии за 2019 г. совершено 41 тыс. 548 преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких — 10 тыс. 113 [1].

Вместе с тем одними из приоритетных направлений деятельности государства является охрана прав, свобод и интересов несовершеннолетних.

Как верно замечают отдельные авторы, законодатель стремится максимально обеспечить реализацию защиты гарантированных прав и законных интересов несовершеннолетнего, минимизировать причинение вреда его психическому здоровью, в силу особых физиологических и иных признаков [2]. В связи с этим в уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены дополнительные, повышенные меры защиты данного субъекта судопроизводства, особенно в части применения к ним существующих мер процессуального принуждения, среди которых наиболее строгими являются меры пресечения.

По своей сути, меры пресечения — это средства временного ограничения прав и свобод лиц, к которым они применяются [3]. Как и другие меры уголовно-процессуального принуждения, они применяются в отношении конкретного подозреваемого или обвиняемого, и степень их строгости зависит от различных факторов: тяжести предъявленного обвинения; основательности имеющихся опасений, ненадлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого); сведений, характеризующих личность данного лица и др. Каждая из мер пресечения предполагает возложение на обвиняемого (подозреваемого) различных правоограничений: начиная от определения места жительства или места пребывания (подписка о невыезде и надлежащем поведении) и заканчивая личной свободой (домашний арест, заключение под стражу) [4].

В уголовном судопроизводстве правом применять меры пресечения обладают дознаватель, следователь, суд в пределах предоставленных им пол-

номочий. Причем указанные субъекты вправе избрать обвиняемому, подозреваемому, в том числе и несовершеннолетнему, одну из мер пресечения, предусмотренных УПК при наличии достаточных оснований полагать, что он «скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства; уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по делу, а также для обеспечения исполнения приговора» (ст. 97 УПК РФ).

В настоящее время в уголовно-процессуальном кодексе РФ предусмотрены следующие виды мер пресечения: «подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу» (ст. 98 УПК).

Как было отмечено ранее, к несовершеннолетнему обвиняемому или подозреваемому может быть применена любая из перечисленных в ст. 98 УПК мер пресечения. Однако в ст. 423 УПК, в которой уделено внимание избранию указанному участнику судопроизводства меры пресечения, делается акцент на применении самой строгой меры — заключение под стражу. Несмотря на достаточный широкий перечень мер пресечения, по-прежнему самой распространенной остается заключение под стражу. Так, в 2018 г. судами Российской Федерации рассмотрено 114 тыс. 300 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе 845 ходатайств в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых).

Дискуссионным представляется вопрос об избрании в отношении несовершеннолетнего «правильной» меры пресечения.

Применение к несовершеннолетнему лицу, обвиняемому или подозреваемому в совершении преступления заключение под стражу в значительной степени затрагивает его конституционные права и свободы. И здесь мы поддерживаем мнение Е. В. Марковичевой о том, что «избрание данной меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого должно быть продиктовано не сложившимися стереотипами в работе органов предварительного расследования, а более вескими процессуальными основаниями» [5].

В международно-правовых актах закреплён исключительный характер заключения под стражу несовершеннолетних. Так, в частности, в ст. 13.1 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), говорится о том, что содержание несовершеннолетнего под стражей до суда «применяется лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени». В Пекинских правилах предлагается заменять по возможности содержание под стражей до суда «другими альтернативными мерами, такими, как посто-

янный надзор, активная воспитательная работа или помещение в семью или воспитательное заведение, или дом» (ст. 13.2) [6].

Фактически такую же позицию занимает Верховный Суд РФ, которую он изложил в своем Постановлении Пленума от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Причем в п. 6 указанного Постановления обращено внимание на то, что «суду следует проверять обоснованность положений о необходимости заключения несовершеннолетнего под стражу и невозможности применения в отношении него иной, более мягкой, меры пресечения».

В соответствии с требованиями ст. 423 УПК, при применении к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо наличие оснований, предусмотренных статьями 97, 99, 100 и 108 УПК РФ.

В уголовно-процессуальном кодексе РФ порядку применения самой строгой меры пресечения (заключение под стражу) посвящена ст. 108 УПК, во второй части которой определены особенности избрания указанной меры пресечения в отношении подростка подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Соответственно, заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому только в том случае, «если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести» (ч. 2. ст. 108 УПК).

Указанные требования уголовно-процессуального закона нашли свое логическое отражение в п. 6 Постановления Пленума ВС РФ № 1 от 1 февраля 2011 г., в соответствии с которым «избрание меры пресечения в виде заключения под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, который подозревается или обвиняется в совершении преступлений небольшой или средней тяжести впервые, а также в отношении остальных несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести впервые».

В ч. 2 ст. 108 УПК обращает на себя внимание неопределенность формулировки в части возможности применения меры пресечения — заключения под стражу — в отношении подростка подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления средней тяжести в виде ссылки на так называемые исключительные случаи. Не дано разъяснений по этому вопросу ни в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ни в каких-либо действующих подзаконных актах органов предварительного расследования и прокуратуры, что, безусловно, оказывает отрицательное влияние на правоприменительную практику [7].

В условиях правовой неопределенности ученые-процессуалисты отмечают различный подход к разъяснению понятия «исключительный случай». Так, например, по мнению И. Л. Трунова и Л. К. Труновой, это — такие случаи, когда несовершеннолетнее лицо уже ранее неоднократно совершало преступления либо осуществляло руководство групповым преступлением; подросток не имеет родителей либо постоянного места жительства, вследствие чего существует высокая вероятность того, что он скроется либо помешает установлению истины, а также злостно нарушает условия, предусмотренные избранной в отношении его меры пресечения [8].

В свою очередь, Н. Г. Нарбиков к подобным случаям относит совершенные преступления группой лиц, отсутствие постоянного места жительства и должного контроля со стороны родителей или иных законных представителей подростка, а также случай, когда несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый страдает наркоманией или токсикоманией [9].

Кроме того, Т. Е. Щенина считает необходимым учитывать такие случаи, когда несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый крайне отрицательно характеризуется, и требуется его изоляция от общества [10]. А по мнению Е. В. Мищенко, перечень «исключительных» обстоятельств может быть неограниченным, и решить данный вопрос возможно лишь путем законодательного закрепления данных случаев [11].

На наш взгляд, все предлагаемые толкования понятия «исключительный случай», используемого в ч. 2 ст. 108 УПК, заслуживают определенного внимания. Однако полагаем, что наиболее верной является позиция тех ученых, которые считают, что «исключительными» являются случаи, перечисленные в ч. 1 ст. 108 УПК РФ и признаваемые таковыми при решении вопроса о заключении под стражу взрослых подозреваемых, обвиняемых при совершении ими преступлений небольшой тяжести [12].

Согласно уголовно-процессуальному законодательству, такие случаи имеют место тогда, когда «подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда» (ч. 1 ст. 108 УПК).

Вместе с тем из всех совершенных несовершеннолетними преступлениями за 2019 г. только 24 % являются тяжкими и особо тяжкими.

В этой связи интересным представляется применение к несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым так называемой специальной меры пресечения — присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Необходимо указать, что такая мера процессуального принуждения применяется нечасто, поскольку в законодательстве отсутствует механизм ее использования, кроме того, затруднителен контроль ее исполнения со стороны соответствующих органов и должностных лиц.

В правоприменительной практике существует ряд проблем, которые затрудняют использование меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. Сюда, в частности, относятся ситуации, когда осуществление контроля за поведением несовершеннолетнего весьма затруднительно; среди родственников несовершеннолетнего отсутствуют лица, которые заслуживают доверия [4].

В свете этого небезынтересным представляется предложение О. Д. Вастьяновой о расширении круга запретов и ограничений, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, в рамках избрания меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. Поскольку такие запреты возлагаются на несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого судебным решением, они будут способствовать усилению ответственности как с его стороны, так и со стороны родителей [13].

Учитывая изложенное, резюмируем, что заключение под стражу в качестве меры пресечения необходимо применять к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в исключительных случаях, которые представлены в ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Предпочтительнее применять к данным участникам уголовного судопроизводства специальную меру пресечения — присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, что будет способствовать защите прав и законных интересов несовершеннолетних, а также отвечать назначению уголовного судопроизводства [14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Состояние преступности в России за январь — ноябрь 2019 года// Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/19333347>. (дата обращения: 15.01.2020).
2. Николюк В. В., Виноградова В. А., Антонов В. А. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 3. — С. 39—49; Степанова В. Г., Барахтина О. А. К вопросу о гарантиях прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве при производстве допроса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2016. — № 3 (78). — С. 25—31.
3. Уголовно-процессуальное право в вопросах и ответах: учеб. пособ. / В. А. Абрамов, С. Л. Никонович, Р. И. Могутин, и др. — Тамбов; Липецк, 2014. — С. 120.
4. Ерофеева В. А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс]. — URL: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/temp/_1526970528_21505/Dissertatsiya_Erofeevoy_V.A.-ilovepdf-compressed.pdf (дата обращения: 21.12.2019).
5. Марковичева Е. В. Особенности избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Российский следователь. — 2007. — № 20. — С. 10—12.
6. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Ген. Ассамблеи от 29 нояб. 1985 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules. (дата обращения: 20.11.2019).

7. Гриненко А. В. Особенности задержания несовершеннолетних, подозреваемых в совершении преступления, избрания в отношении их мер пресечения // Вестник государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Сер.: Юрид. науки. — 2016. — № 1 (7). — С. 77—83.

8. Трунов И. Л., Трунова Л. К. Меры пресечения в уголовном процессе. — СПб., 2003. — С. 238.

9. Нарбиков Н. Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2005. — С. 20.

10. Щенина Т. Е. Производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, совершенных женщинами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2011. — С. 22.

11. Мищенко Е. В. Права человека и гражданина в производстве по отдельным категориям уголовных дел. — Оренбург, 2010. — С. 72.

12. Гриненко А. В. Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК РФ // Журнал российского права. — 2003. — № 9 (81). — С. 47—53; Тетюев С. В. Актуальные вопросы избрания меры пресечения «заключение под стражу» в отношении несовершеннолетнего // Вестник Омского университета. Сер.: Право. — 2008. — № 1 (14). — С. 197—201; Соболев И. В. Судебный порядок заключения под стражу подозреваемых и обвиняемых в УПК РФ и международно-правовые стандарты // Междунар. Уголовное право и междунар. юстиция. — 2009. — № 1. — С. 35—38; Андрианова О. Ю. Особенности судопроизводства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/osobennosti-sudoproizvodstva-po-ugolovnym-delam -o-prestuplenijah.html> (дата обращения: 15.09.2018).

13. Вастьянова О. Д. Применение запретов и ограничений при избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым обвиняемым Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. мат-лов VII междунар. науч.-практ. конф. — Орел, 2019. — Т. 1. — № 1 (1). — С. 65—71.

14. Гапонова В. Н. Некоторые вопросы производства очной ставки с участием несовершеннолетних // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: сб. мат-лов VII междунар. науч.-практ. конф. — Алушта, 2019. — С. 22—23.

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10016

Олеся Дмитриевна Вастьянова,

адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические проблемы, связанные с исполнением меры пресечения в виде запрета определенных действий. Изложены различные точки зрения, рассматривающие перспективы положительного развития правоприменительной практики, обусловленной изменениями, внесенными в уголовно-процессуальный закон. Выявлены несколько актуальных проблем правового регулирования запрета определенных действий, в частности, обусловленных разграничением запрета определенных действий и домашнего ареста, а также комбинированного применения запрета определенных действий с другими мерами пресечения, предложены варианты их решения. Особое внимание уделено контролю за местом нахождения подозреваемого (обвиняемого) и запрету на общение с определенными лицами. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ.

Ключевые слова: эффективность применения мер пресечения, контроль за запретами и ограничениями, запрет определенных действий, домашний арест, следователь, суд.

Olesya Dmitrievna Vast'yanova,

Graduate Student of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia

EFFECTIVENESS OF PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS

Abstract. The article analyzes the theoretical and practical problems associated with the execution of a measure of restraint in the form of a prohibition of certain actions. The author presents various points of view that consider the prospects for positive development of law enforcement practice due to changes in the Criminal Procedure Law. Several topical problems of legal regulation of the prohibition of certain actions are identified, in particular, due to the differentiation of the prohibition of certain actions and house arrest, as well as the combined prohibition of certain actions with other measures of restraint, and their solutions are proposed. Special attention is paid to controlling the location of the suspect (accused) and prohibiting communication with certain persons. It is concluded that it is necessary to make changes to part 7 of article 105.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: effectiveness of measures of restraint, control over prohibitions and restrictions, prohibition of certain actions, house arrest, investigator, court.

Эффективность применения меры пресечения напрямую зависит от надлежащей регламентации процедуры ее избрания и фактического исполнения. В числе критериев оценки эффективности применения конкретной меры пресечения исследователями называется надежность обеспечения правомерного поведения подозреваемого (обвиняемого) [12, с. 17]. Почему же относительно недавно введенная [11], перспективная, на первый взгляд, мера пресечения в виде запрета определенных действий до сих пор не нашла широкого распространения? Спустя некоторое время с момента введения указанной новеллы в уголовный процесс есть возможность проанализировать правоприменительную практику и получить некоторое представление о востребованности данной меры, плюсах и минусах ее применения, основных проблемах в ее реализации.

Так, мера пресечения в виде запрета определенных действий содержит перечень запретов и ограничений, исполнение которых в отношении подозреваемых и обвиняемых трудно проконтролировать. Отсутствие соответствующих обеспечительных средств снижает востребованность рассматриваемой меры пресечения. Учитывая, что исполнение меры пресечения в виде запрета определенных действий возложено на Федеральную службу исполнения наказаний Российской Федерации (далее — ФСИН), целесообразно рассмотреть статистические данные, полученные за период действия вновь введенной меры пресечения.

С 18 апреля по 31 декабря 2018 г. запрет определенных действий в качестве самостоятельной меры пресечения судами Иркутской области был применен в отношении 13 лиц с установлением следующих запретов:

— выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый (обвиняемый) — в отношении 11 лиц;

— находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и принимать участие в них — в отношении четырех лиц;

— общаться с определенными лицами — в отношении семи лиц;

— отправлять и получать почтово-телеграфные отправления — в отношении восьми лиц;

— использовать средства связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» — в отношении восьми лиц.

За период с 1 января по 30 сентября 2019 г. мера пресечения в виде запрета определенных действий применялась в Иркутской области в отношении подозреваемых (обвиняемых) [13], что свидетельствует о положительной тенденции расширения практики применения данной меры пресечения.

Но если рассматривать в целом данную меру пресечения в системе иных, избираемых в рамках производства по уголовному делу, то существующая практика избрания запрета определенных действий представлена единичными примерами.

Полагаем, что существует необходимость в рассмотрении запретов и ограничений, которые могут быть установлены судом при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, с позиций обеспечения их исполнения.

Контроль за местом нахождения подозреваемого (обвиняемого) предусмотрен ч. 1 и 2 ст. 105.1 УПК РФ, где прописаны запреты выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, а также находиться в определенных местах, посещать определенные мероприятия и участвовать в них. К основным способам исполнения указанных запретов целесообразно отнести применение аудиовизуальных, электронных и технических средств контроля, применение которых регламентировано совместным приказом Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ России и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 11 февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» [10]. В данном приказе также подробно отражен перечень средств контроля, в которые входят: средства персонального контроля (браслет электронный, мобильное и стационарные контрольные устройства, ретранслятор, персональный трекер); устройство аудиовизуального контроля; технические средства и устройства региональных информационных центров (серверы мониторинга и аудиовизуального контроля, стационарный и мобильный пульт мониторинга).

Необходимо отметить, что такая применяемая по решению суда мера пресечения, как запрет определенных действий, может быть избрана как в качестве основной, так и в виде дополнительных запретов и ограничений, наряду с домашним арестом и залогом. Возможность применения запрета определенных действий, как основной и дополнительной меры пресечения, впервые предусмотрена российским законодателем, ранее занимавшим позицию выбора только одной из мер пресечения.

Запрет выходить в определенные периоды за пределы жилого помещения по своим сущностным характеристикам схож с домашним арестом. Следует согласиться с мнением А. Гричаниченко, который полагает, что запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, связан с принудительным пребыванием подозреваемого (обвиняемого) в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, невозможностью свободного передвижения и общения с широким кругом лиц, т. е. с ограничением конституционного права на свободу и личную неприкосновенность [6, с. 101]. С целью более эффек-

тивного применения в практической деятельности указанных мер необходимо их четкое разграничение на законодательном уровне с учетом различий в их содержании.

С точки зрения О. И. Цоколовой, широкое распространение домашнего ареста в правоприменительной деятельности предполагает строгую изоляцию подозреваемого (обвиняемого) по месту жительства с возложением контроля на территориальные органы ФСИН [14, с. 248].

Аналогичной точки зрения придерживается И. П. Бондаренко, полагая, что при домашнем аресте обвиняемый должен быть ограничен в праве покидать пределы жилого помещения [5, с. 46]. Думается, что при таком толковании ст. 107 УПК РФ будет исключена возможность комбинирования домашнего ареста с запретом, предусмотренным п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, что позволит устранить дилемму, связанную с выбором меры пресечения, устанавливающей местонахождение подозреваемого или обвиняемого.

Позиция указанных авторов в отношении строгого запрета выхода из жилого помещения представляется достаточно дискуссионной, т. к. следует учитывать изменения сущности самого домашнего ареста, который трансформировался из меры пресечения, предполагающей полную или частичную изоляцию лица, в меру пресечения, содержание которой составляет полная изоляция, что свидетельствует об ухудшении положения обвиняемого без соответствующих оснований в случае ее избрания. В настоящее время при избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста обвиняемый лишается возможности выхода из жилого помещения с целью приобретения медикаментов, продуктов питания, а также получения неотложной медицинской помощи. На законодательном уровне данный вопрос не урегулирован, в связи с чем суду приходится в рамках рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения самостоятельно принимать решение по данному вопросу. Обозначенная ситуация стала активно обсуждаться представителями адвокатского корпуса, обращающими внимание на то, что фактически обвиняемый лишается прогулок, тогда как даже для лиц, находящихся под стражей, такая возможность предусмотрена [7, с. 108].

Обеспечение гражданам прав на свободу и личную неприкосновенность, гарантированных ст. 22 Конституции РФ, позиционируется уполномоченным по правам человека в РФ как «центральная» проблема применительно к уголовному процессу [9, с. 66].

Е. В. Марковичева предполагает, что произойдет постепенное отмирание домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе, однако условием такой трансформации должна стать законодательная доработка запрета определенных действий и создание соответствующих организационных условий для ее эффективного применения [8, с. 24].

Требует разрешения еще одна проблема, направленная на недопущение нарушений принципов уголовного судопроизводства. Так, Н. Н. Апостолова

пишет, что ч. 1.1 ст. 97, ч. 8.1 ст. 106, ч. 7 ст. 107 УПК РФ допускают комбинированное применение совместно с запретом определенных действий других мер пресечения, что создает риск множественного ограничения прав обвиняемого [1, с. 45].

Следующий вопрос, на котором следует заострить внимание, это существующие препятствия в исполнении запрета общения подозреваемого (обвиняемого) с определенными лицами. При изучении судебных решений нами не обнаружено (как в мотивировочной, так и в резолютивной части) конкретных указаний на лиц, с которыми запрещено общаться. Должно ли постановление суда об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого) содержать данные сведения? С практической точки зрения это необходимо прямо предусматривать в судебном решении, т. к. лицо, в отношении которого ведется производство по делу, должно знать не только о своем статусе, но и о статусе лиц, с которыми ему запрещено общаться, что позволит контролировать исполнение данного запрета.

Например, в апелляционном постановлении Саратовского областного суда о продлении срока содержания под домашним арестом в отношении обвиняемого З. указано, что суд пришел к выводу о возможности применения в отношении обвиняемого более мягкой меры пресечения в виде запрета определенных действий с возложением на обвиняемого З. ограничений в виде запрета общения с лицами, проходящими по уголовному делу в качестве свидетелей, обвиняемых, подозреваемых. При этом данное судебное решение не содержит конкретных указаний на лиц, с которыми обвиняемому запрещено общаться. В данном случае стоит отметить, что обвиняемый, вероятнее всего, достоверно не знает о статусе указанных лиц. Из чего следует вопрос, каким образом он может нарушить запрет, который конкретно не отражен в решении суда [4]?

С другой стороны, после вынесения судом решения об избрании меры пресечения с данным запретом круг лиц (свидетелей, подозреваемых), с которыми запрещено контактировать, может существенно измениться в ходе производства по делу. Возникает вопрос: каким образом исполнять такое судебное решение?

Так, Приморский краевой суд в рамках рассмотрения апелляционной жалобы об изменении меры пресечения применил в отношении обвиняемой С. меру пресечения в виде запрета определенных действий с возложением ограничений в виде запрета без разрешения следователя общаться обвиняемой с участниками уголовного судопроизводства по уголовному делу, за исключением защитника — адвоката, а также близких родственников, лиц, оказывающих медицинскую помощь, правоохранительных органов и аварийно-спасательных служб. В данном случае судом предприняты попытки конкретизировать лиц, с которыми обвиняемая не имеет возможности общаться, хотя и нет четкого указания на фамилии этих лиц [3].

В апелляционном постановлении Мурманского областного суда в отношении обвиняемого З. мера пресечения в виде заключения под стражу заменена на домашний арест с возложением запрета общения с лицами, проходящими по уголовному делу в качестве обвиняемых и свидетелей, с конкретным указанием их личных данных, а также с предварительным доведением сведений об указанных лицах до обвиняемого З. под роспись [2].

На наш взгляд, перспективной представляется дальнейшая систематизация мер пресечения в направлении гуманизации уголовной политики с заменой домашнего ареста на меру пресечения в виде запрета определенных действий. Данная проблема, которую в настоящее время устраняет суд путем принятия решений и указания в резолютивной части лиц, на общение с которыми необходимо установление запрета, требует расширительного толкования меры пресечения в виде запрета определенных действий с целью конкретизации и единообразия принятия судебных решений. В указанных целях следователь в своем ходатайстве об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий с возложением на подозреваемого (обвиняемого) запрета на общение с определенными лицами должен конкретизировать список этих лиц, а также привести соответствующие доказательства, подтверждающие позицию следствия.

Согласно ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ в постановлении суда указываются конкретные условия исполнения меры пресечения с учетом возлагаемых запретов, в том числе и лица, с которыми запрещено общаться. Полагаем, что существует необходимость внесения изменений в ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ следующего содержания: «с конкретным указанием лиц (Ф. И. О., статус лица в уголовном деле)». Не исключено решение данного вопроса и путем официального разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ рассмотренной ситуации. Данные предложения, представляется, будут способствовать единообразию правоприменительной практики и повышению эффективности применения меры пресечения в виде запрета определенных действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Апостолова Н. Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. — 2019. — № 3. — С. 43—49.
2. Апелляционное постановление Мурманского областного суда № 22К-515/2018 от 11 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://sudact.ru/regular/doc/wv2X8C1YL2mH>. (дата обращения: 22.09.2019).
3. Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-3060/18 от 7 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://sudact.ru/regular/doc/wv2X8C1YL2mH>. (дата обращения: 22.09.2019).
4. Апелляционное постановление Саратовского областного суда № 22К-2465/2018 от 27 июня 2018 г. // Официальный сайт Саратовского областного суда [Электронный ресурс]. — URL: https://oblsud-orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1861193&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 21.09.2019).
5. Бондаренко И. П. Особенности применения «комбинированных» мер пресечения // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейше-

го реформирования: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х тт. — Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2019. — Т. 1. — С. 42—49.

6. Гричаниченко А. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. — 2019. — № 6. — С. 97—103.

7. Марковичева Е. В. Запрет определенных действий как основа избрания комбинированных мер пресечения // Уголовное право. — 2019. — № 2. — С. 107—111.

8. Марковичева Е. В. Трансформация домашнего ареста в российском уголовном судопроизводстве // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х тт. — Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2019. — Т. 2. — С. 23—26.

9. Николюк В. В., Данильян А. С. Системные проблемы российского уголовного процесса «глазами» уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х тт. — Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2019. — Т. 2. — С. 63—71.

10. Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ России и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 11 февр. 2016 г. № 26/67/13/105/56 // [Электронный доступ]: справ.-правовая система «Гарант».

11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ // СЗ РФ. — 2018. — № 17. — Ст. 242.

12. Пилюшин И. П. Эффективность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2018. — № 2 (69). — С. 17—19.

13. Статистические сведения из архива ФСИН по Иркутской области 2018—2019 гг.

14. Цоколова О. И. Современные проблемы и тенденции применения мер пресечения // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х тт. Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2019. — Т. 2. — С. 247—250.

УДК: 343.132

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10017

Юрий Викторович Гаврилин,

заместитель начальника кафедры управления
органами расследования преступлений

Академии управления МВД России,

доктор юридических наук, доцент;

Анна Александровна Балашова,

адъюнкт Академии управления МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В СЕТЕВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с недостатком правовой регламентации процессуального порядка получения доказательственной информации на электронных носителях. Анализируются подходы различных авторов к вопросу о необходимости совершенствования процессуального порядка собирания доказательственной информации на электронных носителях. С целью законодательного закрепления понятия, а также определения условий и порядка проведения новых следственных действий предлагается внесение изменений в действующий УПК Российской Федерации.

Ключевые слова: электронные носители информации, доказательства, расследование, обыск, осмотр, электронный ресурс, сайт, Интернет.

Yuri Viktorovich Gavrilin,

deputy head of the department investigation management crimes

Academy of Management of the MIA of Russia,

Doctor of Law, Associate Professor;

Anna Alexandrovna Balashova,

graduate student of the Academy of Management of the of the MIA of Russia

IMPROVEMENT OF PROCEDURE FOR THE GATHERING OF EVIDENCE CONTAINED IN DATA NETWORKING SYSTEMS

Abstract. This article examines questions related to the weakness of legal regulatory framework of procedure of receiving the evidence on electronic media. The approaches of various authors to the need for improving of procedure of the gathering evidence on electronic media are analyzed. In order to strengthen the understanding by law and to determine the conditions and order of new investigation proceedings the author proposes to make changes in the current Code of Criminal Procedure of Russia.

Keywords: electronic media, evidence, investigation, search, inspection, electronic resource, site, Internet.

С развитием информационных технологий изменяется повседневная жизнь человека, производственные отношения, структура экономики и образование, а также возникают новые требования к коммуникациям, вычислительным мощностям, информационным системам и сервисам. Сегодня широкое распространение получают технологии беспроводной передачи данных; блокчейна, Интернета вещей, искусственного интеллекта, работы с большими объемами данных, биометрической идентификации.

В настоящее время цифровые данные становятся новым экономическим активом, а научно-технологический фактор становится определяющим в социально-экономическом развитии страны.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы¹ констатируется, что электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети «Интернет», стали частью повседневной жизни россиян. Информационное общество в России характеризуется широким распространением и доступностью мобильных устройств, а также беспроводных технологий, сетей связи.

Одним из важнейших направлений совершенствования государственной политики в сфере противодействия указанным преступлениям, является совершенствование уголовно-процессуального законодательства, направленного в равной степени на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод².

В настоящее время в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства отсутствуют надлежащие средства собирания доказательственной информации, находящейся в компьютерных сетях.

На данное обстоятельство обращается внимание и в научной литературе. Так, по мнению А. Г. Волеводза, в настоящее время возникает новая, на сегодняшний день законодательно не урегулированная проблема — проблема изъятия доказательственной информации, а по существу — обыска в компьютерных сетях (или в среде для хранения компьютерных данных) с целью изъятия искомой компьютерной информации [3, 13].

Однако уголовно-процессуальный закон оставляет открытым вопрос о возможности проведения обыска в компьютерных системах, соединенных сетью, если такие системы расположены вне обыскиваемых помещений (физически расположенных на расстоянии от места производства обыска). При этом А. Г. Волеводзом справедливо отмечается, что если допустить не-

¹ Утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Статья 6. Назначение уголовного судопроизводства.

возможность осуществления такого обыска, то возникает риск уничтожения данных в период, пока будет получено разрешение на обыск места, где информация физически размещена. В больших сетях зачастую практически невозможно установить точное физическое расположение данных [3, с. 343].

Несколько иной подход к проблеме собирания доказательственной информации в компьютерных сетях предлагает А. Л. Осипенко, отмечающий, что процессуальное изучение содержимого, находящегося в сетевой вычислительной системе, в реальности отличается по характеру производимых действий от обыска помещения. Для просмотра файлов, содержащихся в системе, как правило, требуются специальные знания, набор специализированных программ и, возможно, особых аппаратных средств. В некоторых случаях такой просмотр удобнее осуществлять удаленно, т. е. осматривать содержимое одного компьютера, находясь при этом за другим [11, с. 274].

Действительно, развитие информационных технологий и средств телекоммуникаций технически позволяет осуществлять удаленное (дистанционное) обследование компьютерных систем и содержащейся в них информации, а равно проведение следственных действий, направленных на собирание доказательственной информации, дистанционно или удаленно. При этом актуальным остается вопрос о том, в рамках какой юридической процедуры, в какой процессуальной форме будут отражены ход и результаты подобных обследований. Допустимо ли собирание доказательственной информации в компьютерных сетях в рамках таких следственных действий, как обыск или осмотр? Если да, то каковы должны быть юридические и фактические основания для его производства: требуется ли, в частности, в указанных случаях судебное решение?

А. Н. Иванов предлагает выделить удаленный (дистанционный) обыск всей компьютерной системы или ее отдельных частей. Кроме того, рассуждая о данном виде обыска, он пишет, что в ситуации, когда проводить обыск в обычном порядке нецелесообразно, можно пригласить владельца имеющей значение для дела информации к следователю, разъяснить его права, ответственность, а также порядок производства обыска, предупредить о применении технических средств, обыскиваемому предъявить постановление о производстве обыска и предложить выдать интересующие следствие документы, хранящиеся в электронном виде на его компьютере [6, 75].

Он же полагает, что удаленный (дистанционный) осмотр может быть осуществлен при необходимости исследования общедоступных данных, размещенных в открытых источниках, независимо от их географического местонахождения, в целях обнаружения следов преступления, например, размещенной на сайте информации (порнографических материалов, призывов к экстремистской деятельности и т. п.), и выяснения иных обстоятельств, имеющих значение для дела. Результаты, полученные в процессе проведения данного следственного действия, должны оформляться протоколом осмотра

документов, к которому приобщаются распечатки содержимого страниц сайта и носители, содержащие скопированную с него информацию [7, 106].

Еще дальше в данном вопросе идет В. А. Мещеряков, рассматривающий такие виды обыска в автоматизированной информационной системе, как: сосредоточенный (один или несколько не взаимосвязанных компьютеров в пределах одного помещения), рассредоточенный (локальная вычислительная сеть в пределах одного или нескольких рядом расположенных помещений или зданий), открытый (отдельные компьютеры или их локальные сети объединены через общедоступные коммуникационные каналы связи) [10, 28].

Необходимо подчеркнуть, что в связи с тем, что доказательственная информация может отражаться в цифровых следах [4, 3], которые остаются в информационной системе в процессе совершения противоправного деяния, основной задачей в процессе собирания доказательств в компьютерных сетях является обеспечение сохранности и неизменности доказательственной информации, а также достоверности полученных доказательств.

Как справедливо отмечает Т. Э. Кукарникова, отличительной особенностью преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, является то, что в компьютерных сетях физическое местонахождение следовой информации и ее носителей (например, серверов) может быть не установлено, так же, как сам носитель (сервер) может быть физически недоступен ввиду нахождения за пределами досягаемости процессуального лица и доступ к нему возможен только виртуально по компьютерным сетям. Причем очень часто для следствия физическое местонахождение искомой компьютерной информации не имеет какого-либо значения [9, 148].

С. В. Пропастин не исключает введения в УПК специальных видов следственных действий, направленных на собирание доказательственной информации в компьютерных сетях, полагая при этом, что при наличии в обследуемом месте компьютера, действующего режиме удаленного доступа в качестве администратора компьютерной сети, с участием компетентного специалиста, следователь имеет возможность проведения дистанционного обследования информационной системы [12, 75]. При этом автором не уточняется, о каких именно следственных действиях идет речь, а также не определен процессуальный порядок их производства.

И. И. Карташев придерживается противоположной точки зрения и не согласен с целесообразностью введения в УПК РФ каких-либо дополнительных следственных действий, направленных на собирание доказательственной информации в компьютерных сетях. Рассматривая вопрос о возможности введения специального вида обыска, он считает, что технология «удаленного обыска» предполагает использование специальных познаний не только для обнаружения и закрепления (копирования) информации, но и для получения доступа к ней (обход или взлом паролей, использование специализированных программно-аппаратных средств и т. д.), что неминуе-

мо приводит к модификации исходных данных, и, как следствие, утрате ими доказательственного значения [8, с. 24].

Обобщая подходы различных авторов к вопросу необходимости совершенствования процессуального порядка собирания доказательственной информации на электронных носителях, представляется необходимым отметить следующее:

1. Большинство авторов, исследовавших вопрос о процессуальном порядке собирания доказательственной информации в компьютерных сетях, поддерживают тезис о необходимости его совершенствования.

2. Направлениями такого совершенствования видится введение в уголовно-процессуальное законодательство особых правовых процедур в рамках следственного осмотра и обыска.

3. Сущностные различия в основаниях и порядке проведения дистанционного обыска и дистанционного осмотра раскрыты недостаточно полно и глубоко.

4. Не определены условия допустимости подобного «сетевого проникновения», а также гарантии защиты прав и законных интересов собственников информационных ресурсов.

Рассмотрим обозначенные вопросы более подробно.

Рассматривая вопрос соотношения дистанционного обыска и дистанционного осмотра информационных ресурсов, следует отметить, что названные следственные действия объединяет поисково-познавательный характер деятельности, образующей их содержание. Оба вышеназванных следственных действия направлены на получение доказательственной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой осуществляется опосредовано, через компьютерные сети с использованием специального программного обеспечения и аппаратных средств, обеспечивающих преобразование электромагнитных импульсов, передаваемых по каналам связи, в компьютерную информацию.

Различие состоит в возможности принудительного обследования информационных систем, доступ в которые ограничен их администраторами или пользователями.

Так, получение общедоступной информации, размещенной лицом в открытом доступе, без применения средств парольной или иной защиты, т. е. доступной неограниченному количеству лиц, должно осуществляться в рамках правовой процедуры дистанционного осмотра информационных ресурсов.

Полагаем, что под дистанционным осмотром информационных ресурсов следует понимать *следственное действие, состоящее в визуальном восприятии информации, размещенной на сетевых электронных носителях, доступ к которым предоставлен неограниченному числу лиц.*

Сущность предлагаемого автором дистанционного осмотра заключается в непосредственном восприятии лицом, ведущим расследование, доказа-

тельствующей компьютерной информации, физически размещенной на электронных носителях, находящихся за пределами границ осмотра.

Процессуальными особенностями дистанционного осмотра информационных ресурсов являются следующие:

1. Обязательное участие специалиста. Основными задачами специалиста является оказание содействия следователю в отыскании информации, имеющей значение для уголовного дела, применении средств криминалистической техники для поиска и анализа информации с заданными характеристиками, содействие в изъятии доказательственной информации [1, с. 84]. Кроме того, специалист: оказывает содействие в обнаружении средств экстренного уничтожения информации; выявляет признаки применения «облачных» технологий хранения данных; выявляет средства шифрования данных и результаты их применения; оказывает содействие при составлении протокола в описании объектов; обеспечивает фиксацию доказательственной информации, выявляет ее идентификационные признаки (метаданные). Разделяем точку зрения В. Ф. Васюкова, отмечающего, что копирование изымаемой информации на другой электронный носитель информации может квалифицированно осуществить только специалист [2, с. 54].

2. Изъятие доказательственной информации исключительно путем ее копирования. В отличие от процессуального порядка изъятия доказательственной информации, физически находящейся на локальных электронных носителях, когда при соблюдении определенных условий, возможно изъятие самих электронных носителей информации, в рассматриваемой ситуации это невозможно в силу объективных причин, связанных с тем, что должностное лицо, проводящее дистанционный осмотр, лишено возможности непосредственного контакта с осматриваемым объектом. При таких обстоятельствах, единственно возможным способом изъятия доказательственной информации, является ее копирование с соблюдением процессуальных условий, обеспечивающих ее неизменность по сравнению с исходным состоянием.

3. Специфической формой копирования информации, имеющей значение для уголовного дела, является изготовление скриншотов — снимков экрана с использованием стандартных возможностей операционной системы.

Отметим, что по результатам опроса практических работников органов предварительного следствия и дознания, на вопрос по поводу регламентирования изъятия доказательственной информации, находящейся на соответствующих страницах интернет-сайтов, путем введения в УПК РФ самостоятельного вида осмотра — дистанционный осмотр информационных ресурсов, поступили следующие ответы:

— только 13 % опрошенных согласились с необходимостью введения данного вида осмотра, т. к. это будет соответствовать переходу в информационное общество и обеспечит законность в части охраны и защиты прав граждан, а также ускорит процесс процессуального оформления доказательствен-

ной информации; данные с электронных интернет-сайтов часто не принимаются в качестве доказательств;

— 3 % выразили мнение, что существует необходимость в приобщении к материалам уголовного дела доказательственной информации, находящейся на соответствующей странице интернет-сайтов, т. к. процессуальный порядок в настоящее время не регламентирован действующим законодательством;

— 2 % указали на то, что информация на интернет-сайтах часто не принимается как доказательство, и этот вид осмотра будет выглядеть как упрощение действующего порядка осмотра и что в ст.ст. 176—177 УПК РФ отсутствует понятие осмотра информации, находящейся в сети «Интернет»; введение такого следственного действия урегулирует в правовом плане процесс сбора доказательственной информации в компьютерных сетях;

— 82 % не считают целесообразным введение в УПК РФ дистанционный осмотр информационных ресурсов.

Как отмечалось нами выше, принудительное обследование информационных систем, доступ в которые ограничен их администраторами или пользователями, осуществляется в рамках дистанционного обыска. Сущностью дистанционного обыска является принудительное обследование информационных ресурсов, размещенных на электронных носителях за пределами места производства следственного действия, доступ к которым ограничен для третьих лиц с использованием средств парольной, криптографической или иной защиты.

Таким образом, дистанционный обыск направлен на принудительное получение компьютерной информации ограниченного пользования, доступ к которой имеет строго определенное количество лиц.

Под дистанционным обыском мы предлагаем понимать — *следственное действие, состоящее в принудительном обследовании информационной системы, находящейся на электронных носителях за пределами места производства следственного действия, доступ к которым ограничен ее обладателем и осуществляется посредством компьютерных сетей.*

Для проведения дистанционного обыска следователю необходимо располагать фактическим и юридическим основанием. Фактическим основанием для производства дистанционного обыска являются достаточные данные, содержащиеся в материалах уголовного дела, о возможном наличии в информационной системе, доступ к которой осуществляется посредством компьютерных сетей, информации, относящейся к событию преступления или имеющей значение для расследования уголовного дела.

Юридическим основанием для производства дистанционного обыска, в ходе которого становится доступной для участников следственного действия информация, относящаяся к охраняемой законом тайне (переписки, личной жизни, банковской, налоговой тайны и др.), является судебное решение, получаемое в порядке ст. 165 УПК РФ.

Перед началом дистанционного обыска следователь разъясняет присутствующим цель и порядок его проведения. Если при производстве дистанционного обыска присутствует владелец обследуемых информационных ресурсов, то ему предъявляется судебное решение о производстве дистанционного обыска и предлагается добровольно предоставить доступ к информации, имеющей значение для уголовного дела.

Обязательным участником дистанционного обыска является специалист, задачами которого являются:

- получение доступа в обследуемую информационную систему;
- преодоление средств парольной, криптографической и иной защиты информации;
- оказание содействия следователю в отыскании информации, имеющей значение для уголовного дела;
- содействие в описании существенных признаков и свойств вышеназванной информации, а также ее содержания;
- изъятие вышеназванной информации путем ее копирования с учетом обеспечения целостности, полноты и неизменности извлекаемой информации;
- выполнение иных поручений должностного лица, проводящего следственное действие.

Изъятие выявленной в ходе дистанционного обыска доказательственной информации, находящейся в компьютерных сетях, возможно только путем ее копирования, поскольку участники следственного действия не имеют непосредственного физического доступа к электронным носителям, на которых находится информация, имеющая значение для уголовного дела. В процессе копирования с использованием специального лицензионного программного обеспечения производится перенос доказательственной информации из обследуемой информационной системы на электронные носители, находящиеся в распоряжении следователя. Как справедливо указывает С. В. Зуев, копирование электронной информации, как познавательный прием уголовно-процессуального доказывания, представляет собой получение информации путем создания копии и сохранение информационного продукта (файла, программы и т. д.) на электронный носитель в результате подключения к информационно-технологическим устройствам (компьютерным и иным техническим средствам) или дистанционно в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [5, с. 302]. При этом важно отметить, что исходная информация остается в неизменном состоянии, а скопированная информация тождественна оригиналу и является источником доказательственной информации.

В заключении отметим, что предлагаемые изменения направлены на совершенствование процессуального порядка собирания доказательственной информации в компьютерных сетях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Васюков В. Ф., Клевцов В. В. Проблемные аспекты привлечения специалиста к процедуре изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений: сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 16—17 апр. 2015 г.) / под ред. д-ра юрид. наук А. Л. Осипенко. — Воронеж: Воронежский институт МВД России. — 2015. — С. 80—84.
2. Васюков В. Ф. Некоторые особенности изъятия электронных носителей информации при производстве обыска и выемки по уголовному делу // Библиотека криминалиста. — 2016. — № 2. (25). — С. 35—42.
3. Волеводз А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. — М., 2002. — 496 с.
4. Гаврилин Ю. В., Шипилов В. В. Особенности слепообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь. — 2013. — № 23. — С. 2—6.
5. Зуев С. В. Основы теории электронных доказательств: моногр. Под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 400 с.
6. Иванов А. Н. Удаленное исследование компьютерной информации: уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы // Известия Саратовского университета, 2009. — Т. 9. — Вып. 2. — С. 74—77.
7. Иванов А. Н. О новом виде обыска // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: сб. науч. ст. / Под ред. З. Д. Еникеева. — Уфа, 2003. — Ч. 1. — С. 105—109.
8. Карташев И. И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе // Центральный научный вестник. — 2016. № 155. — С. 23—25.
9. Кукарникова Т. Э. Компьютерная информация как слепообразующая система // Криминалистика в системе правоприменения: мат-лы конф. Москва, 27—28 окт. 2008 г. — М., 2008. — С. 147—150.
10. Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2001. — 39 с.
11. Осипенко А. Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт. — М., 2004. — С. 274—275.
12. Пропастин С. В. О проведении осмотра и обыска дистанционно // Сборник материалов Барнаульских криминалистических чтений. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. — С. 75—76.

УДК 343.140.02

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10018

Алексей Владимирович Смолин,
преподаватель кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОДЕРЖАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье рассматривается генезис представлений различных авторов о содержании доказательства. Проводится анализ содержания доказательств через слова и словосочетания: факт, сведения о фактах, информация. Приводится и обосновывается утверждение о том, что в свете информатизации уголовного судопроизводства содержанием доказательств выступают не только любые сведения, но и информация.

Ключевые слова: доказательство, содержание доказательств, информация, любые сведения, доказывание.

Aleksey Vladimirovich Smolin,
Lecturer of the of the Department of Criminalistics
Nizhny Novgorod academy of the MIA of Russia

THE EPISTEMOLOGICAL APPROACH TO THE CONTENT OF EVIDENCE

Abstract. The article discusses the genesis of the views of various authors on the content of evidence. The analysis of the content of evidence through phrases, fact, information about facts, information are made. The author gives and substantiates the claim that not only any particulars but also information serve as evidence in the light of the informatization of criminal proceedings.

Keywords: evidence, content of evidence, information, any information, proof.

Доказывание, как вид уголовно-процессуального познания, осуществляется в целях достижения задач уголовного судопроизводства. В процессе установления обстоятельств совершенного деяния субъект расследования сталкивается с различными потоками информации, которые помогают ему воссоздать картину произошедшего события и изобличить виновное лицо. Для раскрытия содержания данного процесса необходимо познать сущность информационной составляющей данной деятельности, а именно определить содержание того, что может выступать в качестве доказательства по уголовному делу.

Любая деятельность, в том числе и преступная, неминуемо приводит к изменениям окружающего мира. Эти изменения — отражение действий

прошлого, по которым субъект расследования опосредованно познает совершенное преступление и придает результатам познания статус уголовно-процессуального доказательства.

Действующий УПК РФ определяет доказательство как любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Формулировка, обозначающая содержание доказательства, а именно «любые сведения» — достаточно неоднозначна, поэтому их сущность неоднократно становилась предметом изучения процессуалистов и криминалистов. В юридической литературе можно встретить и другие вариации словосочетания «любые сведения», обозначающие содержание доказательства. Так, например, Л. Т. Ульянова отмечала, что доказательствами являются «сведения о фактах» [1, с. 91], П. А. Лупинская интерпретировала их как «доказательственные факты» [2, с. 121—124], Л. Н. Гусев называл их «фактические данные» [3, с. 15]. Кроме того, есть много сторонников так называемого информационного подхода, которыми признается, что содержанием доказательства является «информация» [4, с. 6]. Существует и точка зрения, что вышеуказанные понятия необходимо трактовать одинаково. Так, Р. В. Костенко указывал, что с этимологической точки зрения понятия «информация», «сведения», «фактические данные» тождественны [5, с. 91]. Что примечательно: с точки зрения законодателя, в других отраслях права содержанием доказательств признаются сведения о фактах [6].

В связи с широким спектром точек зрения, необходимо определить сущность содержания доказательства. Большой толковый словарь русского языка [7] устанавливает следующее значение слов, используемых для их определения:

- факт — истинное событие, действительное происшествие или реальное явление;
- сведения — познания в какой-либо области;
- информация — сообщение о состоянии дел где-либо, о каких-либо событиях, процессах и т. п.

Если спроецировать данные понятия на теорию доказательств, можно определить следующее. Факт понимается как установленное событие действительности. Или же — знание, достоверность которого установлена [8, с. 1408]. Особенность уголовно-процессуального познания состоит в том, что субъект расследования познает событие, происходившее в прошлом по тем отображениям данного события, которые он сможет обнаружить и исследовать. Применимо к преступной деятельности, фактами будут изменения, произошедшие в окружающем мире, связанные с совершением преступления только в том случае, если можно будет удостовериться в их подлинности.

При этом игнорируются те промежуточные «островки» информации, которые привели к познанию факта — сведения о нем. В данном случае факт выступает как доказательство исключительно в роли достоверно установленного аргумента.

Процесс доказывания, как познавательная деятельность, не всегда связан со знанием достоверным. Другими словами, если следователь в ходе производства предварительного следствия допрашивает свидетеля об известных ему обстоятельствах произошедшего, на момент окончания допроса, если не имеется иных противоречащих доказательств, то данные показания становятся доказательством. Но при этом не исключается то, что свидетель мог сообщить ложные сведения или же непреднамеренно заблуждаться о каких-то обстоятельствах расследуемого преступления. Очевидно, что в данном случае, пока показания не соотнесены с непознанными на данный момент обстоятельствами расследуемого уголовного дела, нельзя говорить об их полной достоверности, признавать их доказательственным аргументом.

Справедливо отмечал С. А. Пашин: «с помощью доказательств не устанавливается истина, а обосновываются определенные выводы» [9, с. 312]. Доказательства для следователя необходимы для подтверждения или опровержения выдвинутой им версии, обоснованности принятого уголовно-процессуального решения, а не решения вопроса достижения истины. В любом случае говорить о достижении истины, как об одной из задач уголовного судопроизводства, некорректно, поскольку действующий УПК РФ не содержит данного понятия.

Факт — событие материального мира, существование которого не зависит от человека. Им невозможно манипулировать. Это — из области онтологии. Потому в уголовном судопроизводстве аргументами-доказательствами устанавливается доказательственный факт. Это — сфера гносеологии. Если интерпретировать любое доказательство исключительно как доказательственный факт, то следует признать излишним формирование системы (совокупности) доказательств.

Если доказательственный факт интерпретируется как конкретный элемент предмета доказывания, который подлежит установлению, то аргументы-доказательства — результат взаимодействия (взаимоотражения) объектов материального мира. Что важно — эти отражения не всегда могут быть достоверными или же восприняты субъектом расследования недостоверным образом, что соответствует природе уголовно-процессуального познания. Как отмечал А. Ф. Лубин: «расследование преступлений — это вечное преодоление сопротивления предметной и человеческой материи» [10, с. 71]. Результатом сопротивления будут выступать помехи в расследовании, которые могут выражаться как в умышленном, так и неосознанном сокрытии или изменении отображений преступной деятельности. В данном контексте познава-

тельная деятельность субъекта расследования всегда связана с информацией, достоверность которой необходимо проверять.

Согласно УПК РСФСР, симбиозом факта и сведений о нем выступало понятие «фактические данные», раскрывавшие с точки зрения законодателя содержание доказательств (ст. 69 УПК РСФСР). По действующему УПК РФ, это понятие было изменено на «любые сведения» (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Некоторые ученые видят в этом необходимость иной трактовки термина «доказательство» [11, с. 142], а другие отмечают, что в этом нет никакого смысла [12, с. 74]. Как представляется, отказ от любых словосочетаний со словом «факт» к раскрытию понятия содержания доказательств необходимо связывать именно с отказом от достижения истины в уголовном судопроизводстве и — одновременно — с расширением информационных подходов.

Термин «информация», вышедший из науки кибернетики, в последнее время широко внедрился во все сферы деятельности человека. При этом его однообразное понимание до сих пор отсутствует. Норберт Винер, являющийся одним из основоположников кибернетики, определил информацию как: «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших органов чувств» [13, с. 31]. Таким образом, информация — это сообщение, полученные человеком о внешнем мире, событии и последствиях этого события, при помощи органов чувств, и им воспринятое.

Понятие доказательства, с точки зрения информационного подхода, традиционно трактуется через понятие сигнала. К. А. Полетаев раскрывал понятие сигнала как тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте, т. е. выступающий в роли модели события, объекта, явления [14, с. 25—44]. Сигнал выступает как материальный носитель и как средство передачи информации. Проецируя вышесказанное на теорию доказывания уголовного процесса, А. Р. Белкин отметил, что «информация — это совокупность структурных свойств некоторого объекта, моделирующая определенные структурные свойства оригинала. При этом объект, определенные структурные характеристики которого моделируют структуру оригинала, служит носителем информации. Этим объектом является доказательство. Совокупность структурных его свойств, моделирующая определенные структурные свойства оригинала, — доказательственная информация, а моделируемый с ее помощью оригинал — событие, ставшее предметом доказывания, т. е. преступление» [15, с. 78].

Например, любые противоправные действия лица, совершающего преступление на месте происшествия — оригинал, т. е. то, что впоследствии субъект расследования должен познать (ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Носителем же информации о действиях преступника может выступать свидетель, который являлся очевидцем совершения преступления. Доказательственную информацию будут представлять собой непосредственно его показания, попытка

перенести тот мысленный образ из его сознания о действиях преступника. Из этого также следует и то, что изначально отражение совершенного преступления отображается в сознании людей и предметах материального мира. При этом они могут стать доказательствами только при должном познавательном процессе субъектов расследования и придании им процессуальной формы. В связи с этим доказательство не может существовать только в виде отражения совершенного преступления в объектах материального мира, или только его формы. Информация свидетеля об обстоятельствах преступления не может стать доказательством, пока не получит своего процессуального закрепления — отражении его показаний в протоколе допроса. В свою очередь, сам по себе свидетель тоже не может являться доказательством, поскольку он лишь носитель информации, и ее необходимо из него извлечь и процессуально оформить. Таким образом, доказательство — это единство формы и содержания.

В юридической литературе термины «информация» и «любые сведения» зачастую употребляются как синонимы. Данное замещение понятий не всегда верно. Разделяя позицию Ю. П. Боруленкова, отметим, что сведения — это осмысленные и осознанные субъектом познания данные [11, с. 141]. Любой след преступления на месте происшествия — информация, содержащая в себе свойства и признаки объекта, оставившего его. Обнаруженный, изъятый и исследованный след — сведения, поскольку субъект расследования может вывести из него определенное умозаключение о механизме совершенного преступления. По сути, сведения — это совокупность информации об одном отображении. Не каждый след становится сведениями, но при этом каждый несет в себе определенную информацию.

Но также это не значит, что в роли доказательств могут выступать исключительно сведения. Если рассмотреть содержание доказательств через призму средств, с помощью которых они могут быть получены, то необходимо остановиться на следственном действии, предусмотренном ст. 186.1 УПК РФ — получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В настоящее время, в связи с развитием средств массовой телекоммуникации, сложно представить совершенное преступление, информация о котором не отразится в одном из них, особенно это касается соединений посредством использования средств сотовой связи. Их анализ помогает установить и связи лиц, совершивших преступление, и их местоположение при совершении соединений, что зачастую представляет весомый интерес при доказывании виновности лица. Предоставляемая компаниями сотовой связи информация о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами содержит данные о номере абонента, совершавшего соединение, номере абонента, с которым совершалось соединение, времени и местоположении базовой станции, принимавшей сигнал. С одной стороны, это огромные массивы информации, из которой необходимо вычлени-

именно представляющую интерес для расследования, которая будет подтверждать выдвинутую субъектом расследования версию или опровергать защитную позицию обвиняемого. После осмотра и анализа данная информация превратится уже в сведения, но при этом доказательством являются не только представляющие интерес для расследования сведения, а информация в полном объеме, предоставленная сотовой компанией, а также ее носитель. Это и подтверждает в очередной раз единство формы и содержания доказательства. На это же указывает и законодатель в ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ, говоря о том, что доказательством признаются документы, содержащие информацию о соединениях абонента, которые должны приобщаться к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства. Это можно обосновать и тем, что если признавать в качестве доказательства конкретный необходимый фрагмент сведений, то в ситуации, когда будет получена информация о совершении лицом новых эпизодов преступной деятельности и необходимости дополнительного осмотра и анализа имеющихся соединений, необходимо будет выносить новое постановление о признании в качестве доказательства новых сведений, что приведет к тому, что один и тот же объект, содержащий одну и ту же доказательственную информацию, будет признан доказательством несколько раз.

Данная ситуация касается и иных следственных и процессуальных действий, когда в качестве содержания доказательства выступает именно информация. Так, например, в ходе расследования уголовного дела № 11701220036000689¹, находившегося в производстве следственной части ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области по факту совершения серии тайных хищений транспортных средств на территории города Нижнего Новгорода, органами предварительного следствия в различных транспортных компаниях была получена информация о пересылке фигурантами уголовного дела фрагментов транспортных средств с идентификационными номерами, что подтверждало причастность отправителей и получателей к данной преступной деятельности. После осмотра и анализа предоставленной информации последняя была признана в качестве доказательства по уголовному делу. Тем самым в качестве содержания доказательства выступила именно информация, и с каждым вновь появившемся эпизодом преступной деятельности осуществлялся ее дополнительный осмотр и анализ, без нового признания в качестве вещественного доказательства.

Само содержание доказательств раскрывалось с различных вариаций, но с учетом проведенного исследования и гносеологической точки зрения, наиболее точно его можно выразить через информацию и сведения, благодаря их более широкой интерпретации. В связи с этим представляется целесо-

¹ Материалы уголовного дела № 1-14/2019 // Архив Советского районного суда г. Н. Новгорода, 2019.

образным внести изменения в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, а именно: слова «любые сведения» заменить словами «информация (любые сведения)».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. — М.: Изд. дом «Городец», 2008. — 176 с.
2. Лупинская П. А. О проблемах теории судебных доказательств // Сов. гос-во и право. — 1960. — № 10. — С. 121—124.
3. Гусев Л. Н. Об основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. — М., 1959. — 95 с.
4. См. напр.: Писарев Е. В. Доказательство как производная доказательственной информации // Российский следователь. — 2011. — № 3. — С. 5—7.
5. Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2006. — 421 с.
6. Статья 59 Кодекса административного судопроизводства РФ; ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса РФ; ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ // Доступ из СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 14.01.2020).
7. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. // Справ.-инф. портал ГРАМОТА.РУ [Электронный ресурс]. — URL: <http://gramota.ru/slovari> (дата обращения: 14.01.2020).
8. Советский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1980. — 1600 с.
9. Пашин С. А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссия. — М.: Междунар. комитет содействия правой реформе, 1995. — С. 67—72.
10. Лубин А. Ф. Криминалистические основы деятельности по расследованию преступлений: курс лек. — Н. Новгород: НА МВД РФ, 2014. — 201 с.
11. Боруленков Ю. П. Теоретические основы процессуального познания. — Владимир: ВГПУ, 2006. — 257 с.
12. Треушников М. К. Судебные доказательства. — М.: Изд. дом «Городец», 2004. — 272 с.
13. Винер Н. Кибернетика и общество. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. — 199 с.
14. Полетаев К. А. Сигнал. — М.: Сов. радио, 1958. — С. 404 с.
15. Белкин А. Р. Теория доказывания: моногр. — М.: Норма, 1999. — 429 с.

УДК: 343.13

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10019

Владимир Юрьевич Стельмах,

профессор кафедры уголовного процесса

Уральского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

ВИДЫ ОГРАНИЧЕНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В РАМКАХ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Аннотация. В работе предпринята попытка провести анализ видов ограничений, применяемых в рамках мер пресечения в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством. Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей и возможностей применения ограничений, прямо не закрепленных в уголовно-процессуальном законе.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, процессуальное принуждение, меры пресечения, запрет определенных действий.

Vladimir Yurievich Stelmakh,

Professor of the Criminal Procedure Department

Ural Law Institute of the MIA of Russia,

Candidate of Law, Associate Professor

TYPES OF RESTRICTIONS USED IN PREVENTIVE MEASURES

Abstract. The article attempts to analyze the types of restrictions used in preventive measures in accordance with the current criminal procedure legislation. Special attention is paid to the peculiarities and possibilities of applying restrictions that are not explicitly specified in the Criminal Procedure Act.

Keywords: criminal procedure, preliminary investigation, procedural coercion, preventive measures, prohibition of certain actions.

Меры пресечения применяются практически по каждому уголовному делу. Основаниями избрания мер пресечения, в соответствии с ч. 1 ст. 97 УПК РФ¹, являются достаточные основания полагать, т. е. строить обоснованные предположения о том, что обвиняемый (подозреваемый):

- 1) скроется от предварительного расследования или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Кроме того, в ч. 2 ст. 97 УПК РФ содержатся специфические основания избрания меры пресечения — обеспечение исполнения приговора либо возможной экстрадиции обвиняемого в иностранное государство. Специфика первого из этих оснований определяется его пределами. Оно применяется исключительно для обеспечения имущественных аспектов исполнения приговора (конфискации имущества, разрешения гражданского иска, наложения уголовного наказания имущественного характера, например, штрафа). Особенность второго основания, названного в ч. 2 ст. 97 УПК РФ, состоит в том, что оно используется в ситуациях, когда уголовное дело расследуется, а лицо обвиняется в совершении преступления правоприменительными органами иностранного государства. Соответственно, в Российской Федерации уголовное преследование лица не осуществляется, а избрание меры пресечения осуществляется в порядке реализации принятых на себя государством обязанностей по международному сотрудничеству в сфере противодействия преступности.

В настоящий момент уголовно-процессуальный закон предусматривает восемь мер пресечения, которые исчерпывающим образом указаны в ст. 98 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 97 УПК РФ, по уголовному делу к обвиняемому (подозреваемому) допускается одновременное применение только одной меры пресечения.

Такой подход вызывает критику среди процессуалистов. Предлагается либо разрешить избрание одновременно нескольких мер пресечения [9, с. 8; 10, с. 19], либо создать «комплекс мер пресечения по типу „конструктора“, создавая из отдельных запретов и обеспечительных мер оптимальный механизм воздействия на обвиняемого в целях достижения назначения уголовного процесса и эффективного применения средств уголовно-процессуальной репрессии» [5, с. 36]. Такие предложения отражают стремление добиться рационализации системы ограничений, применяемых к обвиняемому (подозреваемому) при избрании меры пресечения и обеспечить должное поведение соответствующего лица. Однако они содержат в себе внутренние противоречия.

Неясно, зачем избирать к обвиняемому (подозреваемому) несколько мер пресечения, существенно отличающихся по своей правовой природе и налагаемым ограничениям. Фактически это будет означать то, что к лицу применяются средства принудительного воздействия, предусмотренные наиболее строгой мерой пресечения, а остальные, присущие другим мерам пресечения, выглядят бесполезными формальностями. С некоторой долей условности такой порядок можно сравнить с практикуемым в США назначением в одном приговоре одновременно нескольких наказаний в виде смертной

казни или пожизненного лишения свободы. Очевидно, что каждое последующее такое наказание не имеет практического смысла.

Создание «процессуального конструктора» более оправданно, однако и эта нормативная модель вызывает существенные вопросы. Становится ненужной система мер пресечения, достаточно предусмотреть меру пресечения как таковую с набором различных ограничений, которые будут избираться в зависимости от обстоятельств уголовного дела. Вместе следует согласиться с авторами, полагающими, что именно разветвленность системы мер пресечения свидетельствует о высоком уровне правовой культуры [3, с. 51], поскольку в таких условиях можно в полной мере учесть специфику конкретного уголовного дела и индивидуальные особенности конкретного обвиняемого (подозреваемого).

Существующая в настоящее время нормативная конструкция, предоставляющая возможность избрания единственной меры пресечения, представляется более правильной. Ее несомненное преимущество в том, что каждая мера пресечения содержит особое, неповторимое сочетание принудительных элементов и ограничений. С одной стороны, лицо, в отношении которого избирается мера пресечения, четко представляет, какие именно ограничения будут установлены этой мерой, и это обеспечивает соблюдение прав соответствующего обвиняемого (подозреваемого). С другой стороны, орган предварительного расследования выбирает именно ту меру пресечения, которая, с его точки зрения, способна обеспечить должное поведение участника уголовного судопроизводства.

При этом законодатель учитывает определенные коллизии. Так, мера пресечения в виде залога не содержала никаких ограничивающих механизмов, кроме внесения ценностей, поэтому на современном этапе к лицу, в отношении которого избран залог, можно дополнительно применить некоторые ограничения, предусмотренные другой мерой пресечения — запретом определенных действий.

Таким образом, законодателем создана весьма специфическая нормативная конструкция. К обвиняемому (подозреваемому) применяется только одна мера пресечения, но при этом в прямо установленных законом случаях, в ее рамках могут дополнительно назначаться ограничения, предусмотренные другой мерой пресечения. Эта модель восприняла некоторые идеи «процессуального конструктора», однако она оставляет систему самостоятельных мер пресечения, с индивидуальным набором принудительных средств. Происходит определенное комбинирование основного ограничения, установленного одной мерой пресечения, с некоторыми другими ограничениями [4, с. 21—22; 8, с. 107]. Указанный подход в настоящее время представляется оптимальным, позволяющим проявлять гибкость при избрании мер пресечения [7, с. 40; 11, с. 85]. Вместе с тем дальнейшее распространение подобной схемы на иные меры пресечения требует осторожности. Так, Н. Н. Апостолю-

ва предлагает применять предусмотренные ст. 105.1 УПК РФ ограничения при избрании таких мер пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним [1, с. 23—25]. Однако данные меры пресечения изначально конструировались законодателем как затрагивающие личные права граждан в наименьшей степени. По смыслу закона, они избираются тогда, когда есть минимальная, скорее абстрактная, чем конкретная возможность того, что обвиняемый (подозреваемый) скроется от предварительного расследования или суда. Возложение в подобной ситуации на обвиняемого (подозреваемого) достаточно жестких запретов, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, вряд ли будет соответствовать логике нормативной регламентации.

Каждая мера пресечения характеризуется определенными ограничениями, составляющими ее содержание и позволяющими варьировать выбор конкретной меры пресечения. Вопрос о правовой природе данных ограничений активно обсуждался в научной литературе. Вместе с тем не все аспекты освещены в объеме, соответствующем сложности и актуальности проблемы. Кроме того, фактически остаются неучтенными те ограничения, которые предусмотрены нормативной конструкцией запрета определенных действий.

Традиционно указывается, что все средства принудительного воздействия, применяемые в рамках мер пресечения, зависят от содержания ограничиваемых ими прав человека и в соответствии с этим подразделяются на три вида: физические, имущественные и психологические [6, с. 28]. Физические средства сопряжены с непосредственным лишением возможности лица осуществлять какие-либо действия, как правило, связанные со свободой передвижения. Соответственно, полагается, что физические ограничения лежат в основе таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест. Имущественные принудительные средства означают возможность лишения лица материальных благ. Исходя из этого, имущественный характер носит залог. Наконец, остальные средства воздействуют на лицо, к которому применена мера пресечения, психологически, вынуждая его через такое воздействие отказаться от совершения действий, нежелательных в процессе уголовного судопроизводства.

Однако такая классификация средств принудительного воздействия, на которых основаны меры пресечения, представляется весьма упрощенной и не совсем полной.

Во-первых, сложно согласиться с тем, что некоторые меры пресечения основаны исключительно на психологических средствах воздействия на обвиняемого (подозреваемого). Если согласиться с этим, то придется признать, что в основе некоторых мер пресечения лежит ничем не подкрепленное обещание обвиняемого (подозреваемого) даже не действовать определенным образом, а лишь отказаться от отдельных видов откровенно неприемлемого по-

ведения в рамках уголовного судопроизводства. Такая конструкция превращает меру пресечения в эфемерное явление, не гарантированное никакими реальными механизмами.

Во-вторых, не учитываются те принудительные средства, которые в виде запретов предусмотрены в ст. 105.1 УПК РФ. Например, запрет нахождения в определенных местах, общения с определенными лицами, управления транспортными средствами крайне сложно квалифицировать как физический, поскольку в основе этих ограничений лежат иные явления.

Анализ содержания ограничений, положенных в основу мер пресечения, целесообразно начать с изучения более общего вопроса — общих обязанностей обвиняемого (подозреваемого) как участника уголовного судопроизводства. В ст. 46 и 47 УПК РФ не содержится ни одной обязанности данных субъектов. При этом уголовно-процессуальный закон закрепляет среди обязанностей потерпевшего и свидетеля не уклоняться от органов предварительного расследования и суда. Непонятно, почему эта организационная обязанность, не связанная с требованием оказывать расследованию содействия в установлении обстоятельств совершения преступления, не введена для обвиняемого (подозреваемого). Очевидно, что эти участники не могут принуждаться к выяснению истины (для них это равносильно содействию в изобличении самих себя в совершении преступного деяния). Однако обязанность участвовать в уголовно-процессуальной деятельности лежит в основе положения любого участника уголовного судопроизводства, в том числе обвиняемого (подозреваемого). Соответственно, организационные требования субъекта, уполномоченного на осуществление этой деятельности в зависимости от стадии уголовного процесса, обязательны для исполнения в том числе обвиняемым (подозреваемым). К таким обязанностям, в частности, относится необходимость прибывать в установленное время для проведения процессуальных действий.

Кроме того, очевидно и наличие обязанности обвиняемого не уклоняться от органов уголовного судопроизводства, а также не оказывать противоправного воздействия на участников уголовного процесса. Эта обязанность также находится в основе процессуального положения обвиняемого (подозреваемого), ее наличие подразумевается смыслом закона, она существует даже в отсутствие прямой формулировки в тексте уголовно-процессуального закона. Иначе невозможно представить структурированность уголовного судопроизводства, его направленность на реализацию своего назначения.

Представляется, что подобные обязанности обвиняемого (подозреваемого) вытекают непосредственно из его процессуального статуса и существуют вне зависимости от избрания в отношении него меры пресечения. Это усматривается и из смысла закона, согласно которому соответствующие обстоятельства являются основаниями избрания мер пресечения, но не их содержанием. Другой вопрос, что мера пресечения позволяет упорядочить ис-

полнение этих обязанностей и, самое важное, изменить объем и характер оказываемого на обвиняемого (подозреваемого) уголовно-процессуального принуждения в силу их ненадлежащего исполнения. Мера пресечения, с методологической точки зрения, устанавливает не столько обязанности обвиняемого (подозреваемого) не нарушать распорядок уголовного судопроизводства, сколько конкретные ограничительные механизмы, позволяющие реализовать соответствующие обязанности.

Однако в настоящее время реальность такова, что о наличии обязанностей обвиняемого (подозреваемого) не скрываются от органов предварительного расследования и суда, не продолжают заниматься преступной деятельностью и не противодействовать судопроизводству, можно судить лишь по нормам УПК РФ, регламентирующим меры пресечения. При этом, по буквальному смыслу закона, данные обязанности возникают у обвиняемого (подозреваемого) только в рамках избранной ему меры пресечения.

Представляется, что нормативная конструкция должна быть несколько изменена. Необходимо закрепить общие обязанности обвиняемого (подозреваемого): являться по вызовам органов предварительного расследования и не оказывать неправомерного воздействия на участников уголовного судопроизводства. Эти обязанности будут органически сочетаться с мерами пресечения. Основаниями мер пресечения выступают обоснованные предположения о возможности негативного поведения обвиняемого, сопряженного с неисполнением им своих обязанностей, а содержанием мер пресечения — конкретные принудительные средства, присущие соответствующей мере пресечения.

Эти изменения помогут решить одну существенную коллизию. Мера пресечения, предусмотренная ст. 105.1 УПК РФ, устанавливает несколько запретов, не связанных с недопустимостью выхода за пределы жилого помещения, в котором проживает обвиняемый (подозреваемый) (п. 2—6 ч. 6 ст. 105.1. УПК РФ). В ч. 13 ст. 105.1 УПК РФ говорится, что в случае нарушения лицом данных запретов мера пресечения может быть заменена на более строгую. Вместе с тем неясно, может ли иметь место изменение данной меры пресечения, если обвиняемый (подозреваемый) не является без уважительных причин по вызовам органа предварительного расследования или суда. По буквальному смыслу закона, такие действия не являются нарушением запрета определенных действий и не влекут неблагоприятных последствий для обвиняемого (подозреваемого). Такая ситуация весьма абсурдна, поскольку обвиняемый (подозреваемый) подобными поступками дезорганизует уголовное судопроизводство.

В ст. 106 УПК РФ, регламентирующей порядок применения залога, вообще не говорится о замене этой меры пресечения на более строгую. Очевидно, что в подобных случаях следует руководствоваться общей нормой,

предусмотренной ч. 1 ст. 110 УПК РФ. Однако в ней говорится только об изменении оснований, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Получается, что нарушением обвиняемым (подозреваемым) своей базовой обязанности по явке к органам уголовного судопроизводства, вытекающей из самой сути его процессуального статуса, само по себе не является основанием для изменения меры пресечения на более строгую.

Также важно уяснить, какого рода принудительные средства допустимы в рамках мер пресечения.

Представляется, что эти средства можно разделить на следующие группы.

Первую группу образуют средства физического характера. Это непосредственно ограничение лица в возможности свободно передвигаться [2, с. 16]. Такие средства присущи мерам пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, а также запрета выхода из жилого помещения в рамках запрета определенных действий. Эти меры пресечения предполагают невозможность обвиняемого (подозреваемого) выхода за пределы места его нахождения. При заключении под стражу местом пребывания является специальное государственное учреждение (следственный изолятор) с принудительным режимом содержания, сопоставимым с тюремным. В условиях домашнего ареста и запрета выхода из жилого помещения местом нахождения является жилое помещение, в котором обвиняемый (подозреваемый) проживает на законных основаниях, либо медицинский (психиатрический) стационар, куда он помещается в связи с соответствующим заболеванием. Несмотря на то, что режим содержания в этих местах несравним с точки зрения комфорта, личной свободы в пределах соответствующего помещения, с точки зрения мер пресечения ограничения, существующие в рамках заключения под стражу и домашнего ареста, выглядят вполне сопоставимыми и однородными.

Вторая группа принудительных средств — это средства имущественного характера. Они присущи такой мере пресечения, как залог, и состоят во внесении обвиняемым (подозреваемым), либо в его интересах залогодателем определенных ценностей, опасение лишиться которых, по логике законодателя, призвано служить сдерживающим фактором для обвиняемого (подозреваемого).

Данная категория средств обладает двумя группами ограничений. Во-первых, это невозможность пользоваться и распоряжаться предметом залога во время нахождения соответствующих средств в данном качестве. Во-вторых, это обращение предмета залога в доход государства в случае нарушения обвиняемым (подозреваемым) своих обязательств в рамках избранной меры пресечения.

Следует заметить, что существуют проблемы эффективности реализации ограничительных средств имущественного характера. Они возникают,

прежде всего, в случаях внесения залога не обвиняемым (подозреваемым), а иным лицом. В этих ситуациях обвиняемый (подозреваемый) даже при обращении залога в доход государства лично не претерпевает никаких отрицательных последствий. Соответственно, неясно, каким образом залог может удержать его от совершения тех или иных действий.

Третью группу принудительных средств можно назвать организационно-ограничительными. Именно эти средства, а не абстрактное психологическое воздействие следует расценивать как основное содержание практически всех мер пресечения, не связанных с изоляцией лица от общества.

Следует учитывать, что некоторые из организационно-ограничительных средств в настоящее время получили прямое закрепление в тексте уголовно-процессуального закона в рамках ст. 105.1 УПК РФ: запреты нахождения в определенных местах или на определенном расстоянии от них, посещения мероприятий и участия в них, запрет общения с определенными лицами, отправления и получения почтово-телеграфных отправлений, использования средств связи и Интернета, управления транспортными средствами. Некоторые запреты предусматривают дополнительные механизмы их фактической реализации. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 105.1 УПК РФ, в случае возложения на обвиняемого (подозреваемого) запрета управлять транспортным средством производится изъятие у лица водительского удостоверения, которое хранится при уголовном деле до отмены соответствующего запрета. Очевидно, что изъятие названных документов должно производиться непосредственно в рамках применения меры пресечения, проведения отдельного следственного действия (обыска или выемки) для этого не требуется.

Еще одним прямо разрешенным законом организационно-ограничительным средством является применение к обвиняемому (подозреваемому) аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля (электронных браслетов, трекеров), которые используются в рамках домашнего ареста и частично — запрета определенных действий).

Вместе с тем некоторые организационно-ограничительные средства не фиксируются в УПК РФ, а предусмотрены ведомственными нормативными актами либо выработаны правоприменительной практикой. К таковым, в частности, относятся определенные механизмы контроля за перемещением обвиняемого (подозреваемого), в отношении которого избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы.

Следственная практика требует от следователя (дознателя) направлять уведомления в следующие органы:

- подразделение по вопросам миграции органа внутренних дел по месту регистрации обвиняемого (подозреваемого);
- отдел кадров по месту работы;
- военный комиссариат по месту постановки обвиняемого (подозреваемого) на воинский учет;

— подразделение оперативно-розыскной информации органа внутренних дел на транспорте.

Эти уведомления в практической деятельности получили наименование «сторожевые листки».

Наличие такого уведомления позволяет предотвратить снятие обвиняемого (подозреваемого) с регистрационного либо воинского учета, увольнение с места работы, приобретение билетов на поездку воздушным, железнодорожным или автомобильным транспортом (если это связано с необходимостью предъявления паспорта). Это весьма эффективное средство предотвращения уклонения обвиняемого (подозреваемого) от явки к органам уголовного судопроизводства.

Возникает вопрос о законности применения подобных мер в отсутствие их прямого закрепления в уголовно-процессуальном законе. С одной стороны, эти ограничения весьма существенно затрагивают права и свободы граждан, в том числе предусмотренные непосредственно в Конституции Российской Федерации. С другой стороны, данные ограничительные механизмы не превышают тот объем принуждения, который имманентно присущ мерам пресечения, в рамках которых эти ограничения действуют. Очевидно, что, если подписка о невыезде и надлежащем поведении предусматривает обязанность обвиняемого (подозреваемого) не покидать место своего жительства без разрешения органов предварительного расследования и суда, эти органы, избирая данную меру пресечения, вправе установить определенные механизмы обеспечения и контроля.

Необходимо учитывать, что само по себе выставление «сторожевого листка» не содержит дополнительных ограничений прав и свобод обвиняемого (подозреваемого), которые не предполагались бы избираемой в отношении него мерой пресечения. Иными словами, недопущение снятия с регистрационного или воинского учета, приобретения проездных билетов не являются самостоятельными ограничениями, а представляют собой механизм обеспечения запрета покидать место жительства. Соответственно, подобные действия следователя (дознавателя) вполне правомерны и не нарушают конституционные права обвиняемого (подозреваемого) сверх той меры, в которой они ограничены его уголовно-процессуальным статусом.

Таким образом, теоретическая конструкция меры пресечения состоит из нескольких элементов.

Первый элемент — это основания избрания меры пресечения, т. е. предусмотренные уголовно-процессуальным законом обстоятельства, свидетельствующие о возможности совершения обвиняемым (подозреваемым) тех или иных действий, могущих негативно влиять на ход и результаты уголовного судопроизводства.

Второй элемент — это запреты, составляющие содержание меры пресечения.

Третий элемент — это конкретные ограничительные меры, направленные на фактическое исполнение запретов, предусмотренных мерой пресечения.

Кроме того, следует учитывать общепроцессуальную обязанность обвиняемого (подозреваемого) не уклоняться от органов предварительного расследования и суда, прибывать по их вызовам, не входящую в содержание меры пресечения, а органически вытекающую из статуса обвиняемого (подозреваемого).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Апостолова Н. Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. — 2019. — № 3. — С. 23—25.
2. Белозерцев С. М., Балашова А. А. Проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2017. — № 1. — С. 16—24.
3. Бушная Н. В. Запрет определенных действий — уголовно-процессуальная новелла // Законность. — № 4. — 2019. — С. 50—52.
4. Воронов Д. А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. — 2016. — № 3. — С. 21—25.
5. Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Запрет определенных действий — новая старая мера пресечения // Законность. — 2019. — № 6. — С. 33—38.
6. Капинус Н. И. Меры пресечения в российском уголовном процессе // Следователь. — 1998. — № 8 (16). — С. 27—29.
7. Качалова О. В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 3. — С. 38—42.
8. Марковичева Е. В. Запрет определенных действий как основа избрания комбинированных мер пресечения // Уголовное право. — 2019. — № 2. — С. 107—111.
9. Ткачева Н. В. Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2003. — 248 с.
10. Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2016. — 25 с.
11. Хатуаева В. В. Запрет определенных действий — новелла в системе мер пресечения // Законодательство. — 2019. — № 8. — С. 82—85.

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10020

Павел Михайлович Титов,

адъюнкт Уральского юридического института МВД России

ЧАСТНЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается процессуальный статус частного обвинителя как участника уголовного судопроизводства, его особенность, а также отличия от других статусов с подчеркиванием его ключевой роли в категории дел частного обвинения. Дается оценка эффективности поддержания обвинения частным обвинителем с точки зрения сложившейся практики.

Ключевые слова: частный обвинитель, частное обвинение, сторона обвинения, уголовное судопроизводство, уголовное законодательство, уголовная ответственность.

Pavel Mikhaylovich Titov,

Graduate Student

of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

PRIVATE PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines the procedural status of a private Prosecutor as a participant in criminal proceedings, its features, as well as differences from other statuses, emphasizing its key role in the category of private prosecution cases. The assessment of the effectiveness of maintaining the prosecution by a private Prosecutor from the point of view of established practice is given.

Keywords: private accuser, private prosecution, party of charge, criminal proceedings, criminal legislation, criminal liability.

Частные начала в российском уголовно-процессуальном праве являются одной из многочисленных форм реализации конституционных норм: самостоятельная защита своих прав и свобод. Институт частного обвинения является исторически первой формой обвинения, что неоднократно подчеркивалось в различных работах ученых, таких как Л. Г. Джиджавадзе [5], Д. А. Братчиков [2], продолжая и в настоящее время порождать некоторые дискуссионные вопросы среди ученых-процессуалистов.

При этом сегодня более 2/3 оправдательных приговоров приходится именно на категорию дел частного обвинения, но эти дела до 2019 г. в среднем составляли всего до 10 % уголовных дел, рассматриваемых судами. После 2019 г. данный показатель снизился за счет введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) поправок. При этом на них приходится до 80 % прекращенных уголовных дел по rea-

билитирующим основаниям. А также около половины дел категории частного обвинения заканчиваются примирением сторон.

Дела частного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего и его законного представителя, согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ. В. С. Джатиев высказывает свое мнение и говорит о том, что в частном обвинении самого обвинения нет, а заявление потерпевшей стороны выступает как повод к возбуждению уголовного дела [4, с. 17]. Однако это не так, что можно проследить в ч. 1 ст. 318 УПК РФ. Кроме самого заявления, подаваемого потерпевшей стороной, выполняется ряд действий, а именно, одно из существенных, — формулирование потерпевшей стороной обвинения. А. В. Гриненко также подчеркивает, что «объем поданного заявления формирует пределы доказывания по уголовном уделу частного обвинения» [3, с. 16].

Кроме того, потерпевшей стороной, т. е. заявителем по делам частного обвинения, может быть как непосредственно потерпевший от преступления, так и его законный представитель. Исчерпывающий перечень субъектов, могущих выступать в качестве законных представителей, приведен в п. 12 ст. 5 УПК РФ: а) родители или усыновители; б) опекуны или попечители; в) представители учреждений или организаций, на попечении которых находится лицо; г) органы опеки и попечительства.

Сравнительный анализ норм, регламентирующих порядок возбуждения дел частного обвинения и вопросы, связанные с законным представительством в уголовном судопроизводстве, позволяющие отличить данную форму обвинения от иных других форм уголовного судопроизводства, вызывает ряд вопросов.

Во-первых, приведенный законодателем в п. 12 ст. 5 УПК РФ перечень субъектов, могущих быть законными представителями потерпевшего, адаптирован только для несовершеннолетних представляемых. Вместе с тем нерешенной остается ситуация, когда лицо, в отношении которого совершено преступление, является престарелым и в силу этого не может самостоятельно подать заявление, и при этом имеет совершеннолетних близких родственников (детей или внуков). Действующее законодательство не позволяет в указанной ситуации близким родственникам выступать в качестве законных представителей, что вряд ли обоснованно как с социальной, так и с общеправовой точек зрения.

Во-вторых, возникает вопрос, всегда ли субъекты, названные в п. 12 ст. 5 УПК РФ, вправе подать заявление в интересах несовершеннолетнего или умершего потерпевшего, о возбуждении уголовного дела частного обвинения. Представляется, что возможность возбуждения дела частного обвинения по заявлению законного представителя нельзя рассматривать как полную и свободную альтернативу возбуждению дела по заявлению самого потерпевшего. Иными словами, формулировки ч. 2 ст. 20 и ч. 1 ст. 318 УПК РФ от-

нюдь не свидетельствуют о том, что законный представитель вправе во всех случаях подать заявление о возбуждении дела частного обвинения вместо потерпевшего. Это вытекает из самой сущности рассматриваемой категории дел, по которым принятие юридически значимых решений ставится в полную зависимость от волеизъявления потерпевшего как лица, которому преступлением причинен вред.

Исходя из этого, очевидно, что возбуждение уголовного дела по заявлению не потерпевшего, а законного представителя может иметь место в случаях, когда потерпевший не в состоянии самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Перечень таких ситуаций не определен ни законодательно, ни в разъяснениях Пленума Верховного суда Российской Федерации, ни в научной литературе. Представляется, что к ним должны относиться: а) недостижение потерпевшим 16-летнего возраста; б) наличие у потерпевшего психического заболевания; в) наличие у потерпевшего физического заболевания или недостатка, препятствующего самостоятельному обращению в суд; г) зависимость потерпевшего от лица, совершившего деяние, лишаящая возможности самостоятельной подачи заявления потерпевшим без наступления для него негативных последствий. Думается, что подобные разъяснения целесообразно закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

При этом возникает вопрос о конкуренции предлагаемых правил и положений ч. 4 ст. 20 УПК РФ, согласно которым при наличии у потерпевшего беспомощного или зависимого от виновного состояния уголовное дело возбуждается в общем порядке (следователем или дознавателем с согласия прокурора). Представляется, что ч. 4 ст. 20 УПК РФ должна применяться в следующих случаях: а) если лицом, совершившим деяние, является близкий родственник потерпевшего; б) если у потерпевшего не имеется близких родственников либо они проживают в другом населенном пункте; в) если близкие родственники потерпевшего сами находятся в зависимости от виновного или по иным причинам не могут самостоятельно осуществлять свои права (например, в силу малограмотности, престарелого возраста и т. п.). Данный перечень не должен быть исчерпывающим и может включать в себя иные сходные ситуации, сводящиеся к тому, что близкий родственник не в состоянии или не заинтересован помогать потерпевшему в осуществлении уголовного преследования. При отсутствии данных обстоятельств уголовное дело частного обвинения следует возбуждать по заявлению законного представителя.

Кроме того, в ч. 2 ст. 318 УПК РФ указано, что в случае смерти потерпевшего возбуждение уголовного дела частного обвинения производится по заявлению близкого родственника.

Думается, что, исходя из особенностей дел частного обвинения, необходимо скорректировать нормы УПК РФ, закрепив, что дела данной катего-

рии возбуждаются по заявлению потерпевшего, а в случае его смерти или невозможности самостоятельной подачи им заявления — близкими родственниками потерпевшего. В научной литературе выдвинуто заслуживающее внимания предложение о том, чтобы в случае смерти потерпевшего и отсутствия у него близких родственников правами потерпевшего наделялись представители государственных органов [6, с. 12]. Представляется, однако, что это допустимо по делам публичного и частно-публичного обвинения, в то время как по делам частного обвинения право на осуществление уголовного преследования должно принадлежать только потерпевшему. Аналогичную позицию разделяет Пленум Верховного Суда Российской Федерации, указавший, что по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, права потерпевших не могут переходить к работникам органов социальной защиты населения, представителям администраций муниципальных образований и т. п. (абзац 5 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»). Это разъяснение касается дел публичного обвинения, но очевидно, что даже если по делам этой категории, по которым осуществление уголовного преследования не ставится в зависимость от усмотрения потерпевшего, соответствующие субъекты не могут признаваться потерпевшими, то это тем более невозможно по делам частного обвинения, возбуждаемым исключительно по заявлению потерпевшего.

Как было отмечено, специфическим участником уголовного судопроизводства по рассматриваемой категории дел является частный обвинитель. Л. А. Александрова справедливо отмечает, что понятие «частный обвинитель» шире, чем потерпевший, поскольку частным обвинителем может выступать не только потерпевший, но и другие названные в УПК РФ лица [1, с. 52].

Процессуальный статус частного обвинителя в настоящее время регламентирован далеко не в полной мере, на что справедливо обращается внимание в научной литературе [7, с. 8].

Частный обвинитель — это самостоятельный участник уголовного судопроизводства, существующий только по делам частного обвинения.

В УПК РФ содержится два несколько отличающихся друг от друга понятия частного обвинителя. Так, в ч. 1 ст. 43 УПК РФ частный обвинитель определяется как лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения в установленном порядке, и поддерживающее обвинение в суде (ч. 1 ст. 43 УПК РФ). В то же время в п. 59 ст. 5 УПК РФ указано, что частный обвинитель — это потерпевший или его законный представитель и представитель по уголовным делам частного обвинения. Эти несоответствия отмечены в научной литературе [10, с. 202—203]. Решать их необходимо

путем системного анализа положений законодательства и теоретических представлений о делах частного обвинения.

Различия между ч. 1 ст. 43 и п. 59 п. 5 УПК РФ обусловлены не принципиальной разницей в трактовке понимания частного обвинителя, а в том, что п. 59 ст. 5 УПК РФ характеризует частного обвинителя с точки зрения субъектного состава, а ч. 1 ст. 43 УПК РФ — с точки зрения характера осуществляемой им деятельности по делам частного обвинения. Как представляется, именно специфика деятельности должна определять круг лиц, допускаемых в качестве частного обвинителя. Исходя из содержания ч. 1 ст. 43 УПК РФ, в самом общем виде частный обвинитель выполняет два основных вида деятельности, о которых ранее упоминалось в различных научных работах [8], [9]: 1) подача заявления; 2) поддержание обвинения в суде. Очевидно, что данный перечень является не совсем полным. Правильнее было бы говорить о том, что частный обвинитель осуществляет в отношении обвиняемого уголовное преследование, которое не сводится только к выступлению на судебном заседании.

Следует иметь в виду, что названные направления деятельности частного обвинителя неравнозначны по своей правовой сущности. Решения об обращении с заявлением, определении обвиняемых, примирении с обвиняемым или отказе от примирения неразрывно связаны с личностью потерпевшего, поскольку непосредственный вред от преступления причиняется именно ему, и поэтому эти решения должны приниматься лично потерпевшим, и только в случае невозможности по причине беспомощности или зависимости от виновного — близким родственником (законным представителем). Это полностью соответствует диспозитивному характеру судопроизводства по делам частного обвинения.

Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой ч. 1 ст. 45 УПК РФ «не может быть истолкована таким образом, чтобы исключалось участие лица, не являющегося адвокатом, в уголовном процессе в качестве представителя потерпевшего. Лишение этих лиц права обратиться за юридической помощью к тому, кто, по их мнению, вполне способен оказать квалифицированную юридическую помощь, фактически приводило бы к ограничению свободы выбора, к понуждению использовать вопреки собственной воле только один, определенный способ защиты своих интересов и противоречило бы ст. 52 Конституции Российской Федерации, согласно которой права потерпевших от преступлений подлежат охране законом, а государство обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Кроме того, обвиняемый, не имеющий возможности, в частности материальной, пригласить адвоката по своему выбору, вправе ходатайствовать о предоставлении ему защитника по назначению. Потерпевшего же уголовно-процессуальный закон таким правом не наделяет. В случае отказа в допуске того или иного лица —

по их выбору — в качестве защитника они вообще лишаются возможности реализовать в уголовном процессе свое право, гарантированное ч. 1 ст. 18 Конституции Российской Федерации». В другом решении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что употребленное в уголовно-процессуальном законе «словосочетание „представителями могут быть адвокаты“ имеет в виду, по сути, альтернативу выбора представителя».

Практика, выступающая критерием истинности любого теоретического утверждения, также позволяет сделать выводы об эффективности поддержания обвинения частным обвинителем. За 2017 г. мировыми судьями осуждено 4 тыс. 537 подсудимых по делам частного обвинения, оправдано 1 тыс. 775 лиц. За первое полугодие 2018 г. данные показатели составляют соответственно 757 и 354 лица. Несмотря на то, что процент оправданных по делам частного обвинения значительно выше, чем по остальным делам, существующая пропорция подтверждает, что частные обвинители вполне способны поддерживать обвинение на уровне, достаточном для установления обстоятельств дела, позволяющих вынести обвинительный приговор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Александрова Л. А. Публичность как основание уголовно-процессуального права. — М.: Изд-во «Юрлитинформ». 2007. — 144 с.
2. Братчиков Д. А. Частное начало в уголовном процессе России // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. — 2015. — № 7. — С. 80—87.
3. Гриненко А. В. Частное обвинение в механизме уголовно-процессуального регулирования // Мировой судья. — 2018. — № 2. — С. 14—17.
4. Джатиев В. С. Обвинение и защита // Российская юстиция. — 1995. — № 3. — С. 17—18.
5. Джиджавадзе Л. Г. Повода для возбуждения уголовных дел, подсудные мировым судьям в России (историко-правовой аспект) // Вопросы российской юстиции. — 2019. — № 3. — С. 24—34.
6. Колдин С. В. Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2004. — 235 с.
7. Соболев М. В. Производство по уголовным делам частного обвинения в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 26 с.
8. Стельмах В. Ю. Титов П. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Правоохр. органы: теория и практика. — 2015. — № 2. — С. 5—10.
9. Степанова В. Г. Отказ частного обвинителя от обвинения как основание прекращения уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2012. — № 4. — С. 22—29.
10. Уголовный процесс: учебник / Под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. — М.: Волтерс Клувер, 2011. — 1057 с.

Информация для авторов

1. Сборник научных трудов «Криминалистика: вчера, сегодня, завтра» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Выходит четыре раза в год.

2. Все публикуемые материалы проходят рецензирование.

3. Журнал имеет свой раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет главный редактор.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья) должен быть оригинальным (ранее не опубликованным).

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала; заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

11. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

12. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

13. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

14. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии в соответствии с тематикой его научной деятельности. К рецензированию также могут быть сотрудники образовательных

организаций МВД России, а также других образовательных организаций Российской Федерации. Рецензентами не могут быть научные руководители авторов статей.

15. Члены редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала. Рецензии хранятся в редакции пять лет.

16. Заседание редакционной коллегии журнала проводится в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

17. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

18. Рецензия дает всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

19. В рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передается рецензентом для учета и хранения.

20. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

21. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

22. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам:

Для опубликования научных статей и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные научные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещен на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей (пример оформления научной статьи):

1. Требования к объему статей:

Минимальный объем — семь страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

2. Требования к оформлению печатного текста:

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Cyr).

Размер шрифта: 14 кегль.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: **все по 2,5 см.**

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Тире типографское (длинное): проставляется с помощью клавиш Alt+0151 или Alt+Ctrl+ «цифровой минус» в правой части клавиатуры.

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Оформление перечней осуществляется вручную. Список использованных источников и литературы нумеровать также вручную.

Фотографии, рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и представляются отдельными файлами на электронном носителе в формате jpg (без сжатия) в черно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм). Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не предоставлять** как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать). Обязательно наличие подписей под рисунками, названий таблиц.

В заглавии пристатейного списка литературы (он должен быть пронумерован) используют словосочетание «**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ**» и помещают его непосредственно после текста статьи. Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], либо [2, с. 46; 5, с. 113]). В списке использованных источников и литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи из журналов и размещаются **в алфавитном порядке или в порядке упоминания в тексте.**

Нормативно-правовые акты, архивные документы, «неавторские» интернет-источники, статистические сборники указываются в постраничных сносках и в **списке литературы не дублируются.** Для сносок используется шрифт Times New Roman (Сур), **размер шрифта — 12, междустрочный интервал — 1.** Если сведения о нормативно-правовых актах полностью приводятся в тексте (т. е. полное название закона/кодекса, дата принятия, номер — Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ), то сноска на них не дается.

Список использованной литературы оформляется как «**Библиографические ссылки**» в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5—2008.

В конце текста материалы должны быть обязательно подписаны автором (соавторами) следующим образом: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети «Интернет» не возражаю».

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Оригинальность текста должна составлять **не менее 65 %.**

Корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВСИ МВД России.

В начале статьи автор указывает **индекс универсальной десятичной классификации (УДК)**. После этого (без интервала) располагаются данные автора (оформлять личные данные необходимо так, как указано в примере статьи): имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученая степень, ученое звание, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Далее (через один интервал) размещается название статьи: выравнивание по центру, начертание — полужирное, используются заглавные буквы.

После названия статьи (через один интервал) размещается аннотация (**не менее 500 знаков**, включая пробелы). Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заголовке; включать малоинформативные формулировки; содержать сведения, отсутствующие в основном тексте (оформлять аннотацию необходимо так, как указано в примере статьи). Затем указываются ключевые слова (без интервала): **5—10 слов, характеризующие проблематику статьи, с красной строки, светлым курсивом, через запятую.**

Далее (через один интервал) дублируются на английском языке данные автора (оформлять личные данные необходимо так, как указано в примере статьи): имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученая степень, ученое звание, (через один интервал) название статьи, аннотация и ключевые слова (убедительная просьба при переводе текста на английский язык **не использовать** онлайн-переводчики, т. к. они некорректно переводят текст, что снижает общее качество работы).

Затем располагается текст статьи (через один интервал), после чего (через один интервал) следуют библиографические ссылки.

3. Требование к указанию научной отрасли:

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), по которым журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

12.00.09 Уголовный процесс.

12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. **Отзыв не является рецензией, а лишь помогает рецензенту в работе по оценке научной новизны и значимости результатов исследования.**

5. Требование к соблюдению режима секретности:

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

6. Порядок направления рукописей и издания журнала:

Статья представляется в редакцию в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронная версия может быть направлена в редакцию по электронной почте kvsz@list.ru.

Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении автором(-ами) правил оформления статьи и наличия всех сопроводительных документов. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала. В случае отклонения статьи от публикации редакция направляет автору мотивированный отказ. Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов и не возвращает рукописи.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сборник научных трудов

№ 1 (13) 2020

Редактор:
А. В. Андреев

Редактор-переводчик:
Н. С. Новолодская

Компьютерная верстка:
А. А. Шаевич, Е. И. Третьякова, А. В. Андреев

Дизайн обложки:
М.А. Полянская

Восточно-Сибирский институт МВД России,
ул. Лермонтова, 110